

ПОЛИЦЕНТРИЧНЫЙ МИР: НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА

Сборник научных трудов X Уральских научных чтений
профессоров и докторантов гуманитарных наук

(Екатеринбург, 1 марта 2023 г.)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Свердловская региональная общественная организация
Вольного экономического общества России
Уральский государственный экономический университет

ПОЛИЦЕНТРИЧНЫЙ МИР: НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА

Сборник научных трудов
X Уральских научных чтений профессоров и докторантов гуманитарных наук

(Екатеринбург, 1 марта 2023 г.)

Екатеринбург
2023

УДК 330.3 (082)
ББК 65я431
П50

Ответственные за выпуск:

доктор экономических наук, профессор
Я. П. Силин,
доктор географических наук, профессор
Е. Г. Анимица

Ответственный редактор

доктор экономических наук, доцент
Н. А. Истомина

П50 **Полицентричный мир: новая экономическая повестка** : сборник научных трудов X Уральских научных чтений профессоров и докторантов гуманитарных наук (Екатеринбург, 1 марта 2023 г.) / [ответственные за выпуск: Я. П. Силин, Е. Г. Анимица ; ответственный редактор Н. А. Истомина] ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Свердловская региональная общественная организация Вольного экономического общества России, Уральский государственный экономический университет. – Екатеринбург : УрГЭУ, 2023. – 221 с.

В сборнике опубликованы материалы по результатам научных исследований профессоров и докторантов, посвященных актуальным вопросам развития экономики, образования, банковского сектора, рынка труда, бюджетной системы, сферы социальных услуг, деятельности предприятий и организаций и др. Учитывая современные тренды развития в статьях затронуты аспекты цифровизации, нейроэкономики, цифровых технологических платформ, цифровой телекоммуникационной среды, цифровой интеграции, роботизации HR-процессов в бизнес-системе.

Сборник будет полезен соискателям ученых степеней кандидата и доктора наук для подготовки диссертаций, преподавателям вузов и сотрудникам научных учреждений, студентам высших учебных заведений при выполнении научных исследований и подготовке научных статей, специалистам-практикам в различных областях для обоснования принятия управленческих решений.

УДК 330.3 (082)
ББК 65я431

© Авторы, указанные в содержании, 2023
© Уральский государственный
экономический университет, 2023

Е. Г. Анимица, Я. П. Силин, К. В. Чернышев

Необходимость смены парадигмы отечественной экономической науки в сфере региональной экономики

В статье ставится нетривиальная задача — утверждения необходимости понимания смысла экономической деятельности во времени и пространстве в контексте духовно-нравственных императивов. Раскрывается содержание и структура духовно-нравственной парадигмы. Особое внимание уделено раскрытию сущностных характеристик таких узловых понятий, как справедливость, патриотизм, дух региона. Подчеркивается, что традиционный теоретический фундамент региональной экономики следует дополнить современными концепциями и теориями.

Ключевые слова: парадигма; региональная экономика; справедливость; духовно-нравственная парадигма; патриотизм; дух региона.

В связи с событиями на Украине, а также в результате присоединения Крыма к России 17 марта 2014 г. США ввели многочисленные санкции против нашей страны, что привело к цепной реакции, когда и другие страны (страны ЕС, Япония, Австралия и др.) начали постепенно присоединяться к введению экономических санкций против России [9, с. 73]. Последствия от введения санкций должны были нанести существенный урон российской экономике. Однако, несмотря на определенное ухудшение экономической ситуации в России, цель, преследуемая западными политиками, не достигнута. Экономические санкции превратились в важный фактор для ускоренной модернизации в первую очередь предприятий ОПК России (в частности, атомной промышленности, ракетно-космического комплекса, электронной и радиопромышленности) и сыграли стимулирующую роль в развитии экономики тех регионов, где подобные предприятия локализованы.

Начиная с 2014 г. заработал механизм реализации политики импортозамещения, который позволил с определенной полнотой обеспечить потребности государства, региона, муниципалитета многочисленными товарами и услугами собственного производства. Этот процесс заметно насытил региональную экономику новыми объектами функционирования и развития.

Понятие «коллективный запад» было искусственно создано в качестве геополитической конструкции конкретными людьми

с конкретными целями, в частности, не допустить ни в коем случае возрастания русской силы, в том числе и в науке.

На западе российскую экономическую науку категорически не воспринимали, как бы она ни старалась вписаться в контуры мировой экономической мысли. «Коллективный запад» навязывает нам модель периферийной экономики, не дающую шансов выстраивать в России экономику полного цикла, с экономической, социальной и культурной самодостаточностью, предполагающую в том числе и современную инфраструктуру, и более высокий уровень отечественного образования и профессионализма. Поэтому со всей очевидностью встает вопрос о привязке отечественной науки, в том числе и региональной экономики, к новым условиям функционирования российского общества, к парадигмальным основам национальной региональной научной школы.

Классическая парадигма регионального развития, претендующая на универсальный характер, исходила из постулата размещения производительных сил, организации общественного производства.

Длительное время преобладала точка зрения, доказывающая, что региональная экономика как область экономических знаний изучает развитие и размещение производительных сил, социально-экономические процессы на территории регионов в тесной увязке с природно-климатическими условиями [7, с. 10].

Эта парадигма стала терять свою значимость в изменяющейся экономической реальности. Примат общественного производства в экономическом развитии региона стал постепенно замещаться непродуцированной сферой, сферой услуг, в частности, торгово-распределительной деятельностью. Заметную роль в этом процессе трансформации сыграла и цифровизация экономики, использование цифровых технологий и усиление цифрового сегмента.

Мы присоединяемся к суждению академика Л. И. Абалкина, который подчеркивал, что «российская экономическая школа, сложившаяся на рубеже XIX–XX вв. ... всегда придавала особую значимость социокультурным и нравственным аспектам (и институтам) хозяйственной жизни [1, с. 244].

В настоящее время научное сообщество все активнее и настойчивее заявляет о необходимости понимания смысла экономической деятельности и экономических изменений в контексте духовно-нравственных императивов [2; 3].

В наиболее обобщенном виде духовно-нравственную *парадигму* аксиологически можно сформулировать как совокупность теорий, концепций, методологий, научных взглядов, которые в течение определенного исторического периода участвуют в трактовке и движении духовных ценностей, ментальных способностей, моральных и нравственных отношений, институтов и институций, норм и правил поведения людей. Именно эти многочисленные разнокачественные и разнохарактерные компоненты (см. рисунок) служат специфической сеткой координат, в пределах которой складывается идентичность личности, удерживается ее поведение в разных сферах деятельности и существования, формируются отличительные особенности, долговременные тенденции, закономерности социально-экономического развития страны и ее регионов.

В отечественной экономической мысли стала преобладать концептуальная установка, что хозяйственная деятельность не сводится только к производству товаров и оказанию услуг. Она погружена в социальную среду, «обитатели которой ведут, организуют, обеспечивают хозяйственную деятельность и используют ее результаты в своих интересах» [4, с. 23].

Социальная среда состоит исключительно из людей, которые взаимодействуют между собой по поводу жизни, хозяйственной деятельности и ее результатов. Эти действия и взаимодействия определяются институтами, удерживающими в них людей.

Российский культурно-цивилизационный код, складывающийся веками, определяет систему духовно-нравственных ценностей, которая, в свою очередь, формирует поведенческую модель личности, во многом вытекающую из устойчивых представлений о *справедливости*. Социальная справедливость представляет собой базовую духовно-нравственную ценность для людей и является основой для становления механизмов социально-экономической мобилизации социума, его социальной энергии в стране или регионе. Социальная справедливость проявляется в качестве важнейшего фактора устойчивого развития экономических процессов

Духовно-нравственные компоненты и основные индикаторы состояния региона

на общегосударственном, региональном и местном (муниципальном) уровнях. Именно на местном уровне человек воспринимает социальную справедливость как определенный экономический и социальный ориентир для деятельной активной личности. Поэтому в современных условиях в регионах и муниципальных образованиях следует актуализировать все факторы экономического роста, включая и такой, как социальная справедливость.

Понятие «патриотизм» как важнейший компонент духовно-нравственной парадигмы, один из важнейших принципов нравственности, характеризующих отношение людей, человека к своей стране, родине, региону, издавна будоражило лучшие умы России. В России термин «патриот» впервые использовал в XVIII в. вице-канцлер в царствование Петра I П. П. Шафиров, в значении «сын Отечества». В нашем современном бытии проблема патриотизма пережила несколько болезненных перемен. Это связано с тем, что патриотические чувства у людей заметно обостряются лишь во время больших исторических потрясений.

А. Н. Радищев, писатель, видный деятель русского Просвещения, мыслитель, написавший в 1789 г. статью «Беседа о том, что есть сын Отечества» [6, с. 213–223], размышлял по поводу патриотизма. Он утверждал, что человек, любящий свою страну, есть сын Отечества, истинный человек. Он подчеркивал, что патриот — это человек чести, он свободен, благороден, смел, решителен, деятелен, целеустремлен, настойчив, честолюбив и растет по мере усиления своего отечества. Патриотизм есть высшее проявление этического, самобытного начала в человеке. В конце своей статьи Радищев пишет, что любому здравомыслящему человеку притягательны качества настоящего патриота, сына отечества и многие обладают ими. А. Н. Радищев и другие представители той эпохи убедительно показали, какими качествами должен обладать человек, чтобы назвать его «истинным сыном Отечества».

Академик Д. С. Лихачев, которого называли «совестью нации», отмечал: «...Между патриотизмом и национализмом глубокое различие. В первом — любовь к своей стране, во втором — ненависть ко всем другим...».

В первой половине 1990-х гг. в высшие эшелоны власти пришла группа молодых представителей либеральной интелли-

генции. Их целью был решительный разрыв с советским прошлым, создание в кратчайшие сроки основ рыночной экономики и плюралистической демократии. «Советский патриотизм», который увязывался с партийностью, советской системой идеологии, ими был решительно отклонен. Вместе с советскостью и партийностью полностью был изжит и патриотизм. На его место пришли другие ценности и ориентиры: обогащение, личное эгоистическое, личное преуспевание, пассивность, равнодушие и т. п.

В настоящее время, в период новых перемен и новых потрясений в российском обществе, тяжело пережившем национальное унижение, возникла острая необходимость возрождения патриотизма, способного не только привести в порядок всю страну, регионы, города и поселки, но и внести смысл, привести «живинку» в сложный душевный мир человека и в общем сохранить идею своего Отечества.

Оригинальный русский мыслитель П. Я. Чаадаев писал, что «...для правильного суждения о народах следует изучать общий дух, составляющий их жизненное начало, ибо только он, а не та или иная черта их характера, может вывести их на путь нравственного совершенства и бесконечного развития» [8, с. 46].

Можем засвидетельствовать свою убежденность в том, что регион — это умопостижимая реальность, живой организм, целостность которого вдумчивый исследователь должен стремиться осознать, что живительную силу региону придает *дух региона*. Под ним понимается не только уникальное сочетание природно-географических, этно-демографических, политико-административных характеристик рассматриваемой территории, но и совокупность традиций, взглядов, обычаев, правил, ценностных установок, иных неформальных институций, укоренившихся в том или ином региональном сообществе и перенимающихся следующими поколениями.

Именно «дух региона» во многом определяет мотивацию поведения экономических субъектов, устанавливает скорость и эффективность проводимых экономических и иных реформ во времени и пространстве, обуславливает «дух экономической эпохи», формирует социальные устои общества на конкретной территории. Важным компонентом «духа региона» может стать общая национальная идея, направленная на формирование обще-

ства благосостояния, ориентированного на развитие человека новой модели — переход от «человека экономического» к «человеку социальному».

Исходя из этих принципиальных положений исследования регионального развития, регион (в том числе и новый регион) следует рассматривать преимущественно через парадигму «регион-социум», когда на первый план выходит изучение культурных, образовательных, медицинских, социально-психологических, политических и других аспектов жизни регионального социума [5, с. 84].

В заключение нужно подчеркнуть, что традиционный теоретический фундамент региональной экономики следует дополнить современными доминирующими концепциями, включающими в себя как материально-финансовые принципы (региональный капитал, преобразующие инвестиции, региональный рынок труда и т. п.), так и духовно-нравственные императивы, с выделением в них приоритетных компонентов (в том числе институтов и институций), с раскрытием их преобладающих свойств и признаков.

Библиографический список

1. *Абалкин Л. И.* Избранные труды: в 4 т. Т. IV: В поисках новой стратегии. М.: Экономика, 2000. 799 с.
2. *Богомолов О. Н.* Нравственный фактор социально-экономического прогресса // Вопросы экономики. 2007. № 11. С. 55–62.
3. *Ветошкин А. П., Каратеева Н. А., Миняйло А. М.* Духовно-нравственная экономика: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2008. 702 с.
4. *Глазьев С. Ю.* О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 56. С. 5–39.
5. *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики: учеб. для вузов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 495 с.
6. *Радищев А. Н.* Беседа о том, что есть сын Отечества // Полное собрание сочинений. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1938–1952. Т. 1. 1938. 501 с.
7. *Региональная экономика: учеб. для вузов / под ред. Т. Г. Морозовой.* 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 527 с.

8. *Чаадаев П. Я.* Статьи и письма. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1989. 623 с.

9. *Экономические санкции против России и российские анти-санкции: издержки и выгоды конфронтации: монография / под ред. Р. М. Нуреева.* М.: КноРус, 2018. 254 с.

Е. А. Антинекул

Обеспеченность населения продовольствием в ритейле в новых экономических условиях

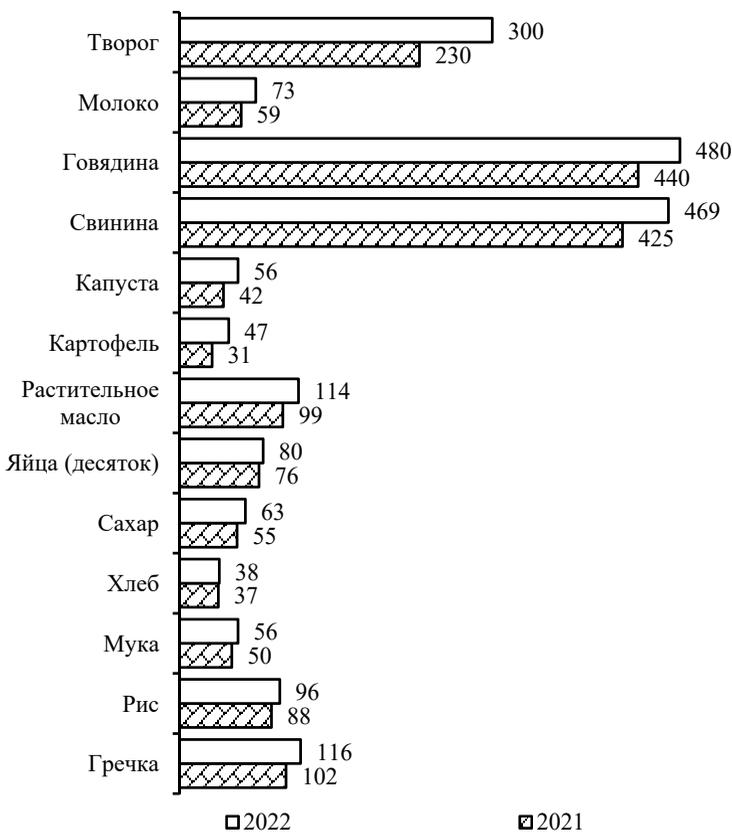
В статье рассмотрены изменения в обеспечении населения продовольствием в России через ритейл с учетом влияния геополитической ситуации. Изучено текущее потребительское поведение, сформированное под воздействием негативных последствий для внутреннего потребления. На примере рынка г. Перми приводятся результаты ритейл-аудита за 2021 и 2022 гг., целью которого является оценка изменения продовольственного ассортимента, цен товаров в ритейле под влиянием санкций.

Ключевые слова: обеспеченность продовольствием; продовольственный ритейл; изменение цен; продовольственный ассортимент.

В текущем развитии розничной торговли продовольствием весомую растущую роль играет ритейл, что подтверждают труды отечественных ученых за 2022 г. [2; 3; 5; 7]. Восстановив товарооборот после пандемии 2020 г., продовольственные торговые сети столкнулись с необходимостью решения проблем, вызванных изменением геополитической ситуации и санкциями [1] к нашей стране. Во-первых, нарушение устоявшихся ранее цепочек поставок, ограничение на оплату импортных товаров российским банкам и выход некоторых поставщиков товаров с российского рынка [6]. Во-вторых, проблемы с закупкой и обслуживанием программного обеспечения ритейлеров, поставками импортного сырья и упаковки для производителей продовольствия [4]. В-третьих, увеличение темпов инфляции и, как следствие, рост цен, влияющих на снижение покупательной способности населения¹.

¹ *Синявская А.* Продовольственный ритейл в условиях санкций // Исследовательское агентство M.A.Research. 2022. 3 окт. URL: <https://ma-research.ru/stati/item/344-prodovolstvennyj-ritejl-v-usloviyakh-sanktsij.html> (дата обращения: 01.02.2023).

Так, по оценкам НКР¹, цены на продовольственные товары в России выросли на 21 % с 2019 г. по 2022 г. Причем на 3 % подорожали отечественные продукты, на 15–20 % — импортные. Изменение цен на популярные группы продовольственных товаров рассмотрено на рисунке.

Средние цены на продукты питания, р.²

¹ *Продукты питания. Аналитическое исследование // НКР. 2022. 6 апр. URL: https://ratings.ru/files/research/macro/NCR_Food_Apr2022.pdf (дата обращения: 01.02.2023).*

² *Калинина Е. Повышение цен в 2022 году / Горенка. Российский информационный новостной портал. URL: https://gorenka.org/26424/#Таблица_повышения_цен_на_продукты_питания_в_2022_году (дата обращения: 01.02.2023).*

Эксперты обосновали совокупный рост зависимостью отечественного производства продовольствия от импорта. Несмотря на то что 80 % позиций продовольственной корзины представляют на полках ритейлеров российские компании, зависимость от иностранных ингредиентов также влияет на увеличение себестоимости. Таким образом, в 2022 г. ритейлеры вынуждены корректировать цены, восстанавливать логистические цепочки, удерживать торговую наценку на товары первой необходимости.

В Центре социального проектирования «Платформа»¹ изучено отношение населения страны к происходящим изменениям. Так, согласно последним опубликованным исследованиям, 68 % россиян считают, что «покупать продукты будет финансово труднее», а 31 % нуждаются в социальной продуктовой помощи. Кроме того, 90 % респондентов утверждают, что утилизация продуктов с истекающим сроком годности недопустима и требуется поиск решений по их дальнейшему использованию.

По данным аналитики Росстата², под воздействием кризисных явлений в 2022 г. потребительский спрос снизился и выросли продажи дешевых продовольственных товаров. Это обосновано сокращением реальных располагаемых доходов населения на 3,4 % в III квартале 2022 г. по сравнению с III кварталом 2021 г.

В ответ на рассмотренные выше вызовы 2022 г. продовольственные ритейлеры, по данным аналитической компании Nielsen, массово вынуждены изменить ассортимент на 15 % (в 7 из 10 категориях товаров). Так, снижение числа SKU продовольственных товаров составило около 10 %³.

С целью более детального изучения произошедших изменений проведено исследование, подтверждающее адаптацию ассортимента с учетом санкционных вызовов и поведения потребителя в ритейле. Ключевой гипотезой является сокращение структуры продовольственных товаров и увеличение цен в сравнении

¹ *Возможности и барьеры практики фудшеринга в России* // Лаборатория ритейла. 2022. Вып. 10. URL: <https://pltf.ru/2022/12/27/vozmozhnosti-i-baryery-praktiki-fudsheringa-v-rossii/> (дата обращения: 01.02.2023).

² *Статистика* / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 30.01.2023).

³ *Оптимизация ассортимента в условиях кризиса* // NIQ. 2022. 10 июня. URL: <https://nielseniq.com/global/ru/insights/analysis/2022/optimizaciya-assortimenta-v-usloviyah-krizisa/> (дата обращения: 30.01.2023).

с периодом 2021 г. Для ее подтверждения в мае 2021 г. и мае 2022 г. проведен ритейл-аудит количества SKU, максимальных и минимальных цен в каждой ассортиментной группе продовольственных товаров. В качестве объектов исследования выбраны пять гипермаркетов города Перми («Лента», «АШАН», «Семья», «Магнит», «Перекресток») с наиболее широким ассортиментом товаров и их интернет-магазины или представительства на площадке «Сбермаркет», как каналы, набирающие популярность среди покупателей. Таким образом, обеспечена репрезентативная выборка продовольственных ритейлеров для исследования.

По результатам ритейл-аудита по среднему из пяти ритейлеров количеству SKU в девяти отобранных категориях продовольственных товаров выявлено уменьшение количества SKU по большинству рассматриваемых категорий товаров в гипермаркетах в сравнении с 2021 г. в 2022 г. на 67 %, в интернет-магазинах — на 54 %. При этом количество SKU в онлайн-формате по сравнению с офлайн-магазинами в 2021 г. было на 4 % меньше, а уже в 2022 г. выросло на 20 %. Таким образом, выявлено превышение развития ассортимента онлайн-формата над офлайн. Наиболее высоки темпы роста ассортимента по категории хлебобулочных изделий (на 72 %), растительных масел (на 50 %), молочной продукции (на 37 %) и сыров (на 23 %). Меньшее развитие по количеству SKU в интернет-магазинах по сравнению с гипермаркетами выявлено у категорий мясных изделий (меньше на 6 %), кофе (больше на 10 %), консервы (больше на 11 %), чай (больше на 16 %) и сладости немучные (больше на 19 %).

Рейтинг групп продовольственных товаров по развитию ассортимента в онлайн-формате ритейла по сравнению с офлайн представлены в табл. 1.

Лидерами по соотношению количество SKU между гипермаркетами и интернет-магазинами по результатам анализа в 2022 г. являются группы хлебобулочных товаров: сушки, багет, сухари и др., а аутсайдерами являются группы мясных товаров: колбаса ливерная, сардельки вареные, сардельки сливочные, бекон и др. По этим группам товарного ассортимента офлайн-форматы уступают онлайн.

Итоги ритейл-аудит уровня цен на исследуемые группы товаров рассмотрены в табл. 2.

Таблица 1

Рейтинг групп продовольственных товаров по результатам ритейл-аудита по среднему количеству SKU в ритейлерах г. Перми

Группы продовольственных товаров	Среднее количество SKU в гипермаркетах		Среднее количество SKU в интернет-магазинах		Индекс соотношения 2022 г. к 2021 г.		Индекс соотношения количества SKU между гипермаркетами и интернет-магазинами	
	2021	2022	2021	2022	Гипермаркеты	Интернет-магазины	2021	2022
Сушки	17	3	22	15	0,16	0,71	1,30	5,75
Хлебцы	19	13	68	41	0,71	0,60	3,66	3,05
Сухари	9	2	6	5	0,22	0,84	0,70	2,67
Лаваш	6	3	3	6	0,42	1,70	0,53	2,13
Булочка	21	33	10	66	1,55	6,60	0,47	2,00
Молоко	90	30	83	59	0,33	0,71	0,92	1,99
Сметана	44	16	41	32	0,37	0,77	0,94	1,96
Чай белый	5	2	2	4	0,40	1,83	0,40	1,83
Баранки	4	2	4	3	0,46	0,91	0,85	1,67
Колбаса копчено-вареная	27	27	43	43	1,00	1,00	1,61	1,61
Сгущенное молоко	33	8	32	12	0,23	0,39	0,97	1,61
Оливковое масло	99	21	28	31	0,21	1,12	0,28	1,50
Кефир	35	14	30	21	0,40	0,70	0,85	1,48
Зефир, маршмеллоу, суфле	71	23	53	34	0,33	0,64	0,75	1,47

Продолжение табл. 1

Группы продовольственных товаров	Среднее количество SKU в гипермаркетах		Среднее количество SKU в интернет-магазинах		Индекс соотношения 2022 г. к 2021 г.		Индекс соотношения количества SKU между гипермаркетами и интернет-магазинами	
	2021	2022	2021	2022	Гипермаркеты	Интернет-магазины	2021	2022
Подсолнечное масло	36	17	84	24	0,46	0,29	2,30	1,44
Сливки	38	19	45	27	0,50	0,60	1,18	1,42
Творог	73	23	118	32	0,32	0,27	1,60	1,37
Чай травяной	46	29	72	40	0,64	0,55	1,58	1,37
Молочный коктейль	52	21	50	28	0,39	0,56	0,96	1,35
Йогурт	195	115	181	151	0,59	0,84	0,93	1,32
Шоколадные батончики	71	112	65	144	1,58	2,21	0,92	1,29
Мармелад	89	57	56	72	0,64	1,27	0,63	1,26
Кекс	12	7	15	9	0,60	0,57	1,31	1,24
Овощные консервы	224	56	195	69	0,25	0,35	0,87	1,23
Чай черный листовый	227	109	227	132	0,48	0,58	1,00	1,21
Кофе молотый	70	30	81	36	0,42	0,44	1,16	1,21
Колбаса сырокопченая	61	61	72	72	1,00	1,00	1,18	1,18
Оливки, маслины, каперсы	70	20	54	23	0,28	0,43	0,76	1,17
Чай зеленый	84	39	84	46	0,47	0,54	1,00	1,16
Колбаса полукопченая	32	32	37	37	1,00	1,00	1,16	1,16

Продолжение табл. 1

Группы продовольственных товаров	Среднее количество SKU в гипермаркетах		Среднее количество SKU в интернет-магазинах		Индекс соотношения 2022 г. к 2021 г.		Индекс соотношения количества SKU между гипермаркетами и интернет-магазинами	
	2021	2022	2021	2022	Гипермаркеты	Интернет-магазины	2021	2022
Колбаса вареная	64	64	74	74	1,00	1,00	1,15	1,15
Весовые конфеты	116	115	104	132	0,99	1,27	0,89	1,15
Кофе растворимый	111	73	121	83	0,65	0,68	1,09	1,14
Рыбные консервы	112	13	80	15	0,12	0,19	0,71	1,13
Ветчина вареная	22	22	25	25	1,00	1,00	1,12	1,12
Кофейный напиток	21	10	25	11	0,49	0,43	1,21	1,06
Карамель, леденцы, драже	90	56	72	60	0,63	0,83	0,80	1,06
Кофе зерновой	90	28	103	29	0,31	0,28	1,15	1,05
Фруктовые консервы	29	8	30	8	0,27	0,28	1,02	1,04
Грибные консервы	26	10	55	10	0,38	0,19	2,12	1,03
Хлеб	62	54	58	56	0,87	0,95	0,94	1,03
Сосиски вареные	47	47	42	42	1,00	1,00	0,89	0,89
Карбонад	12	12	10	10	1,00	1,00	0,86	0,86
Сало	7	7	6	6	1,00	1,00	0,86	0,86
Капсулы для кофемашины	54	14	46	12	0,26	0,26	0,85	0,86
Восточные сладости	42	20	33	17	0,49	0,51	0,79	0,82
Мясные консервы	96	22	34	18	0,23	0,54	0,35	0,82

Окончание табл. 1

Группы продовольственных товаров	Среднее количество SKU в гипермаркетах		Среднее количество SKU в интернет-магазинах		Индекс соотношения 2022 г. к 2021 г.		Индекс соотношения количества SKU между гипермаркетами и интернет-магазинами	
	2021	2022	2021	2022	Гипермаркеты	Интернет-магазины	2021	2022
Сосиски сливочные	24	24	17	17	1,00	1,00	0,68	0,68
Бекон	21	21	8	8	1,00	1,00	0,39	0,39
Сосиски баварские	15	15	9	9	1,00	1,00	0,61	0,61
Сардельки сливочные	15	15	6	6	1,00	1,00	0,37	0,37
Сардельки вареные	32	32	8	8	1,00	1,00	0,23	0,23
Колбаса ливерная	12	12	3	3	1,00	1,00	0,22	0,22

Примечание. Составлено автором по результатам ритейл-аудита.

Таблица 2

Рейтинг групп продовольственных товаров по результатам ритейл-аудита по средним ценам в ритейлерах г. Перми

Группы продовольственных товаров	Средние цены в гипермаркетах		Средние цены в интернет-магазинах		Индекс соотношения 2022 г. к 2021 г.		Индекс соотношения средних цен между гипермаркетами и интернет-магазинами	
	2021	2022	2021	2022	Гипермаркеты	Интернет-магазины	2021	2022
Оливки, маслины, каперсы	297,38	713,75	198,60	536,28	0,668	0,751	2,400	2,700
Булочка	122,23	79,98	74,90	158,38	0,613	1,980	0,654	2,115

Продолжение табл. 2

Группы продовольственных товаров	Средние цены в гипермаркетах		Средние цены в интернет-магазинах		Индекс соотношения 2022 г. к 2021 г.		Индекс соотношения средних цен между гипермаркетами и интернет-магазинами	
	2021	2022	2021	2022	Гипермаркеты	Интернет-магазины	2021	2022
Сушки	86,19	83,88	30,60	60,83	0,355	0,725	0,973	1,988
Баранки	47,40	49,96	30,13	52,63	0,636	1,053	1,054	1,747
Чай белый	183,20	242,69	112,46	195,80	0,614	0,807	1,325	1,741
Восточные сладости	111,46	109,31	121,57	188,70	1,091	1,726	0,981	1,552
Карамель, леденцы, драже	127,26	118,70	103,43	153,45	0,813	1,293	0,933	1,484
Грибные консервы	283,09	317,35	272,26	397,93	0,962	1,254	1,121	1,462
Кефир	59,29	64,00	69,58	99,92	1,173	1,561	1,079	1,436
Мармелад	138,95	138,69	127,10	178,38	0,915	1,286	0,998	1,403
Хлеб	74,72	108,01	69,13	96,55	0,925	0,894	1,446	1,397
Шоколадные батончики	98,95	340,13	199,77	277,00	2,019	0,814	3,438	1,387
Кекс	223,46	166,04	92,28	124,73	0,413	0,751	0,743	1,352
Кофейный напиток	205,81	205,71	57,46	73,46	0,279	0,357	1,000	1,278
Конфеты в пакетах	239,45	217,96	424,55	527,67	1,773	2,421	0,910	1,243
Зефир, маршмеллоу, суфле	176,13	179,84	137,77	168,93	0,782	0,939	1,021	1,226
Сливки	199,69	210,11	179,40	216,84	0,898	1,032	1,052	1,209
Фруктовые консервы	191,66	176,60	187,93	218,27	0,981	1,236	0,921	1,161
Лаваш	46,23	55,09	51,66	57,71	1,118	1,048	1,192	1,117
Чай зеленый	250,97	247,75	276,96	300,96	1,104	1,215	0,987	1,087
Хлебцы	101,46	135,86	129,91	139,33	1,280	1,026	1,339	1,073

Окончание табл. 2

Группы продовольственных товаров	Средние цены в гипермаркетах		Средние цены в интернет-магазинах		Индекс соотношения 2022 г. к 2021 г.		Индекс соотношения средних цен между гипермаркетами и интернет-магазинами	
	2021	2022	2021	2022	Гипермаркеты	Интернет-магазины	2021	2022
Молоко	126,06	138,38	103,50	110,49	0,821	0,798	1,098	1,068
Кофе растворимый	687,29	935,48	594,72	633,38	0,865	0,677	1,361	1,065
Овощные консервы	252,09	243,90	191,93	202,77	0,761	0,831	0,967	1,056
Чай черный	290,26	286,48	312,30	319,80	1,076	1,116	0,987	1,024
Рыбные консервы	211,27	171,17	203,10	205,60	0,961	1,201	0,810	1,012
Капсулы для кофемашин	481,68	407,04	494,13	497,80	1,026	1,223	0,845	1,007
Кофе молотый	614,36	570,31	513,46	515,46	0,836	0,904	0,928	1,004
Кофе зерновой	1020,36	1170,54	1095,30	1097,46	1,073	0,938	1,147	1,002
Сгущенное молоко	134,71	142,90	163,08	163,38	1,211	1,143	1,061	1,002
Мясные консервы	152,27	172,72	261,43	261,77	1,717	1,516	1,134	1,001
Молочный коктейль	101,13	74,28	120,23	119,69	1,189	1,611	0,735	0,996
Творог	153,54	151,71	169,11	168,13	1,101	1,108	0,988	0,994
Сметана	88,91	91,24	123,15	121,84	1,385	1,335	1,026	0,989
Сухари	111,21	140,01	61,73	60,35	0,555	0,431	1,259	0,978
Йогурт	77,29	91,31	97,29	94,55	1,259	1,036	1,181	0,972
Оливковое масло	1106,00	816,83	784,28	719,00	0,709	0,880	0,739	0,917
Чай травяной	194,98	299,94	238,80	211,13	1,225	0,704	1,538	0,884
Подсолнечное масло	235,00	240,33	316,13	241,91	1,345	1,007	1,023	0,765
<i>Всего</i>	×	×	×	×	0,988	1,093	1,138	1,254

Примечание. Составлено автором по результатам ритейл-аудита.

В гипермаркетах за период с 2021 по 2022 г. индекс средних цен на группы продовольственных товаров в рамках исследования уменьшился на 2 %, а в онлайн-форматах — увеличился на 9 %. Сравнение индексов средних цен в интернет-магазинах с офлайн-форматом продовольственного ритейла позволило определить, что в 2021 г. доступность пищевых продуктов онлайн была меньше на 13 %, а в 2022 г. — уже на 25 %. Таким образом, выявлено сокращение ассортимента продовольственных товаров по большинству групп, а также избирательное увеличение цен по сравнению с предыдущим годом.

Выстроенный рейтинг соотношения изменения средней стоимости пищевых продуктов онлайн- и офлайн-форматов ритейла позволил выявить группы товаров, которые дешевле в интернет-магазинах: молочные коктейли, творог, сметана, сухарики, йогурт, оливковое масло, травяной чай и подсолнечное масло. Остальное продовольствие по стоимости превышает гипермаркеты. В разных периодах эти группы меняются с целью поддержания интереса аудитории к данному формату.

Очевидно, что продовольствие, являясь товарами первой необходимости, будет продаваться. Торговым сетям необходимо подстраиваться быстрее под рыночные тенденции. Изменение поведения покупателей положительно повлияло на рост конкуренции среди продовольственных ритейлеров. Для того чтобы удерживать потребителей, обеспечивая его необходимым продовольствием, ритейлеры развивают СТМ (собственные торговые марки) в товарных категориях. Дополнительно ритейлеры отслеживают расходы на логистику и закупки с целью их минимизации. Кроме того, реализуют экологическую повестку, осуществляя постоянный поиск инструментов предложения товаров с истекающим сроком годности (переработка на фабрике-кухне, продажа в полцены, вечерние скидки и пр.).

Таким образом, изменения в продовольственном ритейле, произошедшие под влиянием сложной геополитической ситуации, умело нивелируются, позволяя решать задачу обеспечения доступным продовольствием населения страны.

Библиографический список

1. *Басилашвили Т. П., Баженова А. В.* Влияние санкций на развитие продовольственного ритейла в России // Новые реалии глобальной экономики: санкции и торговые войны: материалы научно-практической конференции студентов и аспирантов (Москва, 25 апреля 2019 г.). М.: ВАВТ, 2020. С. 23–29.

2. *Георгиевский А. Б.* Экосистемы российского ритейла: основные участники и индикаторы формирования // ЭКО. 2022. № 4 (574). С. 138–155.

3. *Ендовицкий Д. А., Сухарева А. А.* Анализ тенденции развития розничной торговли продуктами питания в докризисный период в условиях пандемии // Современная экономика: проблемы и решения. 2022. № 2 (146). С. 96–107.

4. *Новикова К. В., Антинескул Е. А., Ковалев В. Е.* Минимизация потерь продовольственного ритейла в России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2022. № 3. С. 73–92.

5. *Петрова Е. В.* Развитие продуктового ритейла и его роль в обеспечении продовольственной безопасности страны // Проектный и инвестиционный менеджмент в условиях социально-экономических трансформаций: материалы III Нац. науч.-практ. конф. текстовое электронное издание (Краснодар, 7 апреля 2022 г.). Краснодар: Краснодарский ЦНТИ — филиал РЭА Минэнерго России, 2022. С. 285–291.

6. *Федотов А. Н., Бураков В. И.* Трансформация взаимоотношений сетевого продуктового ритейла с поставщиками в новых экономических условиях // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12, № 4.

7. *Федотов А. Н., Образцов Е. А.* Роль сетевого продуктового ритейла в обеспечении продовольственной безопасности России // 115-летие публикации монографии А. М. Сибирякова «О путях сообщения Сибири и морских сношениях ее с другими странами»: материалы межвуз. студ. науч.-практ. конф. (Иркутск, 17 мая 2022 г.). Иркутск: БГУ, 2022. С. 50–56.

Нейроэкономика вложенных реальностей в условиях глобальных мировых трансформаций

Рассматривается нейроэкономический подход к анализу человеческого поведения, связанного с погружением в цифровую среду жизни и бизнеса. Основной исследовательский вопрос: как на основе нейробиологических и нейроэкономических исследований спрогнозировать поведение человека в разнообразных цифровых средах в условиях глобальных мировых трансформаций.

Ключевые слова: нейроэкономика; цифровое нейроэкономическое поведение; глобальные мировые трансформации.

Вступление. Нейроэкономика является новым стыковым направлением научных исследований, по которому в свое время была присуждена Нобелевская премия в области поведенческой экономики [8]. Возможности нейроэкономики и ее перспективы связаны с междисциплинарным характером и интеграцией достижений экономики, нейробиологии, нейрофизиологии, нейропсихологии человека [3; 7].

Возможности нейровизуализации работы мозга на основе ЭЭГ, МРТ исследований позволяют рассмотреть процессы выбора и принятия экономических решений «изнутри» в процессе анализа естественных нейросетей головного мозга. Дизайн нейроэкономических исследований довольно сложен, так как экономистам и нейробиологам необходимо пересечь границы между различными подходами и терминологиями, чтобы иметь возможность общаться и понимать методы и научные проблемы друг друга. Для экономистов-исследователей, работающих в традиционных областях, достаточно сложно бывает принятие явлений общих прогнозируемых мозговых реакций различных людей в качестве иллюстрирующей и объясняющей базы анализа экономического поведения. Тем не менее целый ряд экономических поведенческих процессов может быть исследован с помощью выявления так называемых нейронных коррелятов головного мозга, проявляющихся при активации и реакции мозга человека. Интересны с экономической точки зрения нейронные корреляты предпочтений [5], кооперативного поведения, социальных вознаграждений

дений [6], выбора продукта [4], принятия решений [2] и многие другие.

Для целей данного исследования нейроэкономический подход позволяет проанализировать трансформацию человеческого поведения, связанную с погружением в цифровую среду. Основной исследовательский вопрос: как на основе нейробиологических и нейроэкономических исследований спрогнозировать поведение человека в экономических условиях его жизни и работы в разнообразных цифровых средах?

Цифровая эпоха вложенных экономических реальностей. Цифровую эпоху можно назвать самым глобальным бэкграундом происходящих изменений. Сдвиг парадигм в отношении перехода к цифровой цивилизации порождает совершенно иную среду всех исследований практически всех отраслей наук, которые в настоящее время существуют.

В нейроэкономике новое «цифровое» значение приобретает изучение и интерпретация поведенческих моментов, связанных не только с принятием решения, но и — шире — с организацией своего образа жизни в новых нейроцифровых условиях. Поведение человека следует рассматривать в контексте цифровых реальностей. Термин «цифровая реальность» употреблен во множественном числе, потому что на сегодня существует несколько вложенных друга в друга реальностей. Они существуют вполне обособленно, и можно сказать, что есть некоторые даже четкие границы перехода от одной реальности к другой. Эти переходы связаны не только физически с какими-то цифровыми или технологическими переключениями, а шире — со сменой образа поведения, образа мысли и образа мышления человека.

На основе наших 10-летних исследований естественных нейросетей головного мозга человека, его нейропаттернов и нейросистем в цифровых технологических средах, можно сказать о существенных различиях нейрокоррелятов в физических и цифровых средах [1].

Прежде чем переходить к анализу множественности реальностей, рассмотрим контекст глобальных мировых трансформаций. Все глобальные мировые изменения и процессы следует рассматривать в рамках сдвига в цифровую парадигму, которая полностью перестраивает всю систему экономических, техноло-

гических, технических, политических социальных, межличностных и иных отношений в обществе. Трансформация, связанная с COVID и персональной и семейной изоляцией, повлияла на степень погруженности в различные цифровые реальности.

Глобальные политические события также все больше приобретают цифровой контекст. Политические трансформации породили помимо общеполитических ситуаций явление цифровых войн и изоляций. На сегодняшний день цифровая среда стала объектом конкуренции, военных действий и разного рода политических передраг. Это является отражением геополитической реальности. В то же время можно говорить о самостоятельной геоцифровой реальности со своими законами и условиями.

Можно предположить, что на следующем этапе геоцифровой трансформации мы будем говорить уже о разделении цифровых территорий в метавселенных отдельных государств.

Вернемся к рассмотрению нейроэкономики вложенных реальностей в физической и цифровой средах.

В настоящее время можно выделить уже четыре вложенные экономически значимые реальности.

Первая — физическая, в которой мы привыкли жить в период жизни человечества до сдвига к цифровой парадигме.

Вторая реальность — собственно цифровая, которая представлена глобальным и локальным интернет-пространством. Эта реальность все больше управляется искусственным интеллектом, способным работать как с большими данными, так и с локальными задачами. Можно сказать, что это уже традиционное понимание цифровой реальности.

Третья реальность — смешанная, связанная с одновременным нахождением в цифровой и реальной средах. И это не просто использование гаджетов дополненной реальности, которые в будущем еще, возможно, усилят свою нейроэкономическую роль. Смешанная реальность связана с минимизацией и удобством гаджетов доступа к различным мессенджерам, сайтам, сетям, которые доступны практически в любом месте, точке пространства и времени. Где в настоящее время находится человек? Можно с уверенностью сказать, что мы уже находимся не в физической реальности, а в реальности смешанной. Человек постоянно погружен в различные социальные сети, контакты, информацион-

ные обмены, которые уже на сегодняшний день включают большое количество камер, возможностей видеозвонков и сообщений в любой точке, где бы мы ни находились. Это и создает смешанную реальность, где мы можем советоваться, принимать коллективные решения в любой момент, обсуждать, визуализировать и т. п.

Четвертая вложенная реальность — это виртуальные метавселенные. Погружаясь в цифровой мир метавселенных, человек может организовать там жизнь, работу, общение, развлечения. Более того, возможно организовать различные бизнесы в метавселенных, которые в настоящее время наращивают свой экономический потенциал.

Нейроэкономический подход к анализу поведения человека. С точки зрения нейробиологического анализа экономического поведения в цифровых средах сформулируем достаточно простой тезис. В реальной жизни человеческий мозг находится в естественной биологической среде, и его естественные нейросети, корреляты формируются и работают на основе нормального уровня сенсорной информации и ее обработки.

В цифровой реальности мы имеем дело с биологически обедненной средой, в которой мозг воспринимает цифровой обработанный эквивалент зрительных и слуховых сигналов.

В смешанной реальности ситуация еще сложнее. Находясь в реальном мире, мы привыкаем к наличию постоянной цифровой поддержки, которой мы можем делегировать ряд познавательных функций и, что самое важное, функцию поддержки принятия решений, в том числе экономического выбора, предпочтений и т. п.

Не вдаваясь в подробный анализ нейробиологических механизмов работы мозга, отметим, что проявляется три режима работы естественных нейросетей:

- традиционный — с полным набором работы сенсорных каналов;
- обедненный — с работой только зрительных и слуховых каналов;
- смешанный — с постоянным переключением внимания от реального к цифровому обедненному состоянию.

Нейровизуализация процессов перехода из одной реальности в другую [1] демонстрирует усиленную «эксплуатацию» лобных отделов мозга с ослаблением работы подкорковых структур. При этом основу работы составляет процесс внимания, который при перегрузке теряет свою осознанность и порождает особый режим сканирования, которое иногда называют «серфингом» в Интернете. То есть процессы принятия решения, выбора предпочтений обеспечиваются ограниченной работой мозговых структур.

Теперь приведем несколько цифровых данных, демонстрирующих, какую часть времени человек проводит в цифровой и смешанной средах, что определяет время для формирования самостоятельного цифрового нейроэкономического поведения.

Количество интернет-пользователей за последние 10 лет **увеличилось более чем вдвое** — с 2,18 млрд на начало 2012 г. до 4,95 млрд в начале 2022 г.¹

Россияне находятся онлайн **7 ч 50 мин в сутки**, что на час больше, чем среднемировое значение.

Несложно понять, что в течение времени, практически равного рабочему дню, человек находится в цифровой реальности, часть которой является вложенной смешанной реальностью. В среднем пользователи соцсетей тратят на них **2 ч 27 мин в день**.

Ряд цифр об особенностях экономического поведения: каждый четвертый интернет-пользователь в возрасте от 16 до 64 лет (27,6 %) узнает о новых брендах, продуктах и услугах через рекламу в соцсетях, что лишь немного меньше, чем в случае с телевизионной рекламой (31,1 %).

Поисковые системы по-прежнему являются основным источником информации о новых брендах для интернет-пользователей со всего мира: 31,7 %.

Таким образом, на сегодня мы имеем дело не просто с особенностями нейроэкономического поведения, а с проявлениями

¹ Чуранов Е. Статистика интернета и соцсетей на 2022 год — цифры и тренды в мире и в России // WebCanape. 2022. 1 февр. URL: <https://www.webcanape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2022-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 27.02.2023).

цифрового нейроэкономического поведения. Ведь в цифровую среду погружается именно мозг человека, становясь главным действующим элементом экономического поведения в цифровой и смешанной реальностях.

Выводы. Наряду с переходом к цифровой эпохе, вторая глобальная трансформация — жизнь в смешанной реальности. В принятии решений, формировании предпочтений, выборе человек на сегодняшний день ориентируется уже не только и не столько на возможности собственных интеллектуальных и сенсорных систем, сколько на возможности ассистирующих реальностей, в которых он находится благодаря гаджетам. Нейроэкономическое поведение уже может рассматриваться не как просто переключение из одной реальности в другую, а как совершенно нормальная работа мозга в смешанной реальности, при которой происходит распределение и делегирование интеллектуальных функций. В цифровом нейроэкономическом поведении необходимо рассматривать не просто виды бизнес- и потребительской деятельности, связанные с физической, смешанной, виртуальной реальностями. Мы можем говорить в разных видах занятости, бизнеса о разных моделях нейроэкономического поведения во вложенных реальностях.

Библиографический список

1. *Вербицкая Н. О., Чекотин Р. С.* Формирование нейрометодики профессионального обучения в условиях человеко-машинного взаимодействия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Образование. Педагогические науки. 2017. Т. 9, № 2. С. 62–73.

2. *Ключарев В. А., Шмидс А., Шестакова А. Н.* Нейроэкономика: нейробиология принятия решений // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4, № 2. С. 14–35.

3. *Романовский А. В., Шокин Я. В.* Нейроэкономика и ее интеграция в экономическую науку // Экономические науки. 2010. № 70. С. 42–44.

4. *Ambler T., Braeutigam S., Stins J., Rose S., Swithenby S.* Saliency and choice: neural correlates of shopping decisions // *Psychology & Marketing*. 2004. Vol. 21, no. 4. P. 247–261.

5. *Deppe M., Schwandt W., Kugel H., Plassmann H., Kenning P.* Non-linear responses within the medial prefrontal cortex reveal when specific im-

PLICIT information influences economic decision making // Journal of neuroimaging. 2005. Vol. 15, no. 2. P. 171–182.

6. *Erk S., Spitzer M., Wunderlich A. P., Galley L., Walter H.* Cultural objects modulate reward circuitry // NeuroReport. 2002. Vol. 13, no. 18. P. 2499–2503.

7. *Kenning P., Plassmann H.* NeuroEconomics: An overview from an economic perspective // Brain research bulletin. 2005. Vol. 67, no. 5. P. 343–354.

8. *Thaler R. H.* Mental accounting matters // Journal of Behavioral decision making. 1999. Vol. 12, no. 3. P. 183–206.

Е. Ю. Виноградова

Структурно-функциональная модель инновационной экспертной системы управления хозяйствующим субъектом

Рассматривается задача формализации и оптимизации деятельности, выделяются бизнес-процессы в соответствии с продуктовыми линиями и функциональными подразделениями и увязкой их в сквозные процессы предприятия, нацеленные на создание продуктов и предоставление услуг клиентам.

Ключевые слова: интеллектуальные информационные технологии; информационные системы; управление предприятием.

Введение. В настоящее время наблюдается тенденция интеграции разнообразных методов моделирования, проявляющаяся в форме создания интегрированных средств моделирования. Одним из таких средств является программный продукт, носящий название ARIS (Architecture of Integrated Information Systems), разработанный фирмой IDS Scheer.

Задача формализации и оптимизации деятельности сводится к выделению бизнес-процессов в соответствии с продуктовыми линиями и функциональными подразделениями и увязке их в сквозные процессы компании, нацеленные в первую очередь на создание продуктов и предоставление услуг клиентам [1–9].

Постановка и решение задачи. Первоначально на предприятии проводится инвентаризация бизнес-процессов по состоянию «как есть» по внедряемой области.

В результате получен перечень обследованных рабочих мест. Затем по каждому рабочему месту составлен перечень функций, документов и справочников, необходимых для выполнения поставленных задач.

Далее каждый филиал описывается до отделов (служб). Показывается состав отделов (служб) и их организационные руководители. Затем проведено описание структуры филиалов и администрации, на основе результатов инвентаризации в ARIS создано дерево структуры филиалов. В дерево включены филиалы; отделы (службы); должности в отделах; обязанности сотрудников по каждой должности.

В результате получена классификация документации Общества. На основании данных, полученных в результате инвентаризации деятельности, также была сформирована карта процессов верхнего уровня предприятия.

Далее каждый отдел (служба) детализируется до должностей, показывается штатная структура отдела (службы), связь с организационным руководителем (в данном примере — начальник отдела) и с техническим (методологическим) руководителем (в данном примере — главный инженер).

В результате созданы модели бизнес-процессов и регламенты деятельности Общества, определены функции, поддерживаемые системой, оптимизированы образцы первичных и отчетных документов, сформирована база данных взаимосвязанных показателей отчетности и атрибутов документов, а также указаны информационные источники для их формирования. На основании полученных данных формируется карта процессов верхнего уровня (см. рисунок).

По каждому процессу верхнего уровня должен быть определен ответственный за процесс, риски, цели и ключевые показатели результативности. Обязанность (бизнес-роль) ответственного за процесс связывается с его должностью на диаграмме описания должности.

На данном шаге производится согласование моделей процессов с ключевыми специалистами и руководством Общества. Именно здесь возникает возможность получить конкретный и измеримый консалтинг от сторонних консультантов. В результат бизнес-процессы оптимизированы и согласованы с точки зрения бизнес-логики.

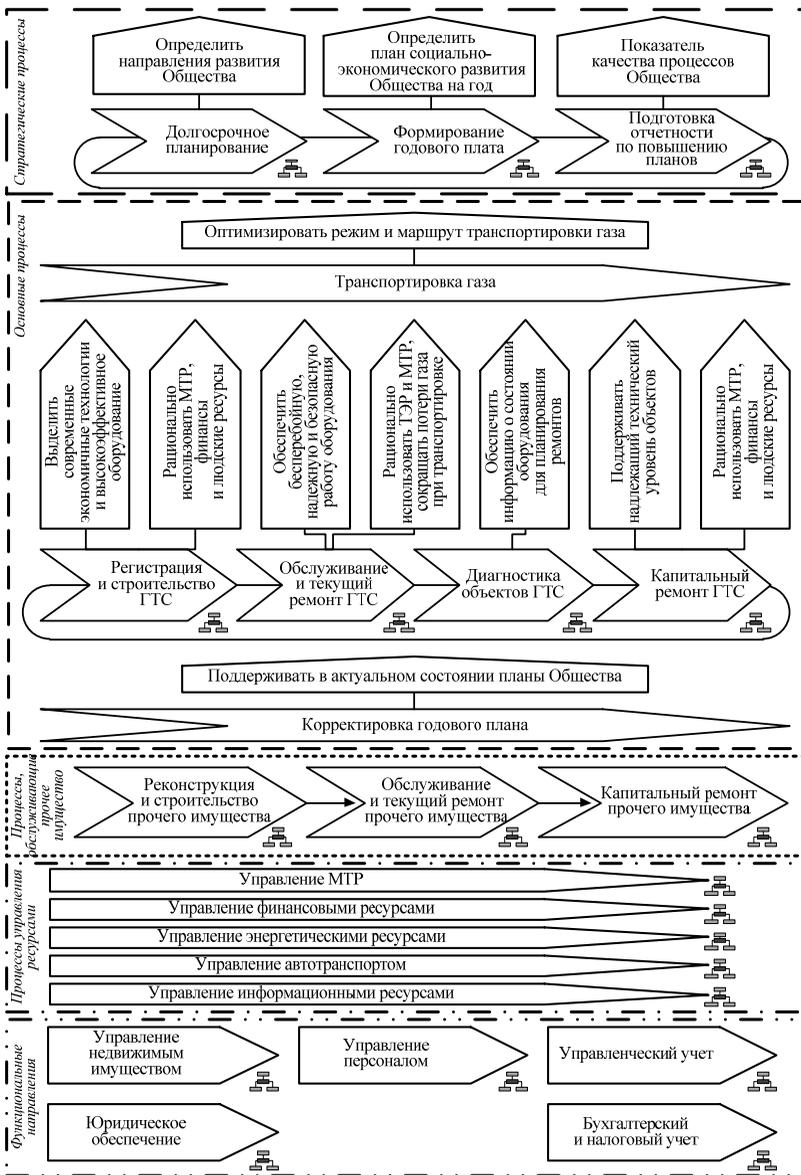

Диаграмма основных процессов
(на примере хозяйствующего субъекта газотранспортной отрасли)

Последний уровень детализации — диаграмма окружения функции. Здесь моделируются требования к выполнению функции, указываются квалификационные требования, полномочия в системе, справочники и нормативные документы, необходимые для выполнения функции, входные и выходные документы.

Заключение. В результате получены дерево организационной структуры предприятия, справочник типовых рабочих мест, регламенты бизнес-процессов, классификация документации Общества, альбом образцов документов Общества, документооборот по каждому документу, должностные инструкции, положения по отделам (службам), квалификационные требования к должностям, система допусков к информации (по каждой должности спецификация допусков к системе), методики заполнения первичных документов, методики формирования отчетности, бератор хозяйственных операций в увязке с проводками (бухгалтерского и налогового учета), инструкции пользователей систем, перечень функций, подлежащих автоматизации.

Библиографический список

1. *Александрова Е. А., Аникин С. А.* Модель стимулирующей заработной платы как задача оптимального управления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Математическое моделирование и программирование. 2014. Т. 7, № 4. С. 22–35.
2. *Беляев В. К.* Экономическая оценка управленческих решений. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. 310 с.
3. *Виноградова Е. Ю.* Актуальные вопросы проектирования и реализации корпоративных систем поддержки принятия управленческих решений на предприятии // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2018. № 1 (85). С. 102–111.
4. *Водопьянова Е. В.* Европа в поисках инноваций // Современная Европа. 2014. № 2 (58). С. 31–41.
5. *Гораева Т. Ю., Шамина Л. К.* Методика мониторинга и оценки инновационной деятельности предприятия // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Сер.: Экономические науки. 2015. № 3 (221). С. 198–210.
6. *Комков Н. И., Бондарева Н. Н., Романцов В. С, Диденко Н. И., Скрипнюк Д. Ф.* Методические и организационные основы управления развитием компаний. М.: Наука, 2015. 520 с.

7. *Критская С. С.* Повышение производительности труда в высокотехнологической промышленности: стимулы и социальные риски // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 4 (451). С. 107–121.

8. *Кузнецова Т. Е., Никифоров Л. В.* О стратегии использования пространственного потенциала России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 2. С. 51–64.

9. *Ляпкина Н. А., Жарикова А. В.* Особенности оперативного управления производством как один из аспектов управления изменениями на современном этапе // Проблемы и перспективы развития экономики и менеджмента в России и за рубежом: материалы Шестой международной науч.-практ. конф. (Рубцовск, 18–19 апреля 2014 г.). Рубцовск: Рубцовский индустриальный ин-т, 2014. С. 409–413.

А. Н. Головина, А. С. Ваулин

Экономическая политика цифровых интеграций на промышленном предприятии

В целях эффективного функционирования промышленных предприятий на базе цифровизации процессов производства актуальна разработка общих правил, создающих основу для принятия экономических решений об осуществлении тех или иных цифровых интеграций в производственную деятельность. Целью настоящей работы является развитие теоретических основ исследования цифровых интеграций для промышленных предприятий с учетом экономической сущности данного понятия.

Ключевые слова: экономическая политика; цифровые интеграции; цифровизация промышленного предприятия.

Вводная часть. Экономическая политика цифровых интеграций на промышленном предприятии является базовым документом, определяющим систему основополагающих правил, следование которым позволяет получить запланированные экономические эффекты с учетом сбалансированного развития цифрового, кадрового, инновационного, производственного и иного потенциалов предприятия. Важно определить место данной экономической политики в общей системе стратегических и программных документов промышленного предприятия, а также ее основное содержание.

На основании трудов отечественных и зарубежных ученых [1–12] получены следующие результаты.

Основная часть. Следуя опыту промышленных предприятий, можно выявить определенную взаимосвязь стратегических и программных документов (рис. 1).

Рис. 1. Взаимосвязь экономической политики цифровых интеграций с иными стратегическими и плановыми документами

Согласно рис. 1, экономическая политика цифровых интеграций на промышленном предприятии должна учитывать целевые ориентиры и требования действующих операционной, инвестиционной и кадровой политик, а также внешних стратегий и программ по направлению деятельности, как федерального, так и регионального уровня. Мероприятия, соответствующие экономической политике цифровых интеграций и имеющие позитивное влияние на экономический эффект, должны быть включены

в оперативные планы деятельности и отражены в консолидированном бюджете предприятия.

В связи с этим к основным правилам экономической политики цифровых интеграций на промышленном предприятии можно отнести следующие (рис. 2).

Рис. 2. Основные правила экономической политики цифровых интеграций на промышленном предприятии

1. Положительный экономический эффект.

Предполагается, что мероприятия по обеспечению цифровых интеграций должны соответствовать целям, интересам и приоритетам промышленного предприятия, иметь определенную позитивную ценность, в том числе экономический эффект (получение дополнительной прибыли, снижение объема затрат; сокращение длительности научно-технических и производственно-технологических процессов) или качественный эффект (обеспечение и (или) повышение качества применяемых ресурсов, цифровых технологий; обеспечение функционирования научно-технических и производственно-технологических процессов).

По каждому мероприятию обязательно устанавливаются ключевые показатели цифровых интеграций, которые выполняются в пределах установленных ресурсов и времени. Данные по-

казатели определяются с учетом smart-признаков: обладают конкретностью (specific), измеримостью (measurable), достижимостью (achievable), значимостью (relevant) и ограниченностью во времени (time bound).

В целях эффективного достижения показателей цифровых интеграций разрабатываются и своевременно реализуются конкретные действия в области организации, планирования, мотивации и контроля деятельности. Обстоятельства, препятствующие выполнению показателей цифровых интеграций, незамедлительно устраняются наиболее целесообразным способом. В случае, если данные обстоятельства устранить невозможно либо затраты на их устранение превышают ожидаемый экономический эффект, рассматривается вопрос о прекращении мероприятий и фиксации отрицательных результатов.

2. Эффективное использование ресурсов.

Реализуемые мероприятия по повышению экономического эффекта цифровых интеграций обеспечиваются необходимым объемом базовых ресурсов (финансовые, трудовые и материально-технические). При этом базовые ресурсы должны использоваться рационально, т. е. обеспечивать наибольший экономический эффект цифровых интеграций при оптимальном объеме затрат.

Для реализации данных правил объем базовых ресурсов и их назначение определяются и обосновываются с наибольшей точностью, возможной для каждого мероприятия. Кроме того, определяются источники финансирования мероприятий (операционная прибыль, амортизационные фонд, государственные субсидии, банковские кредиты, пр.).

3. Сбалансированность активов с источниками их финансирования.

Создание активов в рамках реализации мероприятий по повышению экономического эффекта цифровых интеграций производится за счет использования средств соответствующих источников финансирования, сформированных на промышленном предприятии. В процессе реализации мероприятий достигается баланс между объемом затрат на создание активов и объемом накопленных средств в источниках их финансирования.

В целях реализации данных правил определяется объем затрат на создание актива в рамках реализации мероприятий по повышению экономического эффекта цифровых интеграций для каждого бюджетного периода. В течение каждого бюджетного периода производится накопление средств в соответствующих источниках финансирования затрат:

- амортизационный фонд предприятия — для воспроизводства основных средств;
- операционная прибыль — для создания нематериальных активов.

В случае дефицита источников финансирования в определенном бюджетном периоде (превышения объема затрат на создание активов над объемом средств соответствующих источников) определяются действия по его устранению (отказ от создания актива либо привлечение дополнительных источников внешнего финансирования).

4. Максимизация внешнего софинансирования.

При реализации мероприятий по повышению экономического эффекта цифровых интеграций предпочтительным является привлечение бюджетных средств (государственных субсидий) и (или) средств внебюджетных фондов. Данные средства расходуются в соответствии с их целевым назначением.

Для реализации данных правил ведется мониторинг действующих территориальных программ финансирования; проводится оценка возможности участия в них. Каждое мероприятие проходит подготовку в соответствии с требованиями программы, которые должны выполняться своевременно и в полном объеме.

5. Сбалансированные процессы и системный подход.

Реализация мероприятий по повышению экономического эффекта цифровых интеграций осуществляется в соответствии с системой взаимосвязанных, согласованных и сбалансированных практических действий для достижения поставленных целей. Описание бизнес-процессов должно быть достаточным для выполнения действий и простым для понимания исполнителей.

В целях реализации данных правил применяются современные подходы к управлению бизнес-процессами (бережливое производство, реинжиниринг, бенчмаркинг, проектное управление и т. д.). Типовые бизнес-процессы стандартизируются и ре-

гламентируются; систематически повторяющиеся действия автоматизируются.

Управление проектом осуществляется руководителем проекта, включая организацию, планирование, контроль деятельности исполнителей. Линейные руководители предоставляют ресурсы для проекта, контролируют работу и загрузку подчиненного персонала по всем проектам. Бизнес-процессы выполняются исполнителями в пределах запланированных ресурсов и времени.

6. Взаимосвязь с операционной деятельностью.

Денежные потоки, генерируемые в рамках выполнения мероприятий по повышению экономического эффекта цифровых интеграций, учитываются в бюджетной системе промышленного предприятия. Реализация мероприятий учитывает текущие и потенциальные возможности и способности промышленного предприятия.

Для этого осуществляется моделирование денежных потоков, учитывающее все денежные поступления и платежи, связанные с выполнением мероприятий по повышению экономического эффекта цифровых интеграций. Также проводится оценка влияния результатов выполнения мероприятий на бюджетные показатели деятельности промышленного предприятия. Мероприятия по повышению экономического эффекта цифровых интеграций реализуются при условии их позитивного влияния на коммерческие или социально-экономические показатели и возможности их обеспечения необходимым объемом ресурсов.

7. Многоэтапность оценки.

Проводится анализ выполнения ключевых показателей цифровых интеграций на всех этапах жизненного цикла выполняемых мероприятий. В том числе на стадии принятия решения о реализации мероприятий проводится предварительная оценка их жизнеспособности, обосновывается влияние на объем экономического эффекта цифровых интеграций.

В фазе реализации мероприятий проводится оценка фактического уровня выполнения плановых показателей цифровых интеграций. При возникновении отклонений принимается решение об их принятии в случае, если они являются позитивными для промышленного предприятия, либо разрабатывается и внедряется план действий по приведению фактического уровня показате-

телей цифровых интеграций к плановым значениям с учетом правила эффективного использования ресурсов.

8. Минимизация факторов роста издержек цифровых интеграций.

Предполагается нейтрализация факторов внешней и внутренней среды промышленного предприятия, возникновение которых может привести к росту издержек и недостижению ключевых показателей цифровых интеграций. В том числе проводится выявление и оценка факторов, способных привести к росту издержек цифровых интеграций; разрабатывается и внедряется план действий по предотвращению данных факторов.

9. Комплексное видение.

Должно быть понимание совокупной потребности в развитии по всем функциональным направлениям деятельности промышленного предприятия для обеспечения оптимального распределения ресурсов в соответствии с установленными приоритетами цифровых интеграций. Кроме того, должна проводиться оценка влияния реализации всей совокупности мероприятий по повышению экономического эффекта цифровых интеграций на перспективный образ промышленного предприятия.

В связи с этим разрабатывается и реализуется программа развития цифровых интеграций на промышленном предприятии. Программа развития включает всю совокупность реализуемых мероприятий по повышению экономического эффекта цифровых интеграций, а также предварительную оценку перспектив и дальнейшего развития в данном направлении. По итогам реализации программы развития производится оценка повышения экономического эффекта цифровых интеграций на промышленном предприятии.

Заключительная часть. Данные правила создают научную основу для принятия управленческих решений при внедрении цифровых технологий на промышленных предприятиях. Их практическое применение позволит достичь экономического эффекта при реализации цифровых интеграций.

Полученные результаты могут быть полезны ученым и практикам, занимающимся вопросами эффективной цифровизации промышленности.

Библиографический список

1. *Анимица Е. Г., Рахмеева И. И.* Третья институциональная революция и изменение структуры экономических отношений // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 222, № 2. С. 206–218.
2. *Бучаева С. А., Гаджиев М. М.* Виды экономических эффектов и особенности их оценки для инноваций // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2012. № 4 (151). С. 225–229.
3. *Головина А. Н., Пешикова А. А.* Потенциал цифровых решений на промышленном предприятии: теория, методология, практика / под ред. Я. П. Силина. Екатеринбург: ТРИКС, 2021. 164 с.
4. *Дубровский В. Ж., Пономарева А. А.* Цели стратегии диверсификации производства предприятий ОПК // Human Progress. 2018. Т. 4, № 5. С. 1–11.
5. *Мейер М. В.* Оценка эффективности бизнеса / пер. с англ. А. О. Корсунской. М.: Вершина, 2004. 272 с.
6. *Нечаева С. Н., Малицкая В. Б.* Оценка факторов экономической эффективности на микроуровне // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. № 3. С. 83–88.
7. *Орехова С. В., Завьялова М. Ю.* Устойчивое развитие промышленного предприятия в условиях глобальных изменений // Менеджмент и предпринимательство в парадигме устойчивого развития: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 27 мая 2021 г.). Екатеринбург: УрГЭУ, 2021. С. 156–159.
8. *Плахин А. Е., Блинков И. О.* Эффекты межсубъектного взаимодействия участников промышленной экосистемы // Менеджмент и предпринимательство в парадигме устойчивого развития: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 12 мая 2022 г.). Екатеринбург: УрГЭУ, 2022. С. 140–142.
9. *Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В.* Уральский макро-регион: большие циклы индустриализации / под науч. ред. С. Ю. Глазьева, С. Д. Бодрунова. Екатеринбург: УрГЭУ, 2019. 371 с.
10. *Soto Y. X. de.* Социально-экономическая теория динамической эффективности / пер. с англ. В. Кошкина; под ред. А. Куряева. Челябинск: Социум, 2011. 409 с.
11. *Phuyal S., Bista D., Izykowski J., Bista R.* Design and Implementation of Cost Efficient SCADA System for Industrial Automation // International Journal of Engineering and Manufacturing. 2020. Vol. 10, no. 2. P. 15–28. DOI: 10.5815/ijem.2020.02.02.

12. Schallmo D., Willams C. A., Boardman L. Digital Transformation of Business Models — Best Practice, Enabler, and Roadmap // International Journal of Innovation Management. 2017. Vol. 21, no. 8. P. 1–17. DOI: 10.1142/9781786347602_0005.

Е. Б. Дворядкина, Е. А. Белоусова

Экономическое благополучие в полицентричном мире: терминологические коллизии исследования

В статье на основе теоретического обзора с использованием наукометрической базы РИНЦ изучается понятие экономического благополучия как перспективного термина для обозначения целевого состояния развития экономической системы на разных уровнях: муниципального образования, региона, страны.

Ключевые слова: благополучие; экономическая система; страна; регион; процветание; экономическое развитие.

Смена парадигмы экономического роста в стремительно трансформирующемся мире актуализирует вопрос о том, к чему должна стремиться национальная экономическая система. Для одних стран рост материального обеспечения населения продолжает оставаться значимой целью, в то время как для других на первый план выходят другие, качественные характеристики экономического развития. На что должна быть нацелена, какими способами достигаться и принципами руководствоваться экономическая система, чтобы результаты ее функционирования и развития отвечали на вызовы современности? Представляется, что термином, который в перспективе может обозначать целевое состояние экономической системы, является понятие «экономическое благополучие». Цель статьи — проанализировать спектр определений благополучия, которые присутствуют в научной литературе.

С этимологической точки зрения, благополучие в отличие от благосостояния более аксиологически заряжено, поскольку является словообразовательной калькой от греческого *Eutychia* (*eu* — хорошо, благо и *tuchia* — судьба), представляющего собой сложение прилагательного «благая» — «хорошая» и несохранившегося существительного «полука» — «случай, судьба», в то

время как благосостояние — калька с французского *bien-être* «находиться в хорошем состоянии»¹. Благосостояние, таким образом, больше связано с удовлетворением определенной совокупности потребностей, а благополучие комплексно описывает устойчивое и длительное состояние довольства. В рамках данного исследования интерес представляет как спектр определений благополучия, которые присутствуют в научной литературе, так и контексты использования термина, позволяющие судить о ценностях и смыслах, вкладываемых в него.

Анализ научных публикаций выявил значительные сложности понимания и использования как понятия благополучия, так и понятия экономического благополучия. Представляется, что это связано с относительной высоконтекстуальностью культуры России, а также первоначально с отсутствием потребности национальной экономической науки в более точном использовании термина. В частности, в отобранных публикациях до 2018 г. благополучие используется главным образом как синоним процветания, экономического успеха и общего положительного состояния экономики. Так, И. В. Лобанов рассматривает благополучие как цель взаимодействия российского государства и субъектов РФ («сильным центром и самостоятельной властью на местах» [8, с. 14]), приравнивая его к «достижению качественного изменения жизни, качественного изменения страны, ее экономики и социальной сферы» на основе расширения свободы предпринимательства, эффективной системы государственного управления, а также поддержания социальной справедливости [8, с. 16]. В своей работе Н. Ю. Ульченко использует термин «экономическое благополучие», идентифицируя его как макроэкономическую стабильность и важнейшую предпосылку политической устойчивости, способности государства обеспечивать суверенность своих решений [10]. В аналогичном значении изучаемый термин применяется в исследованиях влияния богатства природных ресурсов на экономическое развитие [4] и потенциала концепции устойчивого развития как новой парадигмы обществен-

¹ *Ситников А.* Этимологический словарь русского языка. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/etymological/fc/slovar-193.htm#zag-253> (дата обращения: 27.02.2023).

ного прогресса [6]. В дальнейшем такое понимание благополучия также остается в научном дискурсе.

В значении процветания и положительного состояния национальной экономики понятие благополучия, по выражению Е. П. Агапова, представляется интуитивно очевидным: «Благополучию близки по значению безбедность, благо, благоденствие, благосостояние, богатство, довольство, достаток, зажиточность, обеспеченность, преуспевание, процветание, состоятельность, счастье, удача, удовольствие, успешность и др.» [1, с. 216]. Однако поскольку благополучие как понятие может использоваться на разных уровнях — индивидуума и домохозяйства, локального сообщества и общества в целом, региона и страны, а также в качестве интегративного показателя в исследованиях разных наук (например, экономики, социологии, психологии, медицины), то возникают существенные затруднения в анализе его интерпретаций.

Для примера, на уровне индивидуума Е. П. Агапов выделяет следующие виды благополучия: физическое (свобода от болезней, полнота жизненных сил), духовное (ощущение причастности к культуре общества, а также осознание возможности общаться к ее богатствам), социальное (удовлетворенность человека своим статусом и межличностными связями, а также актуальным состоянием общества, к которому он себя причисляет), материальное (обладание определенным набором благ, которые не только обеспечивают удовлетворение витальных потребностей человека, но и создают возможности для его духовного развития), психологическое (близко по значению таким понятиям, как «душевное здоровье», «осмысленность жизни», «личностная адекватность», «психическое здоровье»), профессиональное (удовлетворение от работы) и финансовое (достижение человеком такого уровня доходов, который позволяет ему удовлетворять все свои ежедневные потребности, а также быть уверенным в завтрашнем дне), а также благополучие в среде проживания (благоприятные материальные и духовные условия жизни человека) [1].

Примером использования благополучия на стыке нескольких наук (психологии, социологии, экономики) является синтезированный термин «субъективное благополучие», понимаемый

в общем как уровень счастья и степени удовлетворенности жизнью. Каждый из подходов (психологический, социологический, экономический) оценивает понятие исходя из своего методологического инструментария и дополняет его с использованием инструментария смежных дисциплин.

Понятие субъективного благополучия, таким образом, становится в определенной степени «камнем преткновения» в формировании концептуально-теоретической основы изучения благополучия. С одной стороны, экономическое благополучие человека признается составляющей субъективного благополучия. Так, при выборе методики изучения благополучия детей О. В. Бессчетовна использует Индекс детского благополучия, который наряду с оценкой здоровья детей, включенностью в социальные связи и рядом других параметров оценивает экономическое (финансовое) благополучие семьи, справедливо аргументируя, что «поскольку благополучие является абстрактным понятием, зависящим от внешних и внутренних факторов, преломляясь через призму социального статуса, культуры, мировоззрения, религии, жизненного опыта индивида, оно может рассматриваться как с точки зрения объективных статистических показателей, так и с позиции субъективного отражения в сознании людей, которые могут не совпадать между собой, оказывая влияние на качество удовлетворенности жизнью, что позволяет говорить о субъективном благополучии» [2, с. 45].

С другой стороны, экономическое благополучие в значении процветания страны оценивается на основе как объективных, так и субъективных показателей. Например, О. В. Кабанова пишет: «Если в XX веке основные критерии успешности развития общества сводились главным образом к показателям экономического роста, то теперь все более очевидной становится важность для этой оценки такого фактора, как удовлетворенность жизнью или субъективное благополучие» [5, с. 53]. В том же русле Д. В. Сальникова, анализируя «дрейф» субъективного благополучия из психологии в экономику, подмечает, «что отправной точкой для последующей активной дискуссии о характере связи между объективными показателями благополучия и оценками благополучия индивидами оказалась работа не социолога и не психолога, а экономиста. В области экономики субъективное из-

мерение благополучия стало применяться не с целью заменить доходный подход к оценке благополучия, а для того, чтобы получить более точные оценки эффекта изменений различных экономических показателей (к примеру, уровень инфляции) ... на благосостояние населения» [9, с. 158]. В результате исследователь заключает: «Осознание ограниченности объективных экономических показателей благосостояния населения стало одной из причин, по которой субъективное благополучие стало предметом междисциплинарных исследований. Именно экономисты впервые обратили внимание на специфику взаимосвязи объективного и субъективного благополучия» [9, с. 166].

Одним из главных «факторов» внедрения субъективных оценок в измерение экономического успеха страны стала экономическая теория счастья. В поисках макроэкономических показателей, которые бы лучше отражали благосостояние людей, В. С. Бочко исследует экономическую теорию счастья и постулирует необходимость таких показателей выходить за материальные границы благополучия и отражать ментальные, нравственные и когнитивные его стороны, т. е. такие аспекты жизни человека, как удовлетворенность работой, возможность получать позитивные эмоции во время отдыха, иметь хорошее здравоохранение и т. д. [3, с. 8]. Как подчеркивает ученый, «нужен показатель, с помощью которого можно было бы оценить жизнь человека как свободной самостоятельной личности». Исследователь предлагает термин «экономическое счастье человека», подчеркивая его измеримость, и определяет его как чувство удовлетворенности жизнью, выражающееся в отсутствии беспокойства о наличии работы, уверенности в существовании более-менее достойного дохода, доступности профессионального образования, гарантированности качественного медицинского обслуживания и сбалансированного получения других социальных благ» [3, с. 9]. Однако он не выводит разработанный термин на уровень решения проблемы замены или дополнения показателя ВВП.

Как показал обзор исследований по измерению уровня счастья, проведенный Ю. Е. Шматовой и М. В. Моревым, «альтернативные индексы и показатели уровня счастья выполняют вспомогательную функцию по отношению к ВВП, но полностью заменить его пока не способны» [11, с. 157]. Мы разделяем дан-

ное мнение: удовлетворенность или субъективное благополучие, на наш взгляд, являются одним из показателей условий жизни, созданных в государстве, однако не отражают воспроизводственный процесс хозяйственной системы, особенности ее функционирования. Тем не менее экономическая теория счастья обосновала важный посыл — доход не определяет уровень счастья, а значит, для экономической системы требуются другие ориентиры и ценности.

Вторым важным направлением экономической теории, обогащающим дискуссию о сущности благополучия, является нравственная или моральная экономика (*moral economics*). В сформированной выборке значительное количество публикаций российского дискурса обращается к ней в той или иной степени. В. Л. Ключня и А. В. Черновалов отмечают, что «материально-вещественные аспекты человеческой экономической деятельности существенно превалируют в настоящее время над разумно-сознательными факторами бытия, и нравственные основы производства благ обнаруживают себя латентно, фрагментарно, несистемно» [7, с. 97]. По их мнению, нравственность в экономике — это «целевые установки любой деятельности человека и общества в целом, проявляющиеся в делении нравственных качеств на позитивные и негативные. Это проявляется в намерениях, словах, реальных делах и предпринимательских проектах» [7].

Таким образом, экономическое благополучие как термин соответствует требованиям времени. Имея сильную ценностную составляющую, которая предполагает индивидуальный вариант благополучия для каждой национальной хозяйствующей системы, и обладая потенциалом интеграции объективных (статистических, эмпирически наблюдаемых) и субъективных показателей, экономическое благополучие может стать ответом на мегатренд комплексного благополучия человечества, предполагающий сочетание богатства, здоровья и знаний.

Библиографический список

1. *Аганов Е. П.* Феномен человеческого благополучия // Медико-социальные и психологические аспекты безопасности промышлен-

ных агломераций: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 16–17 февраля 2016 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 216–223.

2. *Бессчетнова О. В.* Благополучие детей как социальная проблема современности // *Logos et Praxis*. 2019. Т. 18, № 4. С. 42–52.

3. *Бочко В. С.* Теория экономического счастья человека: необходимость формирования и направления поиска // *Журнал экономической теории*. 2012. № 4. С. 7–18.

4. *Дабиев Д. Ф.* О влиянии богатства природных ресурсов на экономическое развитие стран // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2011. № 2. С. 176–180.

5. *Кабанова О. В.* «Экономика счастья» как один из основных подходов к измерению социального развития общества // *Вестник АКСОР*. 2011. № 1 (16). С. 53–58.

6. *Кажуро Н. Я.* Концепция устойчивого развития как новая парадигма общественного прогресса // *Наука и техника*. 2016. Т. 15, № 6. С. 511–520.

7. *Клюня В. Л., Черновалов А. В.* Нравственность и экономика: сущность, модели // *Стратегические направления социально-экономического и финансового обеспечения развития национальной экономики: тез. докл. I Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, Республика Беларусь, 29–30 сентября 2016 г.)*. Минск, 2016. С. 97–98.

8. *Лобанов И. В.* Благополучие и процветание как цель взаимодействия российского государства и субъектов Российской Федерации // *Вестник Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова*. 2011. № 2 (38). С. 12–16.

9. *Сальникова Д. В.* Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи объективного и субъективного благополучия // *Экономическая социология*. 2017. Т. 18, № 4. С. 157–174.

10. *Ульченко Н. Ю.* Турецкое «экономическое чудо»: образец для подражания // *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 12 (653). С. 17–23.

11. *Шматова Ю. Е., Морев М. В.* Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2015. № 3 (39). С. 141–162.

Учет современных вызовов на российском рынке труда в образовательном процессе

В условиях турбулентной внешней среды возникают новые вызовы на рынке труда. В статье рассматриваются ключевые тренды рынка персонала в 2022 г., на основании прогноза на 2023 г. предлагаются варианты реагирования системы образования на сложившиеся тенденции. Традиционные методы мотивации персонала должны быть пересмотрены работодателями с учетом современных реалий, а образовательная среда должна обеспечить гибкость при подготовке кадров.

Ключевые слова: система мотивации; персонал; стимулирование; дефицит кадров; управление персоналом.

Кажется, что компании, закаленные 2022 г. и до сих пор работающие на рынке, практически неуязвимы. «Черные лебеди» на рынке труда возникают регулярно и по силе воздействия конкурируют друг с другом. С другой стороны, есть система среднего и высшего образования, которая спустя годы дебатов пришла в относительное равновесие. Таким образом, с одной стороны, дефицитный рынок труда России в 2022 г. потрясли СВО, санкционные действия и мобилизация. С другой стороны, выход из Болонской системы¹ и курс на возвращение специалитета в высшей школе² приведут к изменениям в системе образования. В идеальном варианте необходимо вернуться к решению извечной проблемы: чтобы среднее специальное и высшее образование отвечали запросам рынка труда.

Цель статьи — сформулировать основные проблемы на рынке труда в условиях турбулентной внешней среды и наметить пути их преодоления посредством корректировки образовательного процесса.

Последовательно рассмотрим современные вызовы на российском рынке труда.

¹ *Стародубцев А.* Выход России из Болонской системы: что это значит и почему международная академическая карьера по-прежнему возможна // НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. 2022. 25 июля. URL: <https://spb.hse.ru/news/703048906.html> (дата обращения: 27.02.2023).

² *Послание Президента Федеральному Собранию* / Официальный сайт Президента России. 2023. 21 февр. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 27.02.2023).

Стоит признать, что рынок труда стал дефицитным до февраля 2022 г., весь 2021 г. стабильно наблюдалось серьезное расхождение между количеством вакансий и размещенными резюме. Связывали данную тенденцию с последствиями пандемии. При этом в феврале 2023 г. Росстат сообщил о снижении безработицы на 13,8 % в 2022 г. по сравнению с предыдущим годом¹. Казалось бы, дефицит кадров должен сократиться, а люди, напуганные неопределенностью, должны дорожить текущими рабочими местами. Работодатели при этом проблему дефицита принялись решать в том числе с помощью метода «тихого найма».

Понятие «*тихий найм*» происходит от англоязычного термина *quiet hiring*. В Америке впервые стали использовать стратегию закрытия вакансий имеющимися в штате сотрудниками, показывающими высокую эффективность не только в основной работе, но и в освоении других профессий и смежных компетенций. В России новый подход к закрытию вакансий набрал популярность в конце 2022 г., а теперь стал настоящим трендом.

Система образования может учитывать тренд «тихого найма», пропагандируя систему непрерывного образования («*lifelong learning*») [4]. Связка «СПО-бакалавриат-магистратура-аспирантура» уже отражает этот принцип, но необходимо донести до студентов запрос на дальнейшее обучение в практической деятельности. Здесь возникает проблема долгосрочной мотивации: современный выпускник вуза не мыслит категориями десятилетий, следовательно, не до конца понимает необходимость концепции «*lifelong learning*». Далее с этой проблемой сталкивается наниматель, молодой сотрудник которого не желает тратить большие объемы времени на дополнительное обучение.

Также перемещению персонала в рамках «тихого найма» могут способствовать программы обучения «на стыке» специальностей (например, экономисты по труду сочетают в работе компетенции классического экономиста и специалиста по управлению персоналом).

В сентябре 2022 г. дефицит кадров обострился по причине мобилизации и релокации части сотрудников. Мы подробно рас-

¹ Число безработных в России сократилось в 2022 году на 13,8 % // Forbes. 2023. 18 февр. URL: <https://www.forbes.ru/society/485115-cislo-bezrabotnyh-v-rossii-sokratilos-v-2022-godu-na-13-8> (дата обращения: 27.02.2023).

сма тривали парадоксы рынка труда в 2022 г. и какие способы мотивации персонала могут помочь [3].

Система мотивации персонала делится на материальную и нематериальную части [2]. Систематические опросы на HR-порталах подтверждают, что материальная мотивация является ведущей для большинства. По данным Росстата, средняя заработная плата выросла почти на 12 %¹, что соответствует официальному уровню инфляции за этот же период (11,94 %)². Мы уже отмечали, что неудовлетворенность уровнем заработной платы (а речи об удовлетворенности в отсутствие фактического роста оплаты труда идти не может) провоцирует снижение мотивации персонала вплоть до эффекта «moral hazard» [5, с. 412] (объективная заинтересованность работника в действиях, не совпадающих с интересами компании, а именно, вредительство, нерадивость).

Финансовые результаты большинства компаний в России сегодня можно охарактеризовать как неудовлетворительные, тенденция по оплате труда — сокращение, т. е. материальная составляющая мотивации не работает в полном объеме.

Неденежные формы материального стимулирования также увеличивают затраты компаний. Такие формы, как ДМС, компенсация санаторно-курортного лечения и фитнеса, повышение комфортности условий труда, дорожают сообразно инфляционным процессам и не вписываются в формулу снижения затрат в условиях турбулентной внешней среды.

Трендом 2022 г. стал акцент на нематериальные формы стимулирования. В частности, важным уровнем пирамиды Маслоу является «безопасность» [1]. Ощущение отсутствия безопасности стало краеугольным камнем в 2022 г. Крупные компании в связи с этим рассмотрели следующие формы *нематериального стимулирования*:

1) системные консультации психологов (начиная с марта прошлого года);

¹ Росстат — Рынок труда, занятость и заработная плата / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 27.02.2023).

² Бойко А. Росстат оценил инфляцию по итогам 2022 года в 11,94 % // Ведомости. 2023. 19 янв. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/01/13/959014-rosstat-otsenil-inflyatsiyu> (дата обращения: 27.02.2023).

- 2) организация консультаций юристов по вопросам мобилизации (с сентября прошлого года);
- 3) организация мотивационных программ по отказу от курения;
- 4) организация профосмотров и вакцинации;
- 5) создание комфортной рабочей зоны.

Все вышеперечисленное можно объединить в понятие «well-being». Данная система, по оценке *Королевского Института персонала и развития (CIPD)*, может увеличить эффективность организации почти в 6 раз¹.

В образовательной среде важно донести студентам, что материальная мотивация не является единственно возможным вариантом повысить удовлетворенность текущим местом работы. Рост значимости нематериальной мотивации в современных условиях неизбежен. Кроме того, отдельные элементы «well-being» возможно внедрять также в образовательном процессе.

Следующей проблемой рынка труда стал повышенный спрос со стороны соискателей на дистанционную работу (последствия локдаунов) и фриланс (последствия релокации). Образовательная среда гибко отреагировала на вынужденные карантинные меры: часть дистанционных форм обучения сохранилась и по окончании пандемии. Тренд на использование смешанного формата обучения сохранится и далее. Часть работодателей также готовы внедрять гибкие графики, но в данном случае спрос на такие вакансии превышает предложение. Кроме того, набирает популярность проектный формат работы².

Рынок труда отличается также неравномерностью дефицита среди разных групп персонала. Так, дефицит «синих воротничков» выше, чем недостаток «белых». Тренд на 2023 г. — переход «белых» в «синие» (где, кстати, прогнозируется рост заработной платы), в крайнем случае — переход «белых» в «друсские белые».

¹ *Health and wellbeing at work survey 2021*. London: Chartered Institute of Personnel and Development, 2021. URL: https://www.cipd.co.uk/Images/health-well-being-work-report-2021_tcm18-93541.pdf (дата обращения: 27.02.2023).

² *Рынок труда в 2023 году: тренды, зарплаты, компетенции* // Русская школа управления. 2023. 2 февр. URL: <https://uprav.ru/blog/rynok-truda/> (дата обращения: 27.02.2023).

В образовательной среде мы видим повышение спроса на среднее профессиональное образование, однако престиж высшего образования по-прежнему высок. Образование должно реагировать на условную миграцию персонала между категориями опять же пропагандой системы непрерывного обучения, адаптивности и гибкости.

В заключение рассмотрим наиболее существенный вызов на рынке труда — тотальную диджитализацию. ChatGPT прошел собеседование в Google¹, сокращение персонала в банковской сфере вызвано использованием технологий², благодаря искусственному интеллекту могут стать невостребованными еще ряд профессий (тестировщик ПО, копирайтер и т. д.).

Образовательная среда должна реагировать на эту ситуацию внедрением в обучение еще большего количества технологий, а также нацелиться на интеграцию достижений искусственного интеллекта в образовательный процесс.

Подводя итоги, перечислим вызовы внешней среды на рынке труда:

- 1) сохраняющийся дефицит, особенно по отдельным категориям персонала, на фоне невозможности повышения заработной платы;
- 2) возрастающая роль нематериального стимулирования;
- 3) запрос на дистанционную работу, фриланс и проектную деятельность;
- 4) рост спроса на рабочие специальности, снижение спроса на «белые воротнички»;
- 5) диджитализация.

Очевидно, что система образования должна реагировать на перечисленные проблемы, адаптировать выпускников. Этот процесс может проводиться параллельно с возвратом к специалитету.

¹ ChatGPT прошел собеседование в Google на должность младшего инженера-программиста грейда L3 // Хабр. 2023. 7 февр. URL: <https://habr.com/ru/news/t/715278/> (дата обращения: 28.02.2023).

² Центробанк может сократить до 1000 сотрудников к маю // Forbes. 2023. 27 февр. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/485399-centrobank-mozet-sokratit-do-1000-sotrudnikov-k-mau> (дата обращения: 28.02.2023).

Библиографический список

1. *Архипов В. Е.* Принципы эффективного менеджмента и маркетинга. М.: ИНФРА-М, 2007. 46 с.
2. *Ветлужских Е. Н.* Мотивация и оплата труда: Инструменты. Методики. Практика. М.: Альпина Паблишер, 2019. 160 с.
3. *Доме И. Н.* Проблемы реализации системы мотивации персонала в новой экономической реальности // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2022. № 4 (42). С. 26–30.
4. *Желнина Е. В.* Современные принципы разработки системы непрерывного обучения персонала организации // Государственное управление. 2008. № 15. С. 4.
5. *Щиборщ К. В.* Бюджетирование деятельности промышленных предприятий России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дело и Сервис, 2005. 592 с.

Э. Р. Закирова, А. Д. Назарова

Ключевые направления развития автоматизации повторяющихся рутинных процессов в агробизнесе¹

Рассмотрен вопрос о цифровизации сельского хозяйства, главные направления развития рутинных процессов агробизнеса, исследованы перспективы дальнейшего развития технологий цифровизации. Показаны итоги расчета показателей инвестиционной активности земледельческой сельхозпродукции в Российской Федерации в рамках проекта «Цифровое сельское хозяйство» и проведен его анализ.

Ключевые слова: цифровизация сельского хозяйства; агробизнес; направление развития; агропромышленное производство.

В современном мире сейчас очень активно начали использовать информационные технологии на основе искусственного интеллекта в разных целях, например, чат-боты для анализа или ответа на вопросы, умные помощники для оптимизации планирования. Эти процессы можно объединить в одно слово — искусственный интеллект (ИИ). В настоящее время система управления сельскохозяйственных организаций находится под влиянием

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00911 (<https://rscf.ru/project/23-28-00911>).

ИИ, научное понимание которого неоднозначно и постоянно претерпевает изменения.

За последние 10 лет технологии ИИ существенно продвинулись в таких областях, как логистика и сфера услуг. Развитие идет и на промышленных предприятиях, и в сельском хозяйстве. Благодаря внедрению ИКТ трансформируются устоявшиеся бизнес-процессы [1, с. 6].

Стремление к автоматизации рутинных процессов в сфере агропромышленности актуально как сейчас, так и в прошлые годы: со временем появилось желание оперативно использовать ресурсы, чтобы быстрее решать какие-либо поставленные задачи и перевыполнять производственный план. Если рассматривать сферу сельского хозяйства, то это создание комфортных условий для сохранения плодородия, более эффективное использование обрабатываемых земель и т. д.

В настоящее время появилась технология сельского хозяйства 4.0, или цифровое сельское хозяйство, которое включает новые информационные технологии, использование роботов для автоматизации обрабатываемых земель, работу с большими данными и своевременное составление аналитики производственных процессов, системы дистанционного управления производством, отслеживающие состояние посевов для применения удобрений и средств защиты растительности. Технологии цифрового сельского хозяйства содержат в себе много конфигураций: от технических приложений решений до программного обеспечения для управления агрохолдинговыми операциями.

С точки зрения науки генетики появилась такая технология, которая непосредственно связана с разработкой новой отрасли удобрений и защиты от внешней среды.

Можно выделить тренд прошлого года, связанный с внедрением искусственного интеллекта в биотехнологии, что привело к улучшению качества семян и сократило срок созревания семян в три раза.

Еще одним уже действующим направлением являются вертикальные фермы. Внедренные технологии помогают отслеживать неплодородные регионы и выращивать новые культуры, которые бы раньше из-за погодных условий не смогли появиться.

Приведенные решения уже используются фермерами и агрохолдингами. Отметим, что около 85 % — заслуга российских разработчиков.

В 2023 г. выделяют четыре тренда развития цифрового хозяйства. Технологии для развития агропромышленного комплекса представлены в табл. 1. Планируемая реализация до 2025 г.

Таблица 1

Технологии цифровой трансформации в сельском хозяйстве

Технология	Описание
Обеспечение сельского хозяйства собственными семенами	С помощью передовых технологий будут созданы уникальные сорта, приспособленные к суровым климатическим условиям России
Технология создания новых видов органических удобрений и средств защиты растений	Рынок органики насыщен и приносит около 10 % дохода. Стимулирование органического производства приведет к еще большему спросу на продукты для правильного питания
Технология цифровых сервисов на основе технологий точного земледелия	Данная технология позволит увеличить урожайность, по словам специалистов, на 25–30 %, и кроме того, сократить расходы на 15 %
Онлайн-торговля через маркетплейсы	Рынок меняется. Близится переход фермерских хозяйств на маркетплейсы

Также российскими разработчиками будут представлены:

- решения в алгоритм для определения границ кузова грузовика, что позволит улучшить показатели уборки урожая;
- аналитическая модель, позволяющая выявить закономерности в заболеваниях коров на фермах и определить самые неэффективные протоколы лечения;
- сервис для поиска перспективных земель для выращивания винограда в Краснодарском крае, что позволит сократить расходы на удобрения и делать хорошее вино.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что направления цифрового сельского хозяйства сейчас развиваются и появляются новые интеллектуальные технологии. Основные направления развития связаны с управлением большими данными, появлением новых культур и выращиванием семян посредством внедрения новых технологий.

В рамках статьи стоит также рассмотреть разрабатываемый проект Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. Данный проект хотят внедрить уже к 2030 г.¹ Главной целью проекта является повышение интегрального показателя, определяющегося государственным, политическим и социальным развитием, обеспечение свободного доступа к процессам производства, что приведет как к сокращению расходов сырья, так и к автоматическому расчету финансовых показателей агропромышленной компании. Разрабатываемая платформа «Цифровое сельское хозяйство» будет предоставлять обновленную информацию о клиенте. В данном контексте клиент предполагает собой какую-либо организацию агропромышленного холдинга либо фермерское хозяйство. Введенные данные позволят проверять финансовую составляющую каждой фирмы или, допустим, кредитования. Системное обучение экспертов сельскохозяйственных госпредприятий сформирует у них компетенции в сфере цифровой промышленности по работе с аналоговыми продуктами и аналоговыми технологиями.

Таким образом, реализация муниципального проекта «Цифровое сельское хозяйство» предполагает создание поэтапного плана развития, в котором будут отображены инструменты его реализации. Также проект нуждается в поддержке со стороны правительства в виде финансирования, разработки законодательно-правовой платформы, создания требований для обучения будущих экспертов в области агропромышленности.

Существует еще один похожий проект Министерства сельского хозяйства Российской Федерации «Цифровое сельское хозяйство» 2019 г. Целью являлось внедрение новой цифровой платформы, которая послужила бы технологическим прорывом в сфере интеллектуальных технологий цифрового сельского хозяйства и увеличила производительность в несколько раз к 2024 г.

Показатели инвестиционной активности в рамках данного проекта представлены в табл. 2.

¹ *О стратегическом направлении в области цифровой трансформации агропромышленного и рыбохозяйственного комплекса РФ до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2021 г. № 3971-р.*

Таблица 2

Показатели инвестиционной активности по проекту «Цифровое сельское хозяйство», млн р.

Мероприятие	Объем финансового обеспечения по годам реализации						Всего
	2019	2020	2021	2022	2023	2024	
Создание и внедрение национальной платформы цифрового государственного управления сельским хозяйством «Цифровое сельское хозяйство»	10 150,0	20 208,9	23 746,4	28 121,4	17 058,9	18 796,4	118 082,0
Создание и внедрение модуля «Агрорешения» национальной платформы цифрового государственного управления сельским хозяйством «Цифровое сельское хозяйство» для повышения эффективности деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей	3 275,0	2 962,5	3 775,0	5 500,0	4 562,5	2 725,0	22 800,0
Создание системы непрерывной подготовки специалистов сельскохозяйственных предприятий с целью формирования у них компетенций в области цифровой экономики	1 925,0	1 828,6	478,6	378,6	378,6	378,6	5 368,0
Развитие ведомственного проекта «Цифровое сельское хозяйство»	750,0	1 000,0	1 000,0	1 000,0	1 000,0	1 000,0	5 750,0

Примечание. Сост. по: *Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство» / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. С. 32–37.*

Министерство сельского хозяйства РФ планирует до конца 2024 г. вложить около 152 млн р. в проект «Цифровое сельское хозяйство». Если говорить о крупных вложениях в рамках проекта, то скорее это будет создание технологической платформы (около 120 млн р.). Стратегической задачей правительства является внедрение в сельскохозяйственной промышленности технических инноваций.

Следующим шагом будет рассмотрение перспектив в сельском хозяйстве 2023–2030 гг.

Технологию точного земледелия реализуют к 2025 г., что может привести к темпам роста примерно 13 % в год¹.

По мнению ученых, более популярными направлениями для исследований будут анализ больших данных, статистика нововведенных технологий, кадровые вопросы, защиты данных, использование цифровых технологий в условиях сельского хозяйства, принятие решений, анализ внешних факторов производства, анализ ресурсов, рассмотрение «барьеров» для достижение целей, расчет убытков в случае неудачи, последствия внедрения высокотехнологических инструментов, влияние ключевых факторов на развитие агропромышленного холдинга [1].

Всего ожидается три этапа на пути к осуществлению проекта по цифровому сельскому хозяйству.

Первый этап (2021–2024 гг.). Формируются экспериментальные проекты по регулированию внедрения аналоговых технологий, осуществляется анализ стоимостных данных от руководителей разных областей. Эффективное использование цифровизации позволит объединить потребности потенциальных клиентов и исполнителей сельскохозяйственной продукции, что даст возможность уменьшить бюджет и увеличить товарооборот. Также на данном этапе будут формироваться решения, которые помогут внедрить такие технологии в производство.

Второй этап (2025–2027 гг.) больше коснется крупных и средних сельскохозяйственных компаний, т. е. планируется масштабирование биотехнологий с внедряющимися процессами

¹ *Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2025 гг.* URL: <https://minobrnauki.gov.ru/about/deps/dkdovssn/federal-nauka-nauchno-tekhnicheskaya-programma-razvitiya-selskogo-khozyaystva-na-2017-2025-gody/> (дата обращения: 27.02.2023).

и технологиями цифровизации с использованием различных методов. Если опираться на мировые регламенты по требованиям качества и отслеживанию продукции, то внедрение новых технологий позволит сельхозпроизводителям объединиться в цифровое пространство [2].

Третий этап (2028–2030 гг.) представляет собой внедрение технологий в такие отрасли, как растениеводство и животноводство, что в теории должно повысить производительность продукции, привести к снижению издержек производства и минимизировать участие конкурентов [1].

На всех стадиях будут развиваться негосударственные цифровые платформы сельскохозяйственного производства, модели обеспечения удобного сетевого доступа, коммуникативные платформы для технологических решений отдельных задач производства.

В данной статье рассмотрен вопрос о цифровизации сельского хозяйства, главные направления развития автоматизации рутинных процессов агробизнеса, представлены первоочередные сферы исследовательских изысканий в промышленности, показаны итоги расчета показателей инвестиционной активности земледельческой сельхозпродукции в Российской Федерации в рамках проекта «Цифровое сельское хозяйство»; проведен анализ проекта Министерства сельского хозяйства Российской Федерации «Цифровое сельское хозяйство», а также сделан ряд выводов о текущем уровне цифрового развития сельского хозяйства.

Наиболее перспективными направлениями будут обеспечение сельского хозяйства собственными семенами; технология создания новых видов органических удобрений и средств защиты растений; технология цифровых сервисов на основе технологий точного земледелия; онлайн-торговля. Увеличение результативности агробизнеса нераздельно связано с использованием современных нанотехнологий.

На уровне государства перспективным проектом в сфере сельского хозяйства является модернизация и внедрение цифровой платформы «Цифровое сельское хозяйство». Ее внедрение позволит техническим решениям специалистов выйти на новый уровень развития и обеспечить высокую производительность.

В дальнейшем эта тема будет развиваться в направлении малого и среднего бизнеса, будут рассмотрены перспективы и риски цифровизации сельского агропромышленного холдинга.

Библиографический список

1. *Цифровая* трансформация. Основные понятия и терминология: сб. ст. / редкол.: А. В. Тузиков (пред.) и др. Минск: Белоруская наука, 2020. 267 с.

2. *Шеер А.-В.* Индустрия 4.0: от прорывной бизнес-модели к автоматизации бизнес-процессов / пер. с англ. О. А. Виниченко и Д. В. Стефановского. М.: Дело, 2020. 272 с.

Е. Г. Калабина, М. С. Пылькина

Возможности и ограничения роботизации HR-процессов в бизнес-системе (на примере крупной уральской производственной компании)

Раскрыты теоретические корни и современное понимание управленческой парадигмы цифровизации управления человеческими ресурсами в менеджменте компаний. Рассматривается специфика автоматизации и роботизации ключевых процессов кадрового обеспечения бизнес-системы. На примере крупной производственной компании Уральского региона авторами исследованы возможности и ограничения, связанные с автоматизацией и роботизацией кадрового процесса «Прием на работу».

Ключевые слова: автоматизация; роботизация; HR-система; производственная компания; цифровизация.

Введение. Цифровая экономика стремительно проникает во все сферы деятельности компаний, меняя требования к знаниям, умениям и компетенциям сотрудников, а также к применяемым управленческим и информационно-коммуникационным технологиям [1; 4]. В условиях цифровой трансформации многие компании сталкиваются с растущей конкуренцией за квалифицированных работников, как ценовой (предложение более высоких заработных плат на предприятиях оборонного комплекса, оптимизация затрат на персонал, снижение трудоемкости расчетов размеров вознаграждения сотрудника), так и неценовой (создание привлекательных форм и условий гибкой занятости, социальных пакетов и бенефитных программ и т. д.).

Рост рынка цифровых систем в управлении человеческими ресурсами обусловлен потребностью компаний в получении данных для принятия эффективных управленческих и кадровых решений, отвечающих специфике бизнеса и организации работы сотрудников.

Цифровизация управления человеческими ресурсами в бизнес-системах означает разработку совокупности цифровых решений, объединенных в единую систему в виде цифровых методов и специального программного обеспечения, предназначенную для ведения учета сотрудников, расчета заработной платы, планирования отпусков, обработки, анализа и расчета ключевых показателей эффективности (KPI), формирования кадрового резерва, организации карьерной лестницы каждого сотрудника в наглядной и удобной форме и т. д. Внедрение и замена ранее используемых разрозненных управленческих решений на цифровые, комплексные позволяет унифицировать кадровые процессы и получать ранее несистематизированные данные о персонале компаний. Подход в HRM-системах с применением цифровых технологий для решения кадровых задач принято называть HR 3.0 [3; 10].

В условиях возросших требований к сотрудникам цифровые решения в HR-системах за счет удобных и простых в использовании сервисов снимают дополнительную нагрузку на HR-специалистов и позволяют эффективно использовать человеческие ресурсы.

По оценке TAdviser, объем российского рынка цифровых решений в HR-системах демонстрирует положительную динамику в течение последних лет и составляет в настоящее время около 21,2 млрд р. Реализовано свыше 3,4 тыс. HR-проектов, среди которых наибольшее распространение получили HR-проекты в ритейле, финансовой сфере, строительстве и машиностроении.

Все большее число российских и международных компаний интересуются исследованием возможностей и ограничений цифровых методов управления человеческими ресурсами в бизнес-системах, стремятся активно использовать их в менеджменте компаний для роста бизнес-показателей.

Основные результаты исследования. Исходным моментом в изучении цифровизации управления человеческими ресурсами для развития бизнес-системы организации можно, по нашему мнению, считать введенное в 2009 г. понятие электронной HR-системы (*electronic HRM, e-HRM*), включающей разнообразные средства интеграции механизмов менеджмента персонала и информационно-коммуникационных технологий в целях создания ценности в отдельной организации и между ними для целевых групп линейных и административных сотрудников [5].

Систематизация и обобщение исследований по проблемам цифровизации в HR-системах позволили нам определить проблемное поле, которое включает в себя следующие вопросы: рассмотрение цифровизации в HR-системах как одномерного процесса или как разновидности управленческой практики, методические вопросы измерения охвата и эффективности цифровизации HR-систем, факторы и последствия цифровых методов в менеджменте персонала и их взаимосвязь с различными параметрами бизнеса, поиски дифференцированных инструментов, стимулирующих рост бизнес-показателей благодаря цифровому развитию HR-системы — повышение производительности труда, качества обслуживания клиента, оптимизации операций или формирование новой бизнес-модели [8; 9].

Цифровизация HR-систем сопряжена с рядом существенных обстоятельств, стимулирующих распространение цифровых решений:

- повышение эффективности кадровых процессов за счет уменьшения или исключения влияния субъективного фактора — человеческой ошибки;

- автоматизация регулярных кадровых процедур, когда при периодическом повторении определенных действий можно сформировать алгоритм, который может без участия человека или с его минимальным участием выполнять необходимую последовательность действий;

- рост скорости сбора и анализа больших объемов информации;

- ускорение процесса обмена информацией и коммуникаций, выражаемое в возможности быстро доставить сообщение получателю и получить обратную связь;

- повышение производительности труда за счет сокращения объемов выполняемой работы и (или) унификации действий, которые необходимо выполнить сотрудникам организации;
- гибкость бизнес-процессов и возможность их быстрой адаптации под меняющиеся условия на рынках.

В исследованиях цифрового управления человеческими ресурсами (УЧР) можно выделить два основных направления [10]. Первое связано с самим внедрением цифровых технологий в менеджмент персонала, второе — с трансформацией соответствующих корпоративных стратегий и практик. Объектом изучения в первом случае выступает процесс цифровизации как таковой, во втором — цифровые технологии как средство трансформации функции УЧР в динамичной среде.

Сторонники первого направления изучают процесс цифровизации как таковой, анализируют внедрение цифровых методов в HR-системы, в частности, их вклад в снижение затрат и повышение эффективности работы с персоналом, отмечая положительные эффекты, но не находя достаточных доказательств существенного влияния на показатели бизнеса [2]. Проблематика еще слабо концептуализирована, что выражается в разрозненных подходах к исследованиям и в некорректных оценках их результатов, включая оценку факторов и последствий цифровизации HR-системы.

Второй подход сфокусирован на оценивании роли цифровых практик в деятельности компаний с учетом стратегических аспектов менеджмента персонала в условиях турбулентности экономики. Департаменты по УЧР должны проявлять одновременно стратегическое мышление, гибкость, эффективность и клиентоориентированность при сохранении полного спектра оказываемых услуг, а потенциал цифровых методов обеспечивает достижение этой цели и совершенствование УЧР, цифровизация которого может служить средством решения операционных, реляционных и трансформационных задач организации [7; 8].

Операционный уровень дает возможность автоматизировать рутинную деятельность с меньшей добавленной стоимостью и включает процессы документооборота, найма персонала, администрирования систем вознаграждения; на реляционном уровне происходит внутренняя и внешняя коммуникация, обеспечиваю-

щая скорость и качество обслуживания сотрудников и клиентов [6], в свою очередь, на трансформационном уровне осуществляются стратегическая координация и интеграция разрозненных практик и инициатив по УЧР в общекорпоративном масштабе и в отдельных подразделениях.

Кейсом для проведения эмпирического исследования возможностей и ограничений, связанных с автоматизацией и роботизацией кадровых процессов для создания цифровой HR-системы, послужила крупная производственная компания — одна из ведущих диверсифицированных российских групп компаний, ставшая в настоящее время ключевым игроком на рынке машиностроения, девелопмента, финансов, индустрии туризма и отдыха, агробизнеса, энергобизнеса и т. д. в Уральском регионе.

В 2020 г. компания начала масштабную программу операционной трансформации для повышения конкурентоспособности, в том числе путем стандартизации, унификации, автоматизации и роботизации ключевых бизнес-процессов.

Цифровизация управления человеческими ресурсами в бизнес-системе данной компании была начата с процесса кадрового обеспечения, в частности, автоматизации и роботизации процесса оформления приема и увольнения работников как одного из самых трудоемких и актуальных процессов кадрового администрирования (за 11 месяцев 2022 г. оформлено более 3 500 приемов на работу с продолжительностью в среднем 60 мин).

Для этого была применена цифровая Robotic process automation (RPA) — технология автоматизации бизнес-процессов, основанная на метафорическом программном обеспечении роботов (ботов) или работников искусственного интеллекта, как метод распознавания персональных данных и размещения их в HR-систему с предварительным выполнением следующих действий:

– *стандартизация* процессов кадрового обеспечения для разработки единой методологии построения основных процессов и требований к оформлению документов;

– *унификация* процессов кадрового обеспечения для реализации единой структуры бизнес-услуг, оказываемых внутренним клиентам; технологии учета и формирования отчетности; процедур взаимодействия, информационной системы;

– *автоматизация и роботизация* процессов кадрового обеспечения для внедрения технологии роботизации и автоматической обработки рутинных операций.

RPA — дословно — роботизированная автоматизация процессов или просто роботизация. Это форма технологии автоматизации бизнес-процессов, основанная на программном обеспечении роботов, которая позволяет справиться с повторяющимися задачами и рутинной, имитируя часть действий пользователя. Все, что человек делает долго и с ошибками, робот делает быстро, точно и непрерывно.

Целями реализации данного процесса являются снижение трудозатрат, повышение эффективности и качества предоставляемых услуг, а также обеспечение непрерывной обработки кадровых документов, даже в пиковые нагрузки. Выполнение задач по приему на работу в значительных количествах отодвигает сроки выполнения других не менее важных поступающих задач, как следствие, возникают риски срыва сроков оформления кадровых процедур. Обработка значительного количества данных в сжатые сроки влечет появление ошибок, вызванных человеческим фактором. Именно сложность, длительность и трудоемкость данного процесса влияют на принятие решения о разработке алгоритма автоматизации кадрового процесса «Прием на работу» при помощи RPA.

Реализация данного процесса осуществляется в два этапа.

I этап состоит в реализации автоматической загрузки персональных данных кандидата в систему SAP (рис. 1). Задача заключается в определении объема и качества распознавания документов, а также в проведении их необходимой верификации, выборе подрядчиков, предлагающих сервисы по распознаванию кадровых документов и способы технических решений. Обязательный для трудоустройства пакет документов может быть стандартизирован, и при помощи распознавания будет заполнено до 90 % инфо-типов, распознанных и автоматически загруженных персональных данных достаточных для формирования пакета документов о приеме на работу.

В том случае, если данные не были распознаны автоматически либо предоставлены кандидатом позже, они будут внесены в систему специалистами после оформления приема на работу.

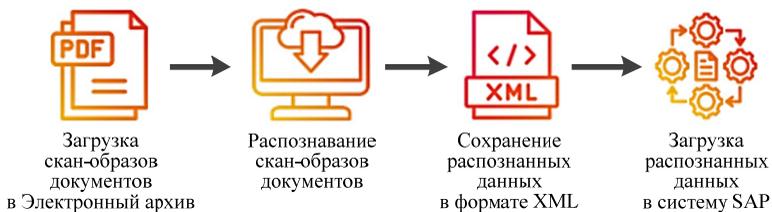

Рис. 1. Последовательность действий по автоматической загрузке персональных данных кандидата в систему SAP

II этап предполагает собственно проведение процедур автоматизация и роботизации кадрового процесса «Прием на работу» при помощи RPA.

В настоящее время весь кадровый процесс «Прием на работу» состоит из внесения данных вручную специалистами департамента кадрового администрирования.

В результате реализации автоматизации данный процесс будет выглядеть следующим образом (рис. 2).

Рис. 2. Построение кадрового процесса «Прием на работу» на основе применения системы RPA

Для достижения эффективности роботизации HR-процессов в бизнес-системе важным фактором является качество и сложность вводимой информации, стоимость и оперативность ее получения и обработки. В том случае, если в организации нет четко налаженного процесса работы с документами, страдает управление компанией, ведь оно зависит от скорости, качества и достоверности информации, отраженной в документах.

Заключение. Проведенное исследование позволило дать оценку возможностей и ограничений цифровых методов управления человеческими ресурсами в бизнес-системах, акцентируя внимание на проблемных вопросах охвата и эффективности цифровых решений в HR-сфере, и рассмотреть специфику автоматизации и роботизации одного из ключевых процессов кадрового обеспечения бизнес-системы. В свою очередь, автоматизация и роботизация HR-процессов позволит ускорить осуществление рутинных кадровых процессов (автоматическое формирование документов по шаблонам, учет рабочего времени, начисление заработной платы), упростит процессы поиска и подбора сотрудников, организует эффективный учет и внедрение новых правил работы с документами, правил подачи документов, которые меняются каждый год, повысит скорость документооборота, информированность о приближении сроков подачи документов в налоговые и другие органы, уменьшит количество ошибок во всех процессах.

Библиографический список

1. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Рутинность и риски автоматизации на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 68–94.
2. Калабина Е., Соколова П., Колотилов Р. Оценка возможностей автоматизации процессов управления мотивацией персонала на основе ключевых показателей эффективности деятельности компании // e-FORUM. 2020. № 4 (13).
3. Фоссен Ф., Зорнер А. Будущее труда: деструктивные и трансформационные эффекты цифровизации // Форсайт. 2019. Т. 13, № 2. С. 10–18.
4. Arntz M., Gregory T., Zierahn U. The Risk of Automation for Jobs in OECD Countries: A Comparative Analysis // OECD Social, Employment and Migration Working Papers. 2016. No. 189. DOI: <https://doi.org/10.1787/5jlz9h56dvq7-en>.

5. Bondarouk T. V., Ruël H. J. M. Electronic human resource management: Challenges in the digital era // *International Journal of Human Resource Management*. 2009. Vol. 20. P. 505–514.
6. Bondarouk T., Parry E., Furtmueller E. Electronic HRM: Four decades of research on adoption and consequences // *International Journal of Human Resource Management*. 2016. Vol. 28, no. 1. P. 98–131.
7. Kahn W. A. Psychological conditions of personal engagement and disengagement at work // *Academy of Management Journal*. 1990. Vol. 33. P. 692–724.
8. Lepak D. P., Snell S. A. Virtual HR: Strategic human resource management in the 21st century // *Human Resource Management Review*. 1998. Vol. 8, no. 3. P. 215–234.
9. Vial G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda // *The Journal of Strategic Information Systems*. 2019. Vol. 28, no. 2. P. 118–144.
10. Zavyalova E., Sokolov D., Kuchеров D., Lisovskaya A. The Digitalization of Human Resource Management: Present and Future // *Foresight and STI Governance*. 2022. Vol. 16, no. 2. P. 42–51.

Л. М. Капустина

Полицентрическое управление в условиях перехода к новому миропорядку

Рассматриваются фундаментальные факторы изменения мирового порядка в современный период. Основной причиной является появление новых центров силы и увеличение роли развивающихся стран в мировом производстве, международной торговле товарами и услугами, а также кризис капиталистической экономической модели. Рассматриваются возможности формирования нового мирового порядка без диктатуры одного государства на основе полицентрической модели межгосударственного управления.

Ключевые слова: фрагментация мира; новый мировой порядок; полицентрическое управление; полицентризм.

С усилением экономического потенциала развивающихся стран появился запрос на создание новых глобальных, региональных и национальных структур управления, воплощающих принципы демократии, равенства и устойчивости. Международные организации пока не могут адаптироваться к изменению центров силы в мирохозяйственной системе и сформировать новые управ-

ленческие институты для решения глобальных и региональных задач¹. Современный мир переживает финансовые кризисы, глобальное изменение климата, трансформацию экономики, внедрение цифровых технологий, меняющих отрасли и рынок труда. Потенциально растущее различие в моделях национального развития требует реструктуризации архитектуры международных отношений и нового миропорядка.

Предпосылки перехода к новому мировому порядку.

Впервые словосочетание «новый мировой порядок» употребили в США после Первой мировой войны и создания Лиги наций. Во второй раз мировой порядок изменился после Второй мировой войны, в третий раз — после распада Советского Союза². Однако, пользуясь статусом страны-гегемона, США понимают под новым мировым порядком Американский мир, считают, что имеют право навязывать остальным странам свою модель демократии, нередко применяя грязные методы свержения законных правительств. Поэтому сложившийся к началу XXI в. мировой порядок служит исключительно американским интересам, а сформированные США правила межгосударственного взаимодействия ими и нарушаются, если стоит цель не допустить усиления стран-конкурентов (в частности, эмбарго и ограничения в торговле с КНР) или завладеть ресурсами других стран (например, военные интервенции в Ираке и Ливии), ослабить позиции ряда стран (оранжевая революция в Украине). Л. Е. Гринин отмечает, что США не только не стремились к установлению справедливости в мире, но и после распада СССР стали рассматривать страны НАТО как вассалов, а не равноправных партнеров [1, с. 10]. Обладая превосходством в сфере финансов, современных технологиях и вооружениях, они злоупотребляют военной силой в отношениях с государствами, финансируют некоммерческие организации, ведущие подрывную деятельность, и через подконтрольные международные институты навязывают свои стандарты по всему миру. Кризис 2008–2009 гг. показал, что гегемония США пошатнулась, а с ростом азиатских стран завершается эпоха однополярного мира. Вместе с тем не стоит ожидать, что США откажутся от ми-

¹ *The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World // Human Development Report 2013 / UNDP. New York, 2013. P. 2.*

² *Ibid.* P. 8.

рового господства без боя после 70 лет лидерства в мирохозяйственной системе. В настоящий период они стремятся ослабить ЕС и Японию, сдержать технологическое развитие Китая и Индии. США используют недобросовестные методы конкуренции, что подтверждает подрыв газопроводов из России в Германию на дне Балтийского моря, запрет на экспорт в КНР оборудования для производства микрочипов, беспрецедентное давление на союзников по блоку НАТО с целью поддерживать санкции в отношении неугодных для американских политиков стран.

Проведение жесткого протекционизма США и их сателлитов стало фактором разрушения архитектуры международного управления, деглобализации и формирования полицентрической мировой системы. Распад многосторонней торговой системы происходит из-за американского протекционизма и использования силовых методов по отношению к конкурентам [4, с. 10]. А. Н. Спартак делает обоснованный вывод о том, что «...привычный всем глобальный порядок де-факто больше не существует», большинство институтов межгосударственного управления перестали действовать [4, с. 13]. Происходит трансформация многосторонних механизмов регулирования, на смену им приходит региональная координация действий государств по решению современных вызовов, связанных с ростом экономических санкций и распадом глобальных цепочек создания стоимости.

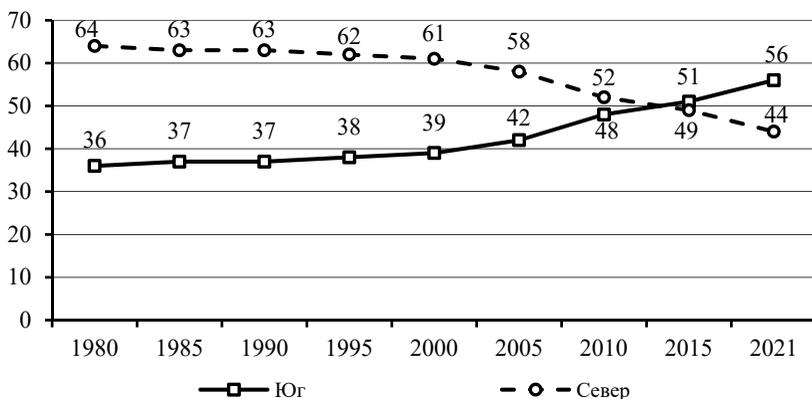
В Докладе ООН отмечен устойчивый тренд возрождения Юга, как принято называть развивающиеся страны в сравнении с более развитыми в промышленном отношении странами. В мировой экономике баланс все больше смещается в сторону Юга. Удельный вес Юга в глобальном ВВП вырос с 33 % в 1980 г. до 45 % в расчете по паритету покупательной способности (ППС) в 2010 г.¹ Одновременно активизировалась торговля между развивающимися странами Юг-Юг с 8 % в 1980 г. до 26 % в 2010 г. За период с 1980 по 2010 г. доля развивающихся стран в мировой торговле товарами увеличилась с 25 до 47 %². Постепенно растет доля развивающихся стран в международном экспорте услуг, ко-

¹ *The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World // Human Development Report 2013 / UNDP. New York, 2013. P. 2.*

² Ibid.

торая в 2021 г. превысила 27 %¹. Наиболее отчетливо тенденция перехода к многополярному миру обнаружилась после циклического экономического спада 2008–2009 гг., который сопровождался эмиссией избыточного количества американских долларов, ростом государственного долга ведущих экономик мира. В условиях пандемии и локдаунов 2020 г. негативные процессы в мировом хозяйстве усилились.

Наметились две противоположные тенденции: ускоренный рост Китая, Индии, с одной стороны, и стагнация, политика жесткой экономии в развитых странах мира, с другой стороны. В ВВП по ППС десяти крупнейших экономик мира за 2022 г. на Китай, Индию, Россию, Индонезию и Бразилию приходится более 55 %, в то время как на США, Японию, Германию, Великобританию и Францию — менее 45 %². В 2021 г. удельный вес развивающихся стран в глобальном ВВП по ППС достиг 56 % (см. рисунок).

Доли стран Юга (развивающихся стран) и Севера (развитых стран) в мировом ВВП по паритету покупательной способности, %³

Вместе с тем зависимость развивающихся стран от развитых остается значительной. Так, в 2021 г. торговля Юга с Югом

¹ *Handbook of Statistics 2022 UNCTAD / UN*. Geneva, 2022. P. 36.

² *Рейтинг крупнейших экономик мира в 2022 году отразил противоречия долларовой системы* // ИноСМИ.RU. 2023. 25 янв. URL: <https://inosmi.ru/20230125/ekonomika-260015844.html> (дата обращения: 27.02.2023).

³ Сост. по: [1, с. 19; 3].

составила 5,4 трлн долл., что меньше объема торговли Юга с Севером — 8 трлн долл.¹ Однако растет торговля в макрорегионах мира, в частности, 59 % товарооборота стран Азии приходится на внутрирегиональную торговлю, что свидетельствует о тренде к фрагментации международной торговли. Одновременно Юг нуждается в Севере, а Северу нужен Юг для роста благосостояния и расширения глобальных цепочек создания стоимости. Общими для Севера и Юга являются проблемы бедности, социального неравенства, сохранения окружающей среды, истощения природных ресурсов.

Как ожидается, в 2023 г. глобальные проблемы обострятся: растет геополитическая напряженность, увеличивается внутренний долг государств мира, усиливается кризис стоимости жизни, расширяется список торговых ограничений. Директор МВФ К. Георгиева приводит данные о том, что «одни только долгосрочные издержки от фрагментации торговли могут составить от 0,2 % мирового производства в сценарии ограниченной фрагментации до почти 7 % в неблагоприятном сценарии, что примерно эквивалентно совокупному годовому объему производства Германии и Японии»². Экспоненциальный рост торговых ограничений представлен в таблице.

**Число торговых ограничений в международной торговле
в 2009–2022 гг.**

Введенные торговые ограничения	2009	2013	2017	2022
Товары	300	400	500	1 750
Инвестиции	0	50	50	250
Услуги	100	50	150	480

Примечание. Сост. по: Георгиева К. Противостояние фрагментации в наиболее важных вопросах торговли, долга и мер в области климата // МВФ. 2023. 20 янв. URL: <https://www.imf.org/ru/Blogs/Articles/2023/01/16/Confronting-fragmentation-where-it-matters-most-trade-debt-and-climate-action> (дата обращения: 27.02.2023).

¹ *Handbook of Statistics 2022 UNCTAD / UN.* Geneva, 2022. P. 21.

² Георгиева К. Противостояние фрагментации в наиболее важных вопросах торговли, долга и мер в области климата // МВФ. 2023. 20 янв. URL: <https://www.imf.org/ru/Blogs/Articles/2023/01/16/Confronting-fragmentation-where-it-matters-most-trade-debt-and-climate-action> (дата обращения: 27.02.2023).

Вероятным становится сценарий распада мира на конкурирующие экономические блоки.

Перспективы формирования системы полицентрического управления. А. Н. Спартак отмечает начавшееся формирование нового мирового экономического порядка, что выражается в уменьшении роли США как драйвера глобального развития; в проявлении полицентризма, обособленности производства и финансовых транзакций в границах региональных блоков; изменении конфигурации цифровых сетей и политизации международного бизнеса [4, с. 8–9]. Среди современных тенденций наиболее отчетливо прослеживается энтропия в экономике и геополитике, а также рост конкуренции за рынки сбыта, технологическое лидерство и энергетические ресурсы [4, с. 8]. Происходит и физическая фрагментация экономического пространства, все больше сотрудников компаний работают удаленно, растет дистанционная занятость. Разрушение мировых наднациональных институтов вынудило многие государства искать решения проблем в рамках двусторонней торговли.

Ряд исследователей отмечают чрезмерную зависимость политиков от ВВП как показателя экономического развития, что имело следствием хищническое потребление природных ресурсов и эксплуатацию труда; в современных условиях основной целью компаний не может быть бесконечный рост прибыли. Новый мировой порядок будет основан на новой системе показателей благосостояния людей, финансовой системе без ключевой роли американского доллара, нескольких центрах силы, полицентризме [2, с. 118].

Л. Е. Гринин обращает внимание на то, что «на смену доминированию США пока не пришел никакой внятный новый мировой порядок» [1, с. 25]. Равноценной сверхдержавы не просматривается. Предполагается, что длительный период времени займет переходный период, который будет больше похож на беспорядок, мир без правил. При этом США будут усиливать напряженность в мировой системе и проявлять еще больший эгоизм в отношениях с другими странами, препятствовать разрушению однополярного мира, что вызовет турбулентность и неопределенность в развитии мировой экономики. Ожидается формирование полицентрического управления на надгосударственном уровне.

Постепенно будут складываться принципы нового миропорядка, исключая двойные стандарты и применение военной силы для достижения национальных целей в ущерб общемировым. На первом этапе будут формироваться коалиции государств с близкими интересами, устанавливаться более справедливые правила и правовые нормы общемирового управления. Ожидается, что сохранится плюрализм национальных моделей правления, появятся более совершенные механизмы координации интересов государств.

Наиболее известным применением полицентризма в межгосударственном управлении остается исследование Э. Острома о коллективном управлении природными ресурсами [6]. Остром пришел к выводу, что система полицентрического управления допускает многочисленные механизмы коллективного принятия решений и разрешения конфликтов на нескольких уровнях агрегирования. Полицентрическая организация определена как модель управления, в которой многие независимые элементы способны к взаимной корректировке для упорядочивания своих отношений друг с другом в рамках общей системы правил. Полицентрическая система управления включает:

- множество центров принятия решений с пересекающимися юрисдикциями;
- взаимодействие посредством процесса взаимной адаптации, установления новых формальных форм сотрудничества или неформальных обязательств;
- упорядоченную модель социального порядка на всех уровнях управления, основы для демократического самоуправления [5, p. 5].

Вывод. Основной причиной исчерпания прежнего миропорядка является появление новых центров силы (Китая и Индии), увеличение роли развивающихся стран в мировом производстве, международной торговле товарами и услугами. Кризис господствующей в настоящее время капиталистической экономической модели выражается в замедлении экономического роста стран Севера, нарастании долговых и финансовых проблем развитых стран мира, увеличении фрагментации мирового экономического пространства. Контуров нового мирового порядка не предполагают замены гегемонии США диктатурой новой сверхдержавы.

Формируется многополярный мир, межгосударственное регулирование в котором будет основываться на более справедливых принципах полицентрического управления, механизмах координации интересов разных групп стран. Предполагается, что будет остановлен безудержный рост наращивания прибыли и потребления, присущий капитализму, будет принят плюрализм национальных моделей государственного устройства. Предстоит переходный период к новой архитектуре мирохозяйственной системы, который будет характеризоваться турбулентностью, высокой степенью неопределенности, разрушением старых институтов наднационального регулирования, трансформацией мировой валютной системы. При этом основное внимание будет уделено разработке практических инструментов коллективного принятия решений и разрешения межгосударственных конфликтов в рамках полицентрической системы управления.

Библиографический список

1. *Гринин Л. Е.* Контуры нового мирового порядка // *Философия и общество*. 2015. № 3-4 (77). С. 7–33.
2. *Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Гринин А. Л., Коротяев А. В.* Умрет ли капитализм? Размышления о капитализме прошлого, настоящего и будущего // *Социологический журнал*. 2022. Т. 28, № 2. С. 100–130. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.2.8988.
3. *Мачавариани Г.* Основные показатели развития мировой экономики. Мир в 2021 году // *Официальный сайт ИМЭМО РАН*. 2022. 14 нояб. URL: <https://www.imemo.ru/publications/electronic-resources/oprme/archive/2022/mir-v-2021-g> (дата обращения: 27.02.2023).
4. *Снартак А. Н.* Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022. № 7. С. 7–29.
5. *McGinnis M. D.* Polycentric governance in theory and practice: Dimensions of aspiration and practical limitations (Feb 29, 2016). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3812455> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3812455>.
6. *Ostrom E.* Beyond markets and states: polycentric governance of complex economic systems // *American economic review*. 2010. Vol. 100, no. 3. P. 641–672.

Д. А. Карх, В. Н. Аббазова

Развитие рынка складской недвижимости г. Екатеринбурга в условиях санкционной политики

В условиях санкционной политики рынок транспортно-логистических услуг РФ активно перестраивает логистические цепочки, стараясь своевременно и оперативно реагировать на изменения во внешней среде. Рынок складской недвижимости оказался более устойчив к сложившейся ситуации, чем другие сегменты потребительского рынка. В статье проведен анализ рынка складской недвижимости в России, рассмотрены ключевые тренды развития рынка, определены основные направления инвестирования в сферу логистики.

Ключевые слова: складская логистика; рынок складской недвижимости; склад; потребительский рынок.

Напряженная ситуация в мире, связанная с геополитикой, последствия пандемии 2020 г. повлияли не только на отечественный логистический рынок, но и на логистику во всем мире.

Закрытие воздушного пространства стран Евросоюза, ограничение и частичный запрет на перевозки морским транспортом вынудили логистические компании пересмотреть маршруты перевозок, в срочном порядке разрабатывать альтернативные маршруты товароснабжения, что приводит к увеличению сроков и стоимости доставки, сбоям в работе, снижению объемов заказов, увеличению транспортных издержек.

Современный рынок транспортно-логистических услуг подвержен влиянию различных факторов, несущих следующие риски: введение новых пакетов санкций и распространение вторичных санкций, ограничение экспорта РФ, сложности в реализации крупных инвестиционных проектов, включение в санкционный список крупных предприятий, логистических компаний, нарушения в системе международных расчетов и т. д.

Ограниченность ассортимента товаров, нарушение цепочек поставок, инфраструктурные ограничения заставляют поставщиков наращивать собственные складские товарные запасы, что требует расширения складских площадей.

Анализ рынка складской недвижимости Российской Федерации, выявление проблем и поиск направлений развития данной

Таблица 1

Итоги развития рынка складской недвижимости в России за 2018–2022 гг.

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
Общий объем рынка качественных складских площадей, тыс. кв. м	7 985	8 648	11 415	13 558	14 417
Введено в эксплуатацию, тыс. кв. м	330	467	765	1 383	859
Общий объем сделок в регионах России, тыс. кв. м	220	585	853	1 267	630
Средневзвешенная ставка аренды на склады класса А, р./кв. м/год	3 500	3 600	3 700	4 900	5 350
Операционные расходы без НДС (склады класса А), р./кв. м/год	900–1 200	900–1 200	900–1 200	1 100–1 400	1 100–1 400
Диапазон средней запрашиваемой цены продажи сухого склада класса А, р./кв. м, без НДС	35 000–45 000	35 000–45 000	35 000–45 000	55 000–65 000	55 000–65 000
Доля свободных площадей класса А, %	4,4	4,9	4,6	3,2	1,9

Примечание. Составлено по аналитическим материалам NF Group Research.

отрасли остается актуальной темой для исследований многих российских ученых (О. В. Широкова, В. С. Назаренко [3], Е. Н. Смольнинова, Е. В. Полищук [2] и др.).

Складская логистика направлена на оптимизацию процессов сбора, хранения, транспортировки, упаковки товаров, а также на обеспечение их безопасности и сохранности.

По данным аналитиков компании IBC Real Estate, рынок складской недвижимости оказался более устойчив к сложившейся ситуации на потребительском рынке, чем другие сегменты¹. Динамика развития рынка складской недвижимости в России представлена в табл. 1.

Несмотря на уход зарубежных производителей с российского рынка, экспертами отмечается рост спроса на складскую недвижимость в связи увеличением объемов взаимодействия с новыми иностранными партнерами (Индия, Китай и другие страны Азии) и построением новых логистических цепочек.

Если в структуре спроса на складские комплексы в 2020 г. большую часть занимал розничный ритейл (более 40 %) и производственные компании, то в 2021 г. рынок развивался за счет ритейл-онлайн, а в 2022 г. структура спроса вновь изменилась, большую долю занимает продуктовый ритейл.

Одной из тенденций на рынке складской недвижимости становится увеличение объемов субаренды. Регионами-лидерами по предложению площадей в субаренду являются Екатеринбург, Самара и Ростов-на-Дону².

Аналитиками Core.XP отмечено сокращение доли сделок по типу built-to-suit в 2022 г. — 22 % от общего объема спроса.

Себестоимость строительства складов в 2022 г. снизилась до 55–57 тыс. р. за 1 кв. м, однако крупные компании, еще недавно планировавшие расширение своих площадей за счет строительства, отказываются от реализации идеи. Причинами отказа от проектов строительства крупных складов является спад объ-

¹ IBC Real Estate: онлайн-ритейл сформировал почти половину спроса на склады // CRE. 2023. 21 февр. URL: <https://www.cre.ru/analytics/90038> (дата обращения: 27.02.2023).

² *Nikoliers*: Консалтинговые услуги в сфере жилой и коммерческой недвижимости. URL: <https://nikoliers.ru> (дата обращения: 27.02.2023).

ема продаж, внесение изменений в стратегии развития компаний, нарушение хозяйственных и логистических связей.

По данным опроса, проведенного Knight Frank Research с целью оценки текущей ситуации на рынке и определения направления развития, основными проблемами в развитии складской логистики являются:

- увеличение себестоимости складских операций;
- повышение стоимости оборудования склада (удорожание стоимости нового оборудования, ограниченный выбор технического оборудования, представленного на рынке);
- стоимость логистики доставки;
- человеческий ресурс (кадровый дефицит).

Для решения обозначенных выше проблем логистические компании ставят перед собой задачи по повышению эффективности внутренних процессов компании и оптимизации затрат¹.

Свердловская область имеет выгодное географическое расположение на территории страны, регион равноудален от основных логистических хабов.

Инвестиционная привлекательность региона остается одной из важнейших характеристик деятельности органов власти субъектов РФ.

Государственная поддержка, действия региональных органов власти, направленные на улучшение инвестиционного климата, позволили Свердловской области сохранить свои позиции и осуществлять сотрудничество с иностранными партнерами из более чем 135 стран мира.

Основными направлениями инвестирования в сферу логистики являются:

- создание мультимодальных логистических комплексов;
- строительство складской недвижимости;
- строительство контейнерных терминалов;
- застройка индустриальной зоны вблизи контейнерных терминалов;
- упаковочные технологии, производство оборудования для грузопереработки;

¹ Аналитические отчеты / NF Group. URL: <https://kf.expert/publish> (дата обращения: 27.02.2023).

- производство оборудования для оптимизации хранения;
- специализированное оборудование для обработки контейнеров.

Приоритетная задача развития Свердловской области — превращение региона в крупнейший логистический центр.

Екатеринбург остается одним из городов-лидеров по количеству качественных складских площадей, на его долю приходится около 13 % общего объема региональных складов.

Согласно стратегическому проекту «Екатеринбург — евро-азиатский узел оптовой торговли и логистических услуг», город должен стать евро-азиатским узлом оптовой торговли к 2030 г.

В 2021 г. потребительский рынок Свердловской области, в частности г. Екатеринбурга, несмотря на ограничения, вызванные последствиями пандемии (санитарные нормы, усложнение логистических процессов, изменение спроса, поведение потребителей), показал стабильный рост. Основные показатели развития потребительского рынка Свердловской области представлены в табл. 2.

Таблица 2

Итоги развития потребительского рынка Свердловской области и г. Екатеринбурга

Показатель	2018	2019	2020	2021
Оборот оптовой торговли по СО, млрд р.	2 286,3	2 230,9	2 460,1	3 447,5
В том числе г. Екатеринбург	710	766	1 010	1 581
Оборот розничной торговли по СО, млрд р.	1 130,70	1 196,95	1 117,56	1 215,1
В том числе г. Екатеринбург	791,2	835,5	860,0	928,0
Ввод объектов складской недвижимости в г. Екатеринбург, тыс. кв. м	204,7	175,6	60	160
Количество распределительных центров в г. Екатеринбург, ед.	119	122	123	127
Количество предприятий розничной торговли в г. Екатеринбург, ед.	4 860	5 050	5 064	5 231

Расширение внутреннего потребительского и инвестиционного спроса привело к экономическому росту в 2021 г. Объем отгруженных товаров промышленных предприятий увеличился на 13,6 % и составил 647 млрд р., объем отгруженных товаров

обрабатывающих производств увеличился на 11,3 % и составил 509 млрд р.

Оборот оптовой торговли в 2022 г. составил 3891,6 млрд р. (86,8 % к уровню 2021 г.). Оборот розничной торговли в 2022 г. — 1256,7 млрд р. (на 11,2 % меньше, чем в 2021 г.).

Политика импортозамещения, направленная на сохранение национальной безопасности и приоритетов социально-экономического развития, основывается на поддержке отечественного производителя на внутреннем рынке [3].

Эксперты прогнозируют, что основным драйвером рынка складской логистики в 2023 г. станут производственные компании, использующие площадки для организации сборочного производства. Так, научно-производственный холдинг ВМП, уральский производитель промышленных покрытий для защиты металлоконструкций от коррозии и огня, в связи с увеличением спроса наращивает объемы выпуска продукции.

Экономические показатели предприятия, его потенциальный ресурс в проектах государственной политики импортозамещения позволяют производителю рассмотреть возможность разработки инвестиционного плана по расширению производственных площадей, совершенствованию текущих мощностей организации. Холдинг инвестировал 210 млн р. в проект по строительству многофункционального склада с логистической инфраструктурой. Предприятию предоставлены льгота по налогу на прибыль и льгота по налогу на имущество. Ввод в эксплуатацию многофункционального склада позволит организации повысить производительность труда¹.

Реализуется инвестиционный проект по строительству производственно-логистического комплекса по выпуску хлебобулочных и кондитерских изделий со складом бестарного хранения сырья АО «СМАК». Общий объем инвестиций составляет 4,4 млрд р. без НДС. Функционирование комплекса позволит увеличить производственные мощности хлебокомбината, расширить ассортимент, вывести региональный бренд на федеральный уровень.

¹ *Новости* АО НПК ВМП. URL: <https://vmp-holding.ru/news/2022/2393/> (дата обращения: 27.02.2023).

В 2022 г. в Свердловской области введен в эксплуатацию производственный комплекс Компании TDM ELECTRIC (логистический центр класса А площадью 5 тыс. кв. м). Общий объем инвестиций — 1,5 млрд р.

Федеральный проект «Сухой порт» предполагает строительство крупного транспортно-логистического узла, через который пойдут товары из Казахстана, Китая, Кореи и других стран Азии.

«Сухой порт» представляет собой высокотехнологичный комплекс, состоящий из современной железнодорожной, терминальной, складской и таможенной инфраструктуры. Для успешного функционирования «сухого порта» необходимо иметь доступ к железной дороге, автомагистралям и т. д.; большую свободную территорию для развития [1].

Концепция «сухого порта» предполагает внедрение современных технологий по складированию грузов, в первую очередь контейнерных, а также синхронизацию работы различных видов транспорта. Реализация проекта позволит региону достичь лидирующих позиций в сфере транспортной логистики, а также сформировать новые транспортно-логистические коридоры для обеспечения логистики грузов, снизить транспортно-логистические издержки, расширить рынки сбыта, создать новые рабочие места¹.

Одним из мероприятий по реализации концепции стал запуск современного транспортно-логистического центра (ТЛЦ) «Уральский», входящего в перечень системообразующих организаций транспортного комплекса РФ. Предполагается, что его грузооборот достигнет 30 млн т (к 2030 г.). ТЛЦ включает 4 км приемоотправочных линий и 10 выставочных путей в парке накопления и сортировки. На площадке «Уральского» предусмотрен пункт таможенного оформления. Общий объем инвестиций — более 12 млрд р.

Строительство новых и реконструкция существующих складских комплексов в перспективе до 2030 г. позволят удовлетворить существующий спрос на качественные складские по-

¹ Евгений Куйвашев сформировал рабочую группу по реализации проекта «Сухой порт» / Официальный сайт Правительства Свердловской области. URL: <https://midural.ru/news/akcent/document204143> (дата обращения: 27.02.2023).

мещения и потребность в специализированных логистических площадях.

Библиографический список

1. *Кайгородцев А. А., Русинов И. А.* Развитие «Сухих портов» в современной транспортно-логистической системе // Транспортное дело России. 2017. № 5. С. 105–106.

2. *Смолянинова Е. Н., Полищук Е. В.* Проблема современной складской логистики в России // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8, № 2(27). С. 292–294. DOI: 10.26140/anie-2019-0802-0071.

3. *Широкова О. В., Назаренко В. С.* Государственная политика импортозамещения: предварительные итоги и тенденции // Экономические отношения. 2017. Т. 7, № 4. С. 343–356. DOI: 10.18334/eo.7.4.38431.

Е. Г. Князева, А. И. Хаитова

Условия финансового обеспечения жизнедеятельности семьи с ребенком с расстройством аутистического спектра

Выявлены социально-экономические условия и факторы, влияющие на финансовую базу жизнедеятельности семьи, где растут дети, имеющие расстройства аутистического спектра. Показано влияние этих факторов и условий на эффективность процессов социализации детей. Авторы предлагают изменить траекторию преодоления проблем социализации таких детей.

Ключевые слова: финансово-экономический аспект; социализация детей; финансы домохозяйств.

Проблема социализации детей, имеющих расстройства аутистического спектра (РАС), долгое время не обсуждалась активно в современном российском обществе. Лишь в последнее десятилетие эти темы стали попадать в фокус общественного и государственного внимания. Так, сегодня уже существует законодательная база, открывающая возможности для региональной власти продвигаться к поэтапному преодолению сложнейшего комплекса проблем, препятствующих немалому количеству юных российских граждан, с детства имеющих расстройства аутистиче-

ского спектра, стать активными и полноценными членами общества [1; 2].

Но федеральное законодательство, по самым разным причинам, пока не стало убедительным импульсом, побуждающим исполнительную и законодательную ветви региональной власти к тому, чтобы принимать адекватные меры, способствующие социализации детей с диагнозом РАС, которых сегодня все чаще именуют «особенными» детьми, чтобы в обществе они не воспринимались как дети с патологией [5].

Цель настоящей работы — выявление и предварительная оценка условий и факторов, влияющих на финансовую основу жизнедеятельности семей с детьми, отличающимися расстройством аутистического спектра.

Гипотезой, вокруг которой строилось исследование, стало следующее предположение. Если сложившаяся сегодня деятельность по преодолению проблем социализации детей с РАС в полной мере не дает желаемых результатов, то для ее большей эффективности можно попытаться несколько изменить направленность траектории этой деятельности.

В настоящее время работа по большей части изначально обосновывается не финансово-экономическими, а гуманитарными соображениями, опирается на морально-нравственные категории, на общественно значимые цивилизационные и культурные представления о ценности человека, исходя из которых только потом доказывается необходимость социально-экономической, материальной, финансовой поддержки таких семей, определяется масштаб, объем, источники и направления финансирования. Вероятно, достичь большей эффективности можно, если продвигаться к преодолению проблемы недостаточной и неудовлетворительной работы по социализации детей с диагнозом РАС в условно обратном направлении. Прокладывать траекторию, начиная с обоснованного расчета социально-экономических, финансовых выгод государству и обществу, образующихся за счет эффективной помощи семьям с такими детьми. Далее на этой основе определять источники, направленность, объемы и формы социально-экономической, финансовой поддержки этих семей.

Для поиска путей подтверждения или опровержения этой гипотезы в рамках настоящей работы предстояло решить ряд за-

дач. А именно, изучить состояние проблемы социализации «особенных» детей в современной России и в мире, имея в виду ее социально-экономический аспект. Затем, на основании проведенного теоретического анализа выявить социально-экономические условия и факторы, обеспечивающие прямо или косвенно полноценную жизнедеятельность семьи, имеющей детей с диагнозом РАС. Кроме того, необходимо предложить методическую базу для возможной группировки, систематизации, ранжирования факторов влияния на финансовую базу, необходимую для полноценного функционирования такой семьи.

За счет решения задач описания и оценки условий и факторов, определяющих необходимый уровень жизнедеятельности семьи с детьми, отличающимися расстройством аутистического спектра, уже можно будет создавать обоснованные предпосылки для экономического прогноза общественных, государственных выгод, возникающих за счет оптимизации и систематизации всесторонней помощи таким семьям.

Финансово-экономическая систематизация условий и факторов позволит в целом оптимизировать траекторию помощи семьям с детьми, имеющими диагноз РАС. А преобразование направленности такой траектории, начиная от источников финансирования, объемов, формы и направленности инвестиций до конечного адресата, которым являются такие семьи, позволит предложить обществу и государству, особенно на региональном уровне, вариант материализации, монетизации социально-экономической, утилитарно-финансовой выгоды, что впоследствии неизбежно обретет общественную, гуманитарную, морально-этическую значимость. Эта значимость образуется благодаря развертыванию на основе предложенной систематизации взаимосвязанной, оптимально финансируемой и администрируемой комплексной работы по социализации детей с диагнозом РАС. Очевидным следствием станут финансовые и гуманитарные выгоды, и для государства, и для семей с такими детьми.

Среди множества взаимосвязанных причин возникновения самых разных общественно значимых проблем далеко не самой последней чаще всего является недооценка социально-экономической значимости проблем и тех прагматических финансовых выгод, которые образуются в случае их преодоления. Поэтому

здесь мы предпринимаем попытку вычленить и показать именно социально-экономический аспект такого сложного клубка трудностей, который состоит из причин, следствий, а также прямых и косвенных потерь для общества, для государства, возникающих из-за непреодоленных до конца проблем помощи семьям, имеющим детей с диагнозом РАС.

В общественном восприятии проблема социализации детей, имеющих аутистические расстройства, распадается на три группы задач, взаимно проникающих и потому трудно отделяемых друг от друга. Это общественно-государственные задачи законодательного, административного, организационного обеспечения социализации детей с диагнозом РАС, задачи создания и внедрения методов медицинской, психолого-педагогической, социальной помощи «особенным» детям и семье, где они растут, а также социально-экономическая и финансовая база реализации первых двух составляющих.

Так, по данным Минздрава РФ, распространенность расстройств аутистического спектра в России (как и в мире) составляет около 1 % детской популяции¹. Согласно данным Росстата РФ за 2021 г., численность детского населения составляет более 30 млн, это означает, что прогнозируемое количество диагнозов РАС в России составляет более 300 тыс.

Недооценка задачи социализации детей с диагнозом РАС приводит к выпадению из активной и продуктивной трудовой деятельности 1–2 % и более трудоспособного населения страны в перспективе, дальность которой составляет порядка 15–20 лет.

То, что уровень здоровья населения напрямую влияет на социально-экономическое развитие государства, констатируют многие исследователи [4].

Официальная позиция Минздрава России сегодня сводится к тому, что «Современные научные данные не позволяют предложить более эффективного средства для преодоления ключевых дефицитов, связанных с РАС, чем постоянная абилитация на основе поведенческих, психологических и образовательных подходов, направленных на социальную адаптацию ребенка и его последующую интеграцию в обществе. Число детей, прошедших

¹ Письмо Минздрава от 8 мая 2013 г. № 15-3/10/1-2140.

психолого-педагогическую реабилитацию и социальную адаптацию, находится на низком уровне»¹. Сегодня нет данных о том, какая доля российских детей, имеющих диагноз РАС, получает полноценную помощь от соответствующих специалистов, какое количество «особенных» детей прошли полноценную социальную реабилитацию.

Почти во всех отечественных и зарубежных публикациях указывается на необходимость комплексной помощи как самого надежного средства социализации. Констатируется, например, что «крайне важно, чтобы с ребенком работало несколько специалистов» [3].

Связь комплексности в социальной работе и повышения ее финансово-экономической эффективности обосновывает Е. Г. Князева: «финансовое обеспечение рационально формировать на базе совокупности экономических, финансовых и социальных показателей. Программное финансовое обеспечение должно иметь характеристики комплексности, критериальности и многоуровневости» [4]. Поскольку финансовые показатели в деле социальной поддержки являются производными от факторов и условий, связанных с деятельностью специалистов в области медицины, педагогики, психологии, психиатрии, а также с административно-организационным обеспечением этой деятельности, то необходимо конкретизировать и эти уровни.

И. Л. Шпицберг дополняет необходимость системного и взаимодополняющего участия в социальной помощи специалистов педагогического, психологического, медицинского профилей [6]. А. И. Хаитовой на основе убедительной практики социальной помощи «особенным» детям в России подчеркивается, что системное взаимодействие и взаимосвязанность всех уже существующих элементов поддержки и помощи семьям с детьми, имеющими диагноз РАС, не увеличивают, а экономят расходы государства и личные расходы семей с детьми, обладающими такими особенностями. Сюда же И. Л. Шпицберг относит консолидацию работы государственных и негосударственных организаций.

¹ *О разработке и реализации федеральной программы помощи детям с расстройствами аутистического спектра.* URL: <https://minzdrav.gov.ru/special/ministry/61/5> (дата обращения: 15.02.2023).

Организационно-административный фактор, влияющий на эффективность социальной адаптации детей с диагнозом РАС, также становится предметом социально-экономического анализа, представленного А. И. Хаитовой [5]. Обсуждаются различия в организации работы государственных и негосударственных поставщиков социальных услуг, вопросы учета, контроля как необходимые условия подъема эффективности социальной медико-психологической помощи детям с диагнозом РАС. Среди этих условий выделяются индивидуализация социальных услуг, вовлечение в систему социального обеспечения негосударственных поставщиков, равенство доступа граждан к соответствующим услугам, сокращение удаленности поставщика услуг от нуждающихся в этих услугах детей и их родителей, право на выбор поставщика, введение тарифов, построенных на подушевом учете.

За рубежом проблема социализации детей с диагнозом РАС в последние три десятилетия наращивает свою актуальность, что отображается в научно-практическом социально-экономическом дискурсе. Предметом обсуждения и анализа здесь становятся задачи финансового, морально-этического, социально-экономического, медико-психологического и социально-педагогического характера. Каждая такая группа задач воспринимается как самостоятельная.

В России все эти стороны задачи специалисты склонны рассматривать интегративно, в системной взаимосвязи. Поэтому можно утверждать, что предпосылки к востребованности программно-целевого подхода как одной из версий системно-деятельностной методологии в осмыслении, оценке и ранжировании факторов влияния на результативность общих усилий, а также на социально-экономический эффект всей работы по социализации «особенных» детей в России сложились.

Библиографический список

1. Белоусов Л. В., Хаитова А. И., Митин Ю. Д. Резервы повышения качества социального обслуживания и эффективности расходования бюджетных средств. Зарубежный опыт // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики: Сер.: Экономика и Право. 2022. № 1. С. 188–199.

2. *Богданян Е. А.* Социальное партнерство и социальное обслуживание граждан: отраслевые и конституционно-правовые проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5. С. 76–77.

3. *Соловьёва Г. И.* Как наладить систему помощи ребенку с диагнозом РАС в России? // Регионы России. 2022. № 12. С. 25–34.

4. *Фахрутдинов Т. М., Князева Е. Г.* Финансовые и управленческие многосложности в достижении всеобщего охвата медицинской помощью населения России // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2022. № 7. С. 67–74.

5. *Хайтова А. И., Белоусов Л. В.* Возможности для детей с аутизмом // Социальная защита. 2021. № 3. С. 70–72.

6. *Шпицберг И. Л., Попова М. В., Криворучко С. О.* Система непрерывного межведомственного сопровождения людей, имеющих расстройства аутистического спектра и другие особенности развития в ментальной сфере / под ред. И. Л. Шпицберга. М.: Наш Солнечный Мир, 2019. С. 4–19.

В. В. Левина

Институциональные и поведенческие аспекты местной бюджетной политики в нестабильных условиях

Проанализировано состояние муниципальной бюджетной политики в условиях кризиса 2020–2021 гг. Выявлена роль изменения правовых основ бюджетного регулирования, выраженная в смягчении ограничений для территориальных бюджетов на период кризиса. Установлено, что для обеспечения внедрения данных изменений в муниципальную финансовую практику необходимо более детально учесть воздействие неформальных институтов и поведенческих факторов в процессе бюджетного регулирования.

Ключевые слова: бюджетная политика; межбюджетные отношения; муниципальное образование; местный бюджет; поведенческая экономика; институциональный подход.

В 2020–2021 гг. законодательные основы реализации муниципального бюджетного процесса претерпели некоторые изменения, что было связано с созданием условий для реализации антикризисной финансовой политики в условиях пандемии. Изучение опыта трансформации бюджетной политики, накопленного в данном периоде, крайне актуально и сегодня, так как позволяет сделать теоретические выводы и сформировать практические ре-

комендации для реализации муниципальной бюджетной политики в нестабильных условиях. Основной целью изменений было смягчение ограничений в реализации муниципальной бюджетной политики, повышение адаптивности муниципального управления в условиях новых вызовов.

Основные изменения касались сферы регулирования бюджетного дефицита и муниципального долга, формирования резервных фондов, а также смягчения ограничений для дотационных муниципальных образований и трансформации межбюджетного регулирования. Пандемия 2020–2021 гг. оказала существенное влияние на российскую экономику и бюджетную систему [2; 7]. Сегодня можно подвести некоторые итоги влияния смягчения бюджетных ограничений на реализацию муниципальной финансовой политики в условиях пандемии и реализации мер по противодействию ей.

В российской практике, в соответствии с требованиями БК РФ, используются ограничения в бюджетной политике муниципальных образований, которые связаны с величиной получаемых дотаций, что является частью реализации финансовой политики, предполагающей достаточно высокий уровень централизации ресурсов [3; 5; 6]. Все муниципалитеты делятся на группы, в зависимости от величины дотаций в доходах местных бюджетов за вычетом субвенций. Пороговыми значениями являются величины в 5, 20 и 50 %. Для каждого уровня дотационности установлена своя система ограничений. Она может рассматриваться как формальный институт в регулировании бюджетной политики территорий [9]. В 2020 г. данный институт претерпел определенные изменения, которые были нацелены на рост адаптивности бюджетной политики территорий. Изначально он был сконструирован следующим образом. Если доля дотаций больше 5 %, то ограничения касаются оплаты труда представителей местных властей. Когда величина дотаций в муниципальных доходах за вычетом субвенций возрастает до 20 %, то местные власти не могут финансировать вопросы, прямо не отнесенные к их полномочиям. Именно это ограничение и было приостановлено в 2020–2021 гг. и в 2023 г., что обусловлено кризисными тенденциями в российской экономике. В результате корректировки правовой нормы подобные муниципальные образования могли брать

на себя дополнительно расходные обязательства, которые не являются частью их полномочий, но нацелены на борьбу с последствиями пандемии в экономической и социальной сфере. Данное изменение могло бы повлиять на бюджетную политику большинства муниципальных образований, так как существенно более половины из них характеризуются такой структурой бюджетных доходов. Как показал анализ исполнения бюджетов в данном периоде, большинство муниципалитетов не воспользовались указанными возможностями. Таким образом, изменение институциональных условий не привело к массовому изменению поведения руководителей в сфере практического регулирования бюджетной политики. Предпосылки такой ситуации, на наш взгляд, отчасти связаны с действием неформальных институтов, но кроме того, можно выделить и поведенческие факторы, которые в большей мере изучены в отношении взаимодействия на финансовых рынках [4; 10], а не в сфере публичных финансов [8]. В плане неформальных институтов в данном случае проявляется действие «эффекта колеи», когда следование даже устаревшей и не единственно возможной практике, ежегодное повторение действий и решений в бюджетной политике является для руководителя оптимальным в силу привычности, технической простоты и кажущейся безопасности. Если рассматривать поведенческую составляющую, то данная ситуация может быть связана со сложившейся практикой планирования расходов на местном уровне, отсутствием стимулов у органов местного самоуправления, представители которых часто воспринимают такие изменения в бюджетной политике как нежелательные с позиции органов власти субъекта РФ. В данном случае можно говорить о проявлении поведенческих эффектов фрейминга, который связан с использованием определенной рамки в восприятии ситуации, а также в определенной мере с потенциальным неприятием потерь.

Если уровень дотационности местного бюджета превышает 50 %, то к муниципальному образованию применяется система ограничений в бюджетной политике, включающая дополнительные контрольные мероприятия со стороны региональных властей, а также ужесточение требований к предельным объемам бюджетного дефицита и муниципального долга. Данные требования также подвергались изменениям в 2020–2021 гг. и 2023 г., когда

были внесены соответствующие изменения в бюджетное законодательство. В частности, изменилось ограничение по предельной величине бюджетного дефицита для дотационных территорий. В стабильных условиях применялось ограничение по дефициту в размер 5 % от общего объема налоговых и неналоговых поступлений. Превышение возможно в случае, когда финансируются расходы, нацеленные на противодействие пандемии, или если по той же причине были недополучены доходные поступления. Динамика дефицита местных бюджетов свидетельствует о том, что он не находится в прямой связи с экономической ситуацией в целом (рис. 1).

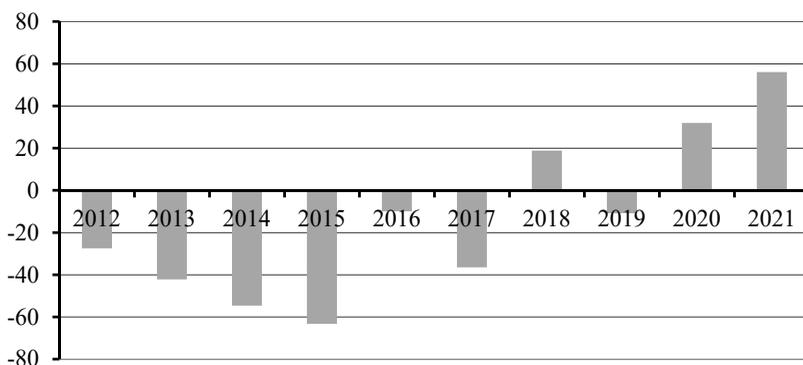

Рис. 1. Динамика муниципального бюджетного дефицита в 2012–2021 гг., млрд р.¹

Аналогично были скорректированы нормы и по муниципальному долгу, но корректировка формального института в данном случае также не дала ожидаемых результатов. В данных аспектах бюджетной политики эффект колеи действовал в большинстве муниципалитетов. Так, количество дотационных бюджетов муниципальных образований как в 2019, так и в 2020–2021 гг. было примерно равным, а общий результат исполнения бюджетов в 2020–2021 гг. был профицитным. В плане управления муниципальными заимствованиями также не произошло существенных изменений, величина долга в 2020 г. увеличивалась не быст-

¹ Рисунки 1 и 2 составлены по данным Минфина России.

рее, чем в предыдущие годы, а в 2021 г. агрегированный показатель даже несколько снизился (рис. 2).

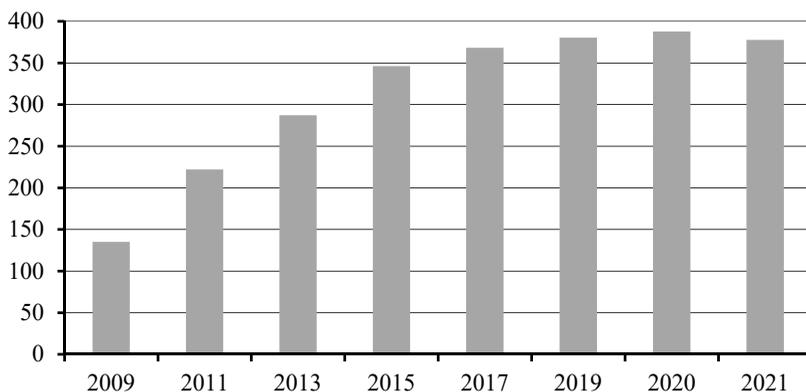

Рис. 2. Динамика муниципального долга в 2009–2021 гг., млрд р.

Это свидетельствует об инерции в бюджетном процессе и отсутствии явных результатов корректировки действовавших ранее формальных норм.

Таким образом, российское законодательство предполагает использование достаточно большого количества условий при получении объемов дотаций, превышающих установленные в относительном выражении пределы, что является следствием достаточно высокого уровня централизации бюджетной системы [1]. В 2020–2021 гг. данные условия были существенно скорректированы. Тем не менее это не привело к значимым изменениям в бюджетном процессе. Основная причина, на наш взгляд, связана с «эффектом колее». В поведенческом подходе более важна не общая ожидаемая трансформация интереса, возникающая при распределении трансфертов, например, стремление не к максимуму получения определенных дотаций, а к некому пороговому значению в отношении к доходам бюджета или их отдельным составляющим, а восприятие данных ограничений конкретными руководителями и их дальнейшие действия и решения в созданных условиях [8].

По нашему мнению, когда выдвигаются условия получения трансфертов, то мы также можем говорить о наличии черт пове-

денческих финансов. Условия и ограничения, налагаемые на получателя, одинаковы для местных властей, но воспринимаются конкретными руководителями муниципального уровня по-разному. В частности, они могут быть настроены на финансирование более широкого круга вопросов, и тогда ограничения, связанные с возможностью финансировать только вопросы местного значения, для них нежелательны и критичны. Возможно и обратное, когда финансировать что-то сверх установленного минимума, на взгляд конкретного чиновника, и не требуется. Дополнительные новые расходы могут восприниматься как возможности, а могут как лишняя «головная боль», и то, как именно они будут восприняты, зависит от конкретного человека, который выполняет руководящие функции в муниципалитете.

Аналогично и ограничения по бюджетному дефициту и долгу могут быть безразличны конкретному чиновнику и являться нормой, а могут создавать неудобства и рассматриваться как ситуация, из которой необходимо выйти, а значит, снизить уровень дотаций в местном бюджете, чтобы стать более свободным в реализации местной бюджетной политики. Возможность заимствований в данном случае пример, который воспринимается руководителями очень неоднозначно. В них и объективно есть значительные угрозы и возможности. Дополнительные заимствования — это возможность быстрее и полнее решать вопросы местного значения, активнее и качественнее реализовывать собственные полномочия. Одновременно очевидно, что это дополнительные расходы бюджета в будущем. Но, кроме этого объективного противоречия, существует и не менее значимое восприятие ситуации конкретным индивидом. Долги — это очень эмоционально заряженная тема, вокруг которой много стереотипов, установок, когнитивных искажений. Соответственно, исходя из того, как субъективно воспринимается данный вопрос руководителями муниципалитета, будет в значительной мере формироваться долговая политика территории.

В отношении распределения межбюджетных трансфертов основные изменения затрагивали выделение дотаций муниципальным образованиям, существенно выросли объемы дотаций на поддержку мер по обеспечению сбалансированности местных бюджетов и иных дотаций. Оба эти вида дотаций распределяются

в разных регионах по отличающимся методикам. Сами подходы к распределению средств, в отличие, например, от дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, достаточно изменчивы.

В межбюджетном регулировании, на наш взгляд, важно учитывать наличие фрейминга, который в данном случае значим и в отношении тех, кто формирует методики распределения средств между местными бюджетами, и в отношении муниципальных властей, являющихся получателями межбюджетных трансфертов. Это особенно важно при формировании подходов к распределению некоторых видов трансфертов, например, дотаций на сбалансированность или иных трансфертов, архитектура методик по которым может сильно различаться в разных регионах, включая выбор результирующих критериев. Причины подобных различий преимущественно субъективны и связаны с восприятием более значимых проблем при распределении выравнивающих дотаций и значимых результатов при распределении стимулирующих дотаций. В зависимости от рамки, через которую смотрит на данные проблемы разработчик методик, их содержание будет сильно дифференцироваться. Идеи теории подталкивания [10] более существенно проявляются в распределении стимулирующих и целевых межбюджетных трансфертов, когда формируется архитектура выбора для потенциальных получателей средств. Кроме того, данные теоретические положения находят свое применение и при использовании условий предоставления межбюджетных трансфертов. Для получателей трансфертов следует принимать во внимание эффект владения, который может проявляться в условиях снижения объемов финансирования или его прекращения по тем или иным каналам межбюджетного регулирования.

Таким образом, в муниципальной бюджетной политике и региональных межбюджетных отношениях при внедрении существенных изменений, затрагивающих формальные институты, следует уделять большее внимание влиянию неформальных институтов, их существенно меньшей изменчивости. Для повышения эффективности решений в бюджетной политике на уровне субъектов РФ важно учитывать поведенческие аспекты финансовых отношений.

Библиографический список

1. *Бухарский В. В., Лавров А. М.* Межбюджетные отношения и государственное управление: возможности и ограничения децентрализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 2. С. 126–153.
2. *Зубаревич Н. В.* Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 1. С. 48–60. URL: <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2021-10104>.
3. *Истомина Н. А.* Функционирование финансовых органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в условиях централизации бюджетных процессов // Архитектура финансов: вызовы новой реальности: сб. материалов XI Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 22–26 марта 2021 г.). СПб.: СПбГЭУ, 2021. С. 139–142.
4. *Канеман Д., Словик П., Тверски А.* Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. 632 с.
5. *Климанов В. В., Михайлова А. А.* Бюджетная децентрализация в пандемию и постпандемийных условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 3 (51). С. 218–226.
6. *Кузнецова О. В.* Вклад федеральной политики в снижение внутрирегиональных экономических диспропорций: опыт и перспективы // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8, № 2. С. 15–25.
7. *Кузнецова О. В.* Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях // Федерализм. 2020. № 2 (98) С. 20–38.
8. *Левина В. В.* Применение концепции поведенческих финансов к анализу территориальной бюджетной политики // Региональная экономика: теория и практика. 2019. Т. 17, № 1 (460). С. 16–33.
9. *Норт Д. К.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
10. *Талер Р.* Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. М.: Эксмо, 2017. 577 с.

Взаимосвязь налогообложения и доходности криптовалют в странах ЕС

Криптовалюты являются одним из самых быстрорастущих инвестиционных рынков в мире и одним из элементов Fintech. Криптовалютный рынок стал потенциально важным нетрадиционным финансовым рынком, использующим технологию блокчейн для создания децентрализованных цифровых активов. Основная цель исследования – найти взаимосвязь между налогами и доходностью криптовалют на примере стран ЕС.

Ключевые слова: криптовалюта; финансовый рынок; доходность; налогообложение финансовых результатов.

Криптовалюта (или криптомонета) — это цифровой актив, предназначенный для работы в качестве средства обмена с использованием криптографии для защиты транзакций, контроля за созданием дополнительных единиц стоимости и проверки передачи активов [2]. В период с июля 2019 г. по июнь 2020 г. общая глобальная стоимость отправленных и полученных в сети криптовалют составила 340 млрд долл.¹ Криптовалюты представляли собой общую рыночную капитализацию около 2 трлн долл. в августе 2021 г. с участием как институциональных, так и розничных инвесторов. Исследование направлено на то, чтобы заполнить пробел в оценке влияния налогов на прирост капитала с учетом криптовалют. Для исследования были выбраны страны с разным уровнем отмывания, связанного с торговлей криптовалютой.

В США действуют наиболее строгие правовые нормы в отношении криптовалюты, включая признание некоторых криптовалют в качестве официальных платежных агентов. На Италию повлияло регулирование криптовалют, но она не рассматривает их как средство платежа, как в США.

В Польше есть правовые нормы, но не все аспекты, связанные с торговлей этими валютами, регулируются на практике. Более того, по польскому законодательству биткойн также классифицируется как объект налогообложения при использовании в торговле. Например, это исключительный случай в Польше, где

¹ *Открытые* данные Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 27.02.2023).

биткойн используется для покупки билетов на самолет у Air-Lithuanica, участия в аукционах Ebay, покупки еды в ресторане BobbyBurger в Варшаве. Поэтому с юридической точки зрения такие сценарии относятся к категории «бартерных договоров». Это означает, что происходит обмен товарами и услугами без обязательства платить цену. В этой связи, как указал Верховный суд Польши, бартер — это безналичная сделка, которая ведет к обмену товарами точно такой же стоимости и является компенсационной сделкой [3]. Соответственно, директор налогового органа Польши классифицировал разницу между доходами и связанными с доходами затратами на налогообложение.

В Венгрии меньше всего законов, регулирующих торговлю криптовалютами. В дополнение к директивам, введенным Европейским союзом, Венгрия постоянно работает над созданием правовой базы, связанной с оборотом этого вида виртуальных денег.

Однако все вышеупомянутые страны взимают налог на прирост капитала, т. е. на получение прибыли, связанной с покупкой и продажей финансовых инструментов. В ходе работы Комитета по экономическим и валютным вопросам (ECON) в Европейском парламенте была внесена поправка к MiFID II, вводящая пункт 5а: «Многие индивидуальные инвесторы используют виртуальные валюты в качестве заменителей других активов или финансовых инструментов. В отличие от других финансовых инструментов, виртуальные валюты практически не регулируются. В результате рынки, использующие виртуальные валюты, непрозрачны, подвержены рыночным злоупотреблениям и не подпадают под основные правила защиты инвесторов. Следовательно, виртуальные валюты как финансовые инструменты должны регулироваться», и следует добавить расширение каталога финансовых инструментов пунктом 11а) «виртуальные валюты»¹.

Биткойн в настоящее время является самой известной и популярной криптовалютой в мире и воспринимается многими как символ всего рынка виртуальных валют. Биткойн был представлен на рынке в 2009 г. Сатоши Накамото, и его конструкция основана на технологии блокчейн.

¹ *The Chainalysis 2022 Crypto Crime Report*. URL: <https://go.chainalysis.com/2022-crypto-crime-report> (дата обращения: 27.02.2023).

Ethereum был создан в 2015 г. и является родительской криптовалютой платформы под названием Ethereum2 (Эфир). Это позволяет выполнять транзакции между пользователями или приложениями и оплачивать соответствующие сборы, связанные с вычислительной мощностью, необходимой для их обработки. Кроме того, Эфир основан на той же технологии, что и Биткойн. Разница между ними в том, что Эфир позволяет создавать так называемые смарт-контракты, т. е. сценарии и приложения, которые сохраняются в цепочке данных. Кроме того, разница между этими криптовалютами заключается в том, что количество эфира не ограничено, а майнинг намного проще. Также считается, что Эфир соответствует высоким стандартам безопасности и прозрачности [1].

Налоговая политика, связанная с криптоактивами, является особенно жизнеспособной областью политики для развития. ОЭСР представила обзор режима в разных странах и проанализировала режимы налогообложения доходов, добавленной стоимости (НДС) и имущества. В отчете было отмечено, что лишь небольшое количество стран рассматривают криптовалюты как тип валюты (иностранной или внутренней) для целей налогообложения. Это оправдано основными факторами виртуальных валют, т. е. децентрализацией, отсутствием обеспечения, волатильностью цен и ограниченным использованием в качестве средства обмена. Точно так же большинство стран определяют их как форму собственности для целей налогообложения прибыли (табл. 1).

В США криптовалюты рассматриваются как капитальные активы и облагаются налогом при продаже с прибылью. Ставка налога на прирост капитала составляет от 0 до 37 % для сделок, совершенных в течение года.

Польша придерживается относительно строгого подхода к регулированию цифровых активов, которые облагаются налогом на прирост капитала и НДС. Для частных сделок доход регулируется как доход от прав собственности, а прибыль облагается налогом по прогрессивной шкале по ставкам от 18 до 32 %.

Венгрия ввела одну из самых низких фиксированных налоговых ставок для криптовалют в размере 15 %. Налогообложение нацелено на транзакции между криптовалютами и фиатными деньгами. При этом максимальная сумма не установлена. Налог может взиматься со всех доходов от криптовалют.

**Примеры определений виртуальных валют
для целей налогообложения**

Вид инвестиционного актива	Страны
Нематериальные активы, кроме деловой репутации	Австралия, Франция, Чили, Чехия, Люксембург, Нигерия, Испания, Швеция, Швейцария* и Великобритания
Финансовый инструмент или актив	Аргентина**, Бразилия, Хорватия, Дания, Израиль, Япония, Словакия и Южная Африка
Товар или виртуальный товар	Австрия, Канада, Китай и Индонезия
Валюта	Бельгия, Кот-д'Ивуар, Италия и Польша
Законный способ оплаты	Япония
Капитальный актив	Соединенные Штаты Америки

Примечания.

* За исключением компаний, торгующих виртуальными валютами. Эти компании учитывают виртуальные валюты в товарно-материальных запасах.

** Четкого определения нет. Однако для целей налога на прибыль виртуальные валюты упоминаются вместе с некоторыми финансовыми инструментами или активами.

Италия решила связать налоговый режим криптовалют с режимом налогообложения иностранных валют. Для индивидуальных криптоинвесторов Италия считается одной из самых доброжелательных европейских стран, поскольку прирост капитала считается облагаемым налогом только в том случае, если общая стоимость криптоактивов, принадлежащих индивидуальному инвестору, превышает порог в 51 645,69 евро в течение как минимум семи последовательных рабочих дней в календарном году. Более того, прирост капитала облагается налогом только на транзакции между криптовалютами и фиатными деньгами. Кроме того, покупка и продажа криптоактивов, как правило, освобождаются от НДС.

Рассмотрим гипотезу: ожидается, что налог на прирост капитала, уплачиваемый инвесторами, повлияет на норму доходности выбранных криптовалют.

Следующее уравнение использовалось для проверки гипотезы о влиянии суммы налогов на прирост капитала на полученную норму прибыли по выбранным криптовалютам:

$$R_t = a_0 + a_1 \cdot Taxt_i + a_2 \cdot GDPt_i + a_3 \cdot CPIt_i + a_4 \cdot It + a_5 \cdot Ut + a_6 \cdot PLt + a_7 \cdot Htet,$$

где R_t — доходность выбранной криптовалюты (BITCOIN или EthereumClassic (ETC)); a_0 – a_7 — данные об изменении доходности базовой криптовалюты (актива) с момента покупки и в течение недели; $Taxt_i$ — сумма налога на прирост капитала в стране и во время t ; $GDPt_i$ — темп роста ВВП в стране и во время t ; $CPIt_i$ — инфляция в стране и во время t ; It — фиктивная переменная, равная 1, если t — Италия, и 0 в противном случае; Ut — фиктивная переменная, равная 1, если t — США, и 0 в противном случае; PLt — фиктивная переменная, равная 1, если t — Польша, и 0 в противном случае; $Htet$ — фиктивная переменная, равная 1, если t — Венгрия, и 0 в противном случае.

Использование МНК для проверки вышеупомянутых взаимосвязей должно согласовываться с предположениями о постоянной дисперсии и отсутствии последовательной корреляции между ошибками. Соответственно, тесты Дурбина, Уотсона и Уайта проводятся для проверки любых нарушений, сформулированных выше допущений. Независимые переменные не были коллинеарными, поскольку большинство значений VIF были < 5 .

Регрессии перекрестного времени были выполнены путем оценки моделей для наивного анализа, связанных с общей регрессией и фиксированными эффектами.

Также были проведены тесты на наличие фиксированных эффектов (RedundantFixedEffects — WaldTest).

Результаты анализа представлены ниже. Сводная статистика рассматриваемой выборки представлена в табл. 2.

Таблица 2

Сводная статистика переменных

Переменная	Среднее	Медиана	S.D.	Минимум	Максимум
Норма доходности Bitcoin	0,1051	–0,0009	0,4982	–0,5660	1,6207
Норма прибыли ETC	0,1016	0,0612	0,2508	–0,3725	0,7038
TAX (налог)	2,0212	1,8935	0,9531	0,9390	4,3110
GDP	1,3453	2,1765	3,8237	–8,9386	5,3594
CPI	1,8140	1,9000	1,1622	–0,9000	4,7000

Во-первых, было изучено, существует ли связь между налогами на прирост капитала, уплачиваемыми инвесторами, и нормой прибыли на выбранные криптовалюты в регрессионной модели МНК с гетероскедастической коррекцией. Во-вторых, получены результаты регрессии МНК с оценкой фиксированного эффекта для налога на прирост капитала, уплачиваемого инвесторами, который может повлиять на норму прибыли по выбранным криптовалютам. Модель, представленная в уравнении, тестировалась в первую очередь.

Полученные результаты в случае обеих оценок не показывают никакой связи между ставкой налога на прирост капитала и нормой прибыли на биткойн. Это приводит к отказу от сформулированных ранее гипотез о наличии связи между налогами на прирост капитала, выплачиваемыми путем инвестирования, и нормой прибыли на эту валюту. В случае Биткойна также любой конвертируемый контроль (ВВП, ИПЦ) не влияет на норму прибыли, получаемую от этой валюты. Можно предположить, что установленная инвесторами норма прибыли на инвестиции в биткойн является результатом только игры спроса и предложения на рынке криптовалют, что согласуется с исследованием [1].

Однако в случае с криптовалютой EthereumClassic обе модели показывают положительную связь между ставкой налога на прирост капитала и нормой прибыли. Это показывает, что чем выше налоги на криптовалюту, тем выше должна быть ожидаемая доходность для инвесторов от криптовалюты EthereumClassic. Результаты, полученные для криптовалюты EthereumClassic, позволяют подтвердить выдвинутую в данной работе гипотезу о наличии связи между налогами на прирост капитала, уплачиваемыми путем инвестирования, и нормой доходности этой валюты. Кроме того, в случае криптовалюты EthereumClassic контрольная переменная ВВП также оказывает влияние на доходность, получаемую от этой криптовалюты, но эта связь отрицательная.

Цифровые валюты являются неотъемлемой частью инвестиционного мира, и их значение будет расти с каждым годом. Нельзя однозначно сказать, хороши криптовалюты или плохи. Как и другие инвестиции, они имеют свои преимущества и недостатки, но, глядя на тенденции в обществе, люди не перестанут в них вкладываться. Скорее наоборот, наблюдается обратная тен-

денция. Это, конечно, очень рискованное вложение, но оно совершенно соответствует сегодняшнему времени. Состоятельные люди любят риск, и не откажутся от него легко.

Библиографический список

1. *Ковальский П.* Налогообложение операций с биткойнами в соответствии с польским налоговым законодательством // Сравнительное экономическое исследование. 2022. № 18 (3). С. 139–152.
2. *Dautel A. J., Härdle W. K., Lessmann S., Seow H. V.* Forex exchange rate forecasting using deep recurrent neural networks // Digital Finance. 2020. Vol. 2. P. 69–96.
3. *Przyluska-Schmitt J.* Bitcoin — zagadnienia prawno-podatkowe // Przegląd Prawno-Ekonomiczny. 2021. No. 4. P. 115–134. URL: <https://doi.org/10.31743/ppe.12731>.

Г. З. Мансуров

О структуре договорных связей в цифровых технологических платформах

В работе содержится анализ специфики структуры договорных отношений в платформах. Обращено внимание на то, что использование платформы не влияет на правовую природу отношений. Изложена правовая оценка пользовательских соглашений в цифровой сфере.

Ключевые слова: цифровая платформа; торговая платформа; пользовательское соглашение; click-wrap.

Одним из эффективных способов снижения транзакционных издержек в сфере бизнеса является использование цифровых платформ. Как отмечается в литературе, понятие «цифровые платформы» подразумевает разнообразные варианты применения комплекса технологий для различных видов деятельности: от поисково-информационных систем (Google, Yandex, Bing), площадок электронной торговли (eBay, AliExpress) и до социальных сетей (Facebook, VK, Snapchat) [1, с. 207].

Основной целью данной статьи является анализ структуры гражданско-правовых договоров, регулирующих отношения по исполнению гражданско-правовых обязанностей с использованием платформы в сфере торговой деятельности, а факультатив-

ными целями — уяснение содержания понятия «платформа» и ее разновидностей и выявление специфики договора присоединения применительно к платформенным отношениям.

Предварительно следует отметить, что современные торговые платформы имеют ту же правовую природу, что и созданный еще в 1949 г. Союзпосылторг, занимавшийся дистанционной торговлей, так как *появление Интернета не внесло существенных изменений в структуру договорных отношений участников торговой деятельности.*

Анализ экономической литературы и ведомственных нормативных актов позволяет прийти к выводу о том, что существуют *два варианта торговых платформ*: платформы, создаваемые продавцами (supplier-driven), и платформы, создаваемые посредниками (third-party-driven). При этом очевидно, что посредник не может быть стороной основного договора, заключаемого на торговой платформе. Однако в некоторых отечественных подзаконных актах и пользовательских соглашениях, составляемых организаторами (операторами) торговой платформы, нередко *предусматривается возможность совмещения функции оператора платформы с функциями стороны основного договора*, т. е. продавца или услугодателя. Так, согласно пользовательскому соглашению интернет-магазина Lamoda, под продавцом понимается как сам интернет-магазин, так и иное юридическое лицо либо индивидуальный предприниматель¹.

Таким образом, в правилах интернет-магазина Lamoda содержатся нормы о *двух разных правоотношениях*. Первое — это договор купли-продажи между оператором и покупателем, второе — это договор с другими торговыми организациями или услугодателями о размещении информации на торговой площадке об их предложениях третьим лицам. Очевидно, что первое — это обычная дистанционная торговля. А второе — это и есть платформенные отношения.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что есть еще и *третий вариант определения структуры договорных отношений*. Так, предметом рассмотрения Арбитражного суда Но-

¹ Пользовательское соглашение интернет-магазина Lamoda. URL: <https://www.lamoda.ru> (дата обращения: 27.02.2023).

восибирской области был иск ООО «Кожресурс» к ООО «ОР» о взыскании основного долга и неустойки. Из материалов дела следует, что между ними был заключен договор, согласно которому осуществлялась поставка товара, информация о котором предварительно размещалась на платформе «Продаем», принадлежащей ООО «Кожресурс». Оплата за переданный товар производится покупателем (ООО «Кожресурс») только по факту его реализации потребителям. А при невозможности реализовать он возвращался продавцу (ООО «ОР»)¹. Из специфики структуры договорных отношений между субъектами следует, что в данном случае речь идет о *договоре купли-продаже с отлагательным условием*.

Таким образом, во всех трех случаях использование платформы не влияет на правовую природу отношений, но обуславливает *специфические способы заключения и исполнения договора*. Например, заключение договора производится в форме *click-wrap*, под которым в литературе понимается возможность выражения своего согласия путем выбора с помощью программного обеспечения или онлайн-сервиса определенного значка или ссылки для получения доступа [3, р. 406].

Как указано в первом руководстве по созданию бизнеса на платформе, *главная задача платформы* — создать связи между пользователями и содействовать обмену товарами или социальной валютой [2, с. 19]. Очевидно, что речь идет не о платформе, а об операторе платформы. Такое понимание закреплено в федеральных законах. Так, согласно федеральному закону о финансовых платформах, оператор финансовой платформы — это акционерное общество, оказывающее услуги, связанные с *обеспечением возможности совершения финансовых сделок* между финансовыми организациями или эмитентами и потребителями финансовых услуг с использованием финансовой платформы.

Другой положительный пример: из содержания федерального закона о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ следует, что стороны заключают два вида договоров: (1) договор об оказании услуг по привлечению инве-

¹ *Постановление* Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31 января 2023 г. № Ф04-8100/2022 по делу № А45-8996/2022.

стиций, заключаемый оператором инвестиционной платформы и лицом, привлекающим инвестиции, и (2) договор об оказании услуг по содействию в инвестировании, заключаемый оператором инвестиционной платформы и инвестором. Соответственно, оператор инвестиционной платформы является посредником, способствующим заключению договоров между инвесторами и реципиентами («обеспечивает доступ к инвестиционной платформе»).

Очевидно, что самой серьезной юридической проблемой в сфере платформизации является отсутствие головного нормативного акта, что уже создало ряд серьезных проблем как в сфере правотворческой, так и в сфере правоприменительной и правоисполнительной деятельности. Принятие огромного количества нормативных актов, содержащих разные редакции базовых категорий, привело к значительной *терминологической неразберихе* — в настоящее время в российском законодательстве понятие «оператор платформы» обозначается *семью* разными терминами: владелец агрегатора, информационный посредник, хозяйствующий субъект, владеющими платформами, владелец платформы, оператор цифровой платформы, оператор финансовых или инвестиционных платформ и оператор информационной системы.

В законодательстве стран мирового экономического центра принято *различать функциональное назначение понятий «агрегатор» и «платформа»*. Так, по мнению, А. Gatt, *платформу* можно использовать для создания и управления продуктом или для оказания услуги. Операционные системы Apple, Microsoft OS, Google OS, Facebook Developers и Shopify являются отличными примерами. Напротив, *агрегатор* нельзя использовать для создания или управления чем-то. Слово происходит от латинского «aggregare», что означает «объединение». Поэтому агрегаторы могут объединять все виды существующей информации, например, Google.com, Facebook.com, Twitter.com, Amazon.com, Netflix, Uber и Airbnb. Они собирают большое количество информации (веб-страницы, пользовательские профили, продукты, фильмы, водители и квартиры) для удобства пользователей [4, р. 1].

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что причиной наибольшего количества споров в сфере платформенных отношений является игнорирование операторами факта квалификации правоотношений операторов и их клиентов *разновид-*

ностью договора присоединения. Операторы зачастую злоупотребляют своими полномочиями. Так, в настоящее время в Екатеринбурге идут досудебные процедуры между юридической фирмой, представляющей интересы потребителей, и фирмой Wildberries по обоснованности введения новых правил возврата товара, которые, по мнению покупателей, ущемляют права потребителей: «У них, видимо, свои правила и законы, которые идут вразрез с законом о защите прав потребителей»¹.

Из вышеизложенного следует:

1) диспозитивный характер норм, регулирующих платформенные отношения, приводит к тому, что операторы злоупотребляют при составлении пользовательских соглашений, обременяя потребителей дополнительными расходами. Эти нарушения носят массовый характер;

2) согласно содержанию правил некоторых интернет-магазинов, на торговых площадках заключаются два вида договоров: договор купли-продажи между оператором и покупателем, договор с другими торговыми организациями или услугодателями о размещении информации на торговой площадке об их предложениях третьим лицам. При этом второй договор может быть осложнен включением отлагательного условия (п. 1 ст. 157 Гражданского кодекса РФ). В силу специфики платформенных отношений, разновидностью которых являются отношения на торговых площадках, они являются посредническими инструментами, что исключает возможность заключения договоров между оператором и покупателем;

3) необходимо обеспечить терминологическую четкость нормативных актов в сфере платформенных отношений. Например, в будущей законопроектной работе представляется необходимым учесть законотворческую практику стран мирового экономического центра по разграничению функционального назначения понятий «агрегатор» и «платформа».

¹ «Это же мошенничество в чистом виде!» Екатеринбургцы устроили спор с Wildberries из-за бракованного товара. URL: <https://www.el.ru/text/business/2023/02/01/72021617> (дата обращения: 27.02.2023).

Библиографический список

1. *Карцхия А. А.* Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 2019. 394 с.
2. *Паркер Дж., Ван Альстин М., Чаудари С.* Революция платформ: как сетевые рынки меняют экономику — и как заставить их работать на вас / пер. с англ. Е. Пономаревой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 302 с.
3. *Gatt A.* Electronic Commerce — Click-Wrap Agreements — The Enforceability of Click-Wrap Agreements // *Computer Law & Security Review*. 2002. Vol. 18. P. 404–410.
4. *Schrepel T.* Platforms or Aggregators: Implications for Digital Antitrust Law // *Oxford Journal of European Competition Law & Practice*. 2021. Vol. 12, no. 1. P. 1–3. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3772697>.

Н. Н. Мокеева

Влияние экономических санкций на капитал российских банков

Рассматриваются вопросы влияния экономических санкций на капитал российских банков. Проводится анализ макропруденциальных мер Банка России и варианты докапитализации банков в условиях кризиса. Дается характеристика способов уменьшить влияние экономических санкций на капитализацию банковского сектора.

Ключевые слова: капитал банка; прибыль; санкции; докапитализация; макропруденциальные меры.

На отечественные банки в современных условиях в результате введения экономических санкций распространяются существенные финансовые ограничения, что, безусловно, отражается на величине и качестве капитала. Целью санкций является ограничение банков в операциях на международном финансовом рынке и по возможности блокировка активов. В результате существенно возрастают риски, что отражается на резервах и объеме получаемой прибыли, и ускоряется развитие кризисных явлений.

Каждый кризисный период дает возможность сделать определенные выводы и учесть те мероприятия, которые обеспечивают более существенное благоприятное влияние на капитал

банка. Н. Н. Наточеева при анализе институциональных основ развития банковского сектора в кризисный период делает следующие выводы: наличие структурных слабостей, низкий уровень концентрации активов и капитала, наличие нерешенных внутренних проблем, низкий уровень банковского менеджмента, финансовая неустойчивость на рынке, несостоятельность банков, разобщенность банков и фрагментарность банковского сектора [2, с. 60]. Все эти проблемы в дальнейшем берутся на особый контроль со стороны Банка России, и разрабатываются меры, позволяющие их решить.

О. И. Ларина проводит оценку антикризисных мер и выделяет следующие базовые способы в области капитализации банковской системы: вливание капитала собственниками, новым инвестором или государством, слияние или присоединение банка, внесудебная санация с помощью передачи части активов и обязательств, создание бридж-банка, национализация или ликвидация банка [1, с. 19].

В современных условиях, когда кризис усилен санкционным давлением, с особой актуальностью встает вопрос введения макропруденциальных мер, связанных с расчетом капитала банков и докапитализацией банковского сектора.

Банки испытывают значительные трудности в результате вводимых ограничений, девальютизации отдельных операций и резкого оттока вкладов населения.

Банк России посредством введения комплекса мер обеспечил банкам возможность корректировать расчет капитала разными способами, что демонстрирует табл. 1.

Таблица 1

Меры Банка России, связанные с расчетом капитала банков

Правовой акт	Характеристика меры	Срок реализации
Пресс-релиз Банка России от 25 февраля 2022 г. «Меры Банка России по поддержке финансового сектора в условиях повышенной волатильности»	Роспуск накопленного макропруденциального буфера капитала по требованиям банков в иностранной валюте в размере 891 млрд р. к юридическим и физическим лицам на 1 февраля 2022 г.	Бессрочно

Продолжение табл. 1

Правовой акт	Характеристика меры	Срок реализации
Решение Совета директоров Банка России от 28 февраля 2022 г. «О надбавках к коэффициентам риска в целях расчета кредитными организациями нормативов достаточности капитала»		
Информационное письмо от 28 февраля 2022 г. № ИН-01-23/17 «Об особенностях расчета обязательных нормативов и капитала»	Отдельные иностранные валюты принимаются банками в расчет капитала по официальному курсу Банка России	18 февраля 2022 г. — 31 декабря 2022 г.
Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»	Для целей осуществления мер по предупреждению банкротства не будет учтено уменьшение капитала банка	До 1 июля 2023 г.
Решение Совета директоров Банка России от 23 декабря 2022 г. «Об использовании сведений информационных сервисов в целях исполнения требований нормативных актов Банка России и нормативных правовых актов ФСФР России»	По кредитам на выкуп акций (долей) российских организаций (кроме страховых и кредитных организаций) у нерезидентов при наличии особых разрешений Банкам предоставлено право при выкупе собственных еврооблигаций не исключать из расчета капитала переоценку обязательств по возврату займа и оцениваемого по справедливой стоимости через прибыль или убыток	До 31 декабря 2023 г. До прекращения обязательств
Решение Совета директоров Банка России от 29 декабря 2022 г. «Об уровнях кредитных рейтингов, устанавливаемых в соответствии с ФЗ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ»	Для банков с универсальной лицензией: обнуление надбавки поддержания достаточности капитала и за системную значимость	До 31 декабря 2023 г.
Информационное письмо Банка России от 10 февраля 2023 г. № ИН-03-23/11	Включать требования (активы) банков, с которыми из-за санкций полностью или частично ограничено	До 30 июня 2023 г.

Правовой акт	Характеристика меры	Срок реализации
«О подходах к расчету обязательных нормативов в условиях действия мер ограничительного характера»	совершение операций или сделок, в расчет нормативов достаточности капитала с коэффициентом риска 100 %	

Примечание. Сост. на основе раздела Официального сайта Банка России «Меры защиты финансового рынка». URL: https://cbr.ru/support_measures/ (дата обращения: 27.02.2023).

Перечисленные меры позволят банкам адаптироваться к возникшей ситуации, продолжать кредитование отдельных субъектов рынка и реструктуризировать кредиты.

Варианты докапитализации банковского сектора начали разрабатываться, когда банковская система впервые столкнулась с санкциями, и применяются с 2014 г. Правительство РФ было уполномочено на докапитализацию в виде имущественного взноса РФ в имущество государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» в размере до 1,0 трлн р. путем передачи облигаций федерального займа с целью повышения капитализации российских банков в условиях развивающихся кризисных явлений [4, с. 638]. Значительное число банков в течение последующих нескольких лет были докапитализированы, что обеспечило для них возможность наращивания кредитного портфеля и восстановление прибыли в посткризисный период.

Альтернативный вариант докапитализации банков был введен в 2014 г., когда Министерство финансов РФ получило право приобретать за счет средств Фонда национального благосостояния (ФНБ) привилегированные акции кредитных организаций¹, а в 2022 г. эти операции стали возможны без предварительного согласования с Банком России (табл. 2)².

¹ *О приобретении* за счет средств Фонда национального благосостояния привилегированных акций кредитных организаций: постановление Правительства РФ от 22 августа 2014 г. № 839.

² *О внесении* изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 16 апреля 2022 г. № 114-ФЗ.

**Сведения о размещении средств ФНБ
в привилегированные акции российских банков**

Банк	Количество акций, шт.	Объем средств, направленных на приобретение акций, р.	Доля в уставном капитале, %	Дата приобретения
Банк ВТБ (ПАО)	21 403 797 025 000	214 037 970 250	32,88	29.09.2014
АО «Россель- хозбанк»	25 000	25 000 000 000	4,78	16.10.2014
Банк ГПБ (АО)	89 954 000	89 954 000 000	36,44	30.12.2014; 14.06.2022
<i>Итого:</i>		<i>328 991 970 250</i>		

Примечание. Сост. по: *Официальный сайт* Министерства финансов Российской Федерации. URL: <https://www.minfin.gov.ru> (дата обращения 27.02.2023).

Также в 2022 г. банки использовали в качестве инструмента докапитализации дополнительную эмиссию акций и другие вложения в капитал. По данным Банка России, такую докапитализацию прошли 29 банков, в результате чего уставный капитал, включая эмиссионный доход, вырос на 180 млрд р.

В настоящее время вновь актуализировались вопросы, связанные с экономическим капиталом банка. В своих исследованиях Р. Г. Ольхова трактует данный аспект следующим образом: «в процессе измерения экономического капитала происходит преобразование распределения риска в величину требуемого капитала для поддержания данного риска в соответствии с целевым уровнем финансовой прочности банка. Таким образом, экономический капитал — это сумма условных величин капитала для покрытия наиболее вероятных потерь» [3, с. 17].

Формирование политики управления экономическим капиталом, по мнению ряда экономистов, включает: оптимизацию прибыли, интеграцию непредвиденных потерь в зависимости от и вида и уровня риска, распределение средств по различным бизнес-подразделениям, оценку эффективности деятельности подразделений с учетом уровня риска [3, с. 18].

Банк России разработал комплекс стратегических антикризисных мер для адаптации банков к современным реалиям, их введение требует тщательной проработки, и результативность

будет оценена по истечении нескольких лет¹. Большинство мероприятий будут влиять на капитализацию банковского сектора, среди них можно выделить следующие:

- обнуление надбавок к капиталу с 2023 г. с восстановлением за 5 лет, с ограничениями распределения прибыли банками;
- формирование резервов на возможные потери по полностью заблокированным активам с рассрочкой на 10 лет;
- снижение риск-весов для новых проектов, направленных на развитие экономики, с разработкой таксономии (критериев приоритетных проектов) с ограничением суммарного объема снижения требований фиксированной долей капитала банков;
- использование системно значимыми банками подхода к оценке кредитных рисков на основе внутренних рейтингов;
- запрет для банков включать в капитал субординированные инструменты за исключением четко определенного круга лиц;
- упрощение требований к резервированию факторинга;
- уточнение порядка расчета капитала и оценки рисков при вложении банков в цифровые инструменты;
- расширение для банков с базовой лицензией возможностей для инвестиций в ценные бумаги через создание новых бизнес-моделей с использованием франчайзинга;
- внедрение партнерского финансирования на основе исламского банкинга.

Особое внимание можно акцентировать на том, что банковским сообществом и мегарегулятором активно обсуждается вопрос создания автономного фонда капитала для банковского сектора, основной целью которого будет сформировать коллективный буфер и использовать его в условиях экстренной необходимости в период банковского кризиса или для реализации отдельных проектов в области приоритетных направлений кредитования в периоды экономически стабильные. Банк России видит целесообразным приступить к разработке более четких критериев по взносам после завершения адаптации экономики к внешним шокам.

¹ *Центральный банк Российской Федерации.* URL: <https://www.cbr.ru>. (дата обращения: 27.02.2023).

Таким образом, в рамках сложившихся экономических условий мы видим существенное давление на капитал банковского сектора, что требует комплексного подхода, где, с одной стороны, должны внедряться тщательно проработанные антикризисные меры Банка России, а с другой — индивидуальная траектория политики в области управления капиталом каждым банком с учетом специфики его работы.

Библиографический список

1. *Ларина О. И.* Преодоление банковских кризисов: основные стратегии и инструменты // Деньги и кредит. 2011. № 9. С. 17–21.
2. *Наточеева Н. Н.* Институциональный механизм преодоления кризисов банковским сектором России // Экономика. Налоги. Право. 2012. № 3. С. 53–61.
3. *Ольхова Р. Г.* Управление собственным капиталом банка // Банковские услуги. 2010. № 7. С. 2–18.
4. *Родичев И. А., Мокеева Н. Н.* Докапитализация коммерческих банков как механизм предотвращения банкротства коммерческих банков // Российские регионы в фокусе перемен: сб. докл. XIII Междунар. конф. (Екатеринбург, 15–17 ноября 2018 г.). Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2019. Т. 2. С. 638–641.

Е. Л. Молокова

Отклоняющееся поведение как фактор институционального здоровья общества: постановка проблемы

Статья посвящена обоснованию потенциала исследования отклоняющегося поведения с целью формирования теоретической и методологической основы оценки институционального здоровья общества. В работе освещены ключевые вопросы, имеющие гносеологическое значение для построения исследовательской программы. Идентифицированы факторы отклоняющегося поведения, обусловленные качеством и соотношением формальных и неформальных норм.

Ключевые слова: отклоняющееся поведение; институциональное здоровье общества; институциональный подход.

Ретроспективно интерес ученых к отклоняющемуся поведению возник в сфере исследований антиобщественных деяний или деяний, обусловленных психологическими факторами. В свя-

зи со сказанным в настоящее время можно наблюдать широкий спектр работ по данной тематике в сфере психологии, реже социологии, криминологии и педагогики.

Особенностью настоящего исследования является применение экономической и социологической методологии к исследованию отклоняющегося поведения. Избранный методологический подход обеспечивает интерпретацию отклоняющегося поведения в более широком смысле, нежели индивидуальная характеристика индивида. Наиболее гносеологически оправданным, в контексте сказанного, является институциональный подход, инструментарий которого, применяемый указанными отраслями знаний, позволяет рассматривать отклоняющееся поведение в качестве фактора, характеризующего состояние общества.

В настоящее время можно идентифицировать несколько трендов научной мысли в изучении отклоняющегося поведения, которые, несомненно, заслуживают своего развития.

Наиболее принципиальным является эволюция от понимания отклоняющегося поведения как субъективного фактора «порочной природы» конкретного индивида [11] к его интерпретации в качестве продукта существующих социальных правил. В контексте сказанного актуализировались вопросы качества институтов, формирующихся в настоящее время в обществе, снижения влияния общественно значимых институтов на поведение отдельных индивидов.

Вторым вектором развития научной мысли стала трансформация исследовательских работ, описывающих виды, типы, формы девиаций, к анализу их причин. Более того, формируется устойчивое представление о значимости качества институтов в процессах формирования отклоняющегося поведения.

Третьим немаловажным и имеющим когнитивный потенциал для настоящего исследования трендом является постепенное развитие теории отклоняющегося поведения в недрах экономической науки. В настоящее время можно наблюдать ряд работ экономистов, применяющих методологию институциональной экономики в изучении поведенческих девиаций.

В частности, в ряду наиболее известных ученых А. Д. Некипелов, трактующий отклоняющееся поведение как результат системных деформаций [3, с. 55]. В. М. Полтерович, рассматривая

распространение отклоняющегося поведения как институциональную дисфункцию, обуславливает возможность уменьшения относительной эффективности отклоняющегося поведения экономическим ростом и совершенствованием институтов [7, с. 19]. В. Е. Дементьев говорит о возможности трансформации некоторых институциональных отклонений в основные нормы, соответственно, лица, реализующие отклоняющееся поведение, предстают в таком случае движущей силой институциональных перемен [2].

Присоединимся к Е. В. Устюжаниной, С. Г. Евсюкову в том, что в самом широком смысле отклоняющееся поведение можно трактовать как поведение, не совпадающее с предписанными социальными нормами [9, с. 47]. Такая трактовка позволяет интерпретировать изучаемое явление как поведение, не соответствующее общим ожиданиям. Известно, что общие ожидания формируются на базе совместных ментальных моделей. Исходя из сказанного встает идеологически важный вопрос. Если ментальные модели были сформированы обществом, они распространены и подкреплены неформальными нормами, насколько поведение можно считать отклоняющимся, если оно соответствует формальным нормам, не совпадая при этом с общими моделями поведения, существующими в общественном окружении индивида?

И наоборот, можно ли считать отклоняющимся поведение актора, которое не совпадает с формальными нормами, но соответствует ожиданиям, сложившимся на основе неформальных норм?

Подведем теоретическую основу под высказанные выше соображения и вопросы.

В настоящем исследовании, не углубляясь в научные дискуссии, определим ментальную модель как стереотип поведения, сформированный под воздействием эмпирических обобщений, представлений об окружающем мире [10]. В свою очередь, в основе ментальных моделей лежат рутины, являясь совместным неявным знанием, «коллективным бессознательным». Общие ментальные модели формируют рамки и спектр возможных поведенческих стратегий [1]. При общих ментальных моделях акторы ждут друг от друга знакомые (определенные, общепринятые) действия, понятную модель поведения.

При этом, как подчеркивают В. Г. Гребенников [1], Е. В. Устюжанина [8, с. 117], в основе социальных взаимодействий может лежать не только поведение, основанное на формализованных институтах, но и «дорациональные формы согласования» действия, в основе которых лежат сложившиеся в конкретном сообществе ментальные модели.

С некоторой долей условности можно предположить, что решение о той или иной модели поведения индивид или группа индивидов принимает под влиянием существующих ментальных моделей, которые могут противоречить формальным институтам (правовому регулированию, например). В настоящее время можно наблюдать довольно широкий спектр случаев такого положения дел. В частности, списывание и плагиат в вузах, уклонение от выполнения воинской обязанности, нарушения правил дорожного движения и прочие виды поведения, опирающиеся на неформальные нормы, которые противоречат формальным.

Также нельзя исключать случаи институциональных ловушек (неэффективный, но устойчивый институт [5]), когда преодоление формальной нормы обеспечивает индивиду больший положительный эффект, чем следование ей. Более того, складывается ситуация, при которой отклонение от неэффективной нормы поведения (случай институциональной ловушки) не выгодно для изолированного агента, но при совместных действиях улучшает положение каждого из них [6, с. 13].

Нельзя не упомянуть ситуации существования некачественных формальных норм, которые невозможно выполнить даже при должном намерении актора. Например, существование взаимоисключающих правил (дорожные знаки противоречат друг другу).

Вместе с тем еще одним фактором, обуславливающим отклоняющееся поведение, следует признать высокую инерционность неформальных норм, описываемую в современных научных исследованиях как «зависимость от пути предшествующего развития» [4], эффект, свойственный не только индивидам, но и целым экономикам. Ситуация, когда издержки следования новой норме слишком велики и актер предпочитает, экономя их, следовать старой норме.

Приведенные выше ситуации являются факторами отклоняющегося поведения и заслуживают отдельного изучения. При

этом в рамках каждого указанного случая формируется собственный тип отклоняющегося поведения.

Следует подчеркнуть, что приведенные типы отклоняющегося поведения имеют разную окраску. В частности, наиболее общественно опасным и требующим отдельного внимания является оппортунистическое поведение, в основе которого лежит умышленное нарушение правил, совмещенное с пренебрежением к общепринятым нормам.

Вместе с тем исходя из сказанного представляется логичным в перспективе при построении таксономии типов отклоняющегося поведения отдельно выделить и охарактеризовать «промежуточную группу типов», которые могут включать в себя случаи действий индивидов, поддерживающихся неформальными нормами, вступая в противоречие с формальными, и наоборот, следование формальным нормам в противоречии с ментальными моделями, формируемыми неформальными нормами и рутинami. Выделение такой группы позволит обеспечить глубину исследования соотношения формальных и неформальных норм, действующих в современном обществе. Более того, существует весьма очевидное отклоняющееся поведение, имеющее положительный эффект — институциональное новаторство (в эту группу можно отнести деятельность ученых, идущую вразрез с общепринятыми уже полученными знаниями, креативную деятельность, которая на первых этапах не всегда понятна обществу, и т. п.).

Условная таксономия типов отклоняющегося поведения представлена в таблице.

Таксономия типов отклоняющегося поведения и факторов, лежащих в основе

Тип отклоняющегося поведения	Группа факторов, лежащих в основе
Неосознанное отклонение от новых норм ввиду укоренения альтернативных практик (рутин), следование традициям	Инерционность неформальных норм
Различное толкование норм вследствие невозможности точного определения всех допустимых вариантов их соблюдения	Низкое качество норм, наличие дефектов в формальных нормах
Институциональное новаторство — креативное поведение, творческая конкретизация первоначальных институтов, инновационность	Инерционность норм, медленно воспринимающих положительные изменения

Окончание таблицы

Тип отклоняющегося поведения	Группа факторов, лежащих в основе
Отторжение новых норм как противоречащих прежним ценностям и стереотипам мышления	Инерционность неформальных норм
Уклонение от обязательств в силу неспособности, невозможности выполнить новые требования	Инерционность неформальных норм, низкое качество формальных
Оппортунизм	Наличие у индивида неформальных норм, допускающих отклоняющееся поведение

В то же время следует обратить внимание на возможность отличающейся интерпретации поведения в разных институциональных средах. Например, следование собственным интересам вопреки общепринятым нормам в разных обществах может восприниматься и трактоваться по-разному. В отдельных случаях такое поведение будет называться институциональным новаторством и поощряться, в других случаях его воспримут как оппозицию и эгоизм, что придаст отрицательную коннотацию таким действиям.

Обобщая приведенные рассуждения, акцентируем потенциальные направления исследований в заявленной области знаний.

Во-первых, исходя из сказанного актуален вопрос влияния общих ментальных моделей на выбор предпочтительных вариантов поведения [9].

Во-вторых, важно выяснить, насколько ментальные модели, формируясь в недрах общественного сознания, рутин и неформальных норм, соответствуют (или совпадают) формальным нормам, транслируемым институтом власти.

В-третьих, заслуживает внимания вопрос, насколько ментальные модели, существующие в современном обществе, формируются и развиваются в общем непротиворечивом русле.

В-четвертых, констатируя существование положительных типов отклоняющегося поведения (например, институциональное новаторство или следование традициям), имеет смысл изучить диффузию указанных моделей поведения институциональной средой общества. Иными словами, насколько формальные и неформальные институты готовы поддержать такие типы отклоняющегося поведения.

В-пятых, оценка распространенности отклоняющегося поведения, оппортунистического в частности, позволит оценить степень доверия базовым институтам, непротиворечивость формальных и неформальных норм, качество институтов.

Получение ответов на поставленные вопросы позволит дать оценку институциональному здоровью общества как совокупности характеристик качества и гармонии формальных и неформальных норм. В качестве перспективных направлений исследования предстоит идентифицировать критерии оценки, факторы и риски институционального здоровья общества.

Актуальность данного направления исследований обусловлена непрекращающимися реформами и трансформацией социально-экономических и политических условий жизнедеятельности. В настоящее время идет интенсивное формирование новейших формальных норм и практик. Синтезируются новые рутины, возникающие как реакция на меняющиеся условия. В таких обстоятельствах формируется новая институциональная архитектура, в рамках которой нарушается равновесие одних норм и налаживается гармония других.

Библиографический список

1. *Гребенников В. Г.* Институционализм как методология экономической науки // Введение в институциональную экономику / под ред. Д. С. Львова. М.: Экономика, 2005. С. 75–98.
2. *Дементьев В. Е.* ФПП как институциональная «отдушина» российских реформ // Эволюционная экономика: проблемы и противоречия теории и практики. М.: Ин-т экономики РАН, 2001. С. 84–95.
3. *Некипелов А. Д.* Заключительное слово // Экономическая наука современной России. 2000. № S1. С. 54–58.
4. *Нуреев Р. М., Латов Ю. В.* Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / отв. ред. Я. И. Кузьминов. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. С. 228–255.
5. *Полтерович В. М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35, № 2. С. 3–20.
6. *Полтерович В. М.* Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. 2004. Т. 3. С. 5–16.
7. *Полтерович В.* Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 4–24.

8. Устюжанина Е. В. Координация и институты: соотношение понятий // Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы XXIII Всерос. симпозиума (Москва, 12–13 апреля 2022 г.) / под ред. Г. Б. Клейнера. М.: ЦЭМИ РАН, 2022. С. 115–118.

9. Устюжанина Е. В., Евсюков С. Г. Качество институционального пространства и факторы его формирования // От рецессии к стабилизации и экономическому росту: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 19–20 февраля 2016 г.). М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. С. 40–50.

10. Denzau A. T., North D. Shared Mental Models: Ideologies and Institutions // *Kyklos*. 1994. Vol. 47, issue 1. P. 3–31.

11. Lombroso C. L'uomo delinquente, in rapporto all'antropologia, alla giurisprudenza ed alle discipline carcerarie. Torino: Fratelli Bocca Editori, 1896. Vol. 1. 652 p.

С. В. Новиков, А. Е. Плахин

Методология адаптивного управления сферой высшего образования

Актуальность исследования методологии адаптивного управления сферой высшего образования и поиска соответствующих инструментов обусловлена процессами в национальной экономике. Авторами выявлены обоснованные в работах отечественных и зарубежных ученых группы факторов, позволяющие модифицировать механизм управления сферой высшего образования: факторы, описывающие количественные и компетентностные характеристики выпускников сферы высшего образования, финансирование деятельности вузов; факторы, описывающие результативность научно-исследовательской деятельности вузов.

Ключевые слова: сфера высшего образования; механизм адаптивного управления; компетенции.

Методологической базой адаптивного управления в первую очередь выступает теория механизмов координации, рассматривающая сочетание применения иерархических и рыночных механизмов координации в зависимости от влияния специфических факторов. Теоретическая конструкция, описывающая уход от чистых форм координации «иерархии» и «рынка» к промежуточным вариантам, не в полной мере позволяет охарактеризовать особенности межорганизационных взаимодействий и применимость тех или иных методов управления [13]. В настоящее время

эволюция организационных систем перешла на уровень мезоинтеграции. Координация таких образований исследуется в рамках сетевой теории [3] и экосистемного подхода [10], в контексте которых адаптация осуществляется хозяйствующими субъектами в зависимости от возможности получения дополнительных эффектов различной природы, в частности сетевых, инфраструктурных и т. д.

Необходимо отметить, что сформированный пласт работ характеризует деятельность коммерческих организаций, для которых механизм управления (механизм координации) в первую очередь преследует задачи повышения экономической эффективности деятельности. Несмотря на развитие стейкхолдерской теории [6], попытавшейся включить в орбиту принятия решений не только предпринимателя, но и широкий круг стейкхолдеров, имеющих некоммерческие интересы, формирование методологии создания адаптивных моделей механизма управления для социальной сферы остается нерешенной научной проблемой.

Новизна данной проблемы обусловлена нетипичным для коммерческой организации целевым вектором организаций социальной сферы, деятельность которых не укладывается в рамки классического «зарабатывания прибыли», в том числе и за счет внедрения новых механизмов управления. Адаптация к условиям функционирования, определенным, с одной стороны, рамками институционального регулятора, а с другой — требованиями, предъявляемыми работодателями и обучающимися, осуществляется организациями сферы высшего образования на основе специфических факторов, характерных для данной сферы. Общая рамочная конструкция адаптивного стратегического управления наполняется характерными для сферы высшего образования факторами-адаптерами и способами реакции управляющей подсистемы, позволяющими достичь заявленных целей.

Необходимо также учитывать роль сферы высшего образования в рамках национальной экономической системы, поскольку потребителем продуктов, формируемых в сфере высшего образования, являются отрасли национальной экономики, и, следовательно, конструирование адаптивного механизма управления должно всецело поддерживать ее рост. В свою очередь, модели экзогенного и эндогенного экономического роста основаны на

поиске регрессионной зависимости с такими факторами, как труд и капитал [4; 5].

Отдельно необходимо остановиться на выборе факторов адаптации в механизме управления сферой высшего образования.

Во-первых, выделяется комплекс факторов адаптации, характеризующих непосредственно учебную деятельность организаций сферы высшего образования. Влияние количества образовательных программ, формы реализации образовательных программ, количества выпускников на параметры отраслей национальной экономики методологически рассмотрено в ряде работ [1; 2]. Методология исследования, представленная в работе Г. А. Унтура [7], включает связь между финансированием сферы высшего образования и формированием экономических условий роста экономики. Возникновение данной связи обусловлено формированием компетенций обучающихся и их последующим применением в экономической системе. Показатель финансирования в конечном счете должен отражать интенсивность формирования компетенций, что в целом не совсем верно. С нашей точки зрения, в методологию исследования влияния учебной деятельности на отрасли национальной экономики целесообразно включить объективные показатели, характеризующие непосредственно учебный процесс, такие как количество образовательных программ, количество выпускников и т. д.

Влияние финансирования сферы высшего образования на выпуск отраслей национальной экономики может быть учтено через инфраструктурную обеспеченность образовательного процесса (количество площадей, достаточность приборной базы и т. д.).

Методология оценки влияния на параметры развития национальной экономики факторов адаптации, характеризующих научную деятельность вузов, рассмотрена в целом комплексе работ [8; 11].

Исследовательские модели, связывающие экономический рост и достижения в науке, получили широкое распространение в конце XX в. Необходимо отметить, что данные модели содержали различные причинно-следственные связи, объединяющие науку и экономический рост. В частности, к наиболее распространенным связям данных категорий относятся влияние, возникающее при увеличении в экономике высокопроизводительного

оборудования, новой технологии, новых способов организации деятельности. Нельзя однозначно сказать, что источником данных инноваций является вузовская наука, однако положительное влияние вузовской науки на экономический рост, безусловно, присутствует. Так, обозначены направления повышения результативности вузовской науки для отраслей национальной экономики, включая стимулирование вузовских исследований, расширение предпринимательской деятельности образовательных организаций, активное привлечение студентов к научно-исследовательской деятельности, развитие новых форм образования. К направлениям повышения результативности вузовской науки относят и стимулирование ее интеграции с производственно-предпринимательской деятельностью.

Альтернативным подходом в оценке результативности научно-исследовательской деятельности вузов является включение в исследовательские модели в качестве факторного показателя кадровой обеспеченности науки и продуцирования выпускников. Полученные результаты свидетельствуют об отраслевой дифференциации влияния кадровой составляющей на развитие экономики. Авторы отмечают, что наиболее значимым человеческий капитал становится в регионах, специализирующихся на производстве сложной, высокотехнологичной продукции.

Таким образом, можно отметить сформированность исследовательской традиции, связывающей факторы, характеризующие продуктивность сферы высшего образования, и параметры роста как в целом для экономики, так и в разрезе отраслей. Последовательное дополнение исследовательских моделей позволяет получить комплексную картину влияния отдельных факторов, относящихся к сфере высшего образования, на параметры развития национальной экономики [9; 12].

Данная научная повестка определяет возможности для формирования адаптивного механизма управления сферой высшего образования, основанного на оценке факторов адаптации, и применения соответствующих методов управления для повышения продуктивности сферы высшего образования.

Приведем элементы предлагаемой методологии (см. таблицу).

Элементы методологии формирования адаптивного механизма управления сферой высшего образования

Элемент	Характеристика
Область применения	Формирование адаптивного механизма управления сферой высшего образования
Новизна подхода	Использование комплекса факторов адаптации, позволяющих модифицировать управленческие воздействия на сферу высшего образования при выявлении незначимости или отрицательного влияния результатов, продуцируемых сферой высшего образования, на параметры развития отраслей национальной экономики
Преимущества, позволяющие преодолеть ограничения сложившихся моделей управления сферой высшего образования	Использование методологии адаптивного управления сферой высшего образования позволяет унифицировать процесс принятия решений на этапе определения целей в механизме управления сферой высшего образования и обеспечить согласованное достижение указанных целей в ходе этапов реализации функций планирования, организации, мотивации и контроля
Субъект	Органы государственной власти
Объект	Образовательные организации сферы высшего образования
Предмет	Отношения, возникающие в процессе формирования и реализации этапов адаптивного механизма управления сферой высшего образования
Цели реализации	Повышение связанности этапов механизма управления сферой высшего образования в соответствии с адаптивно меняющимися целями
Формы реализации	Формирование регламентирующих документов планирования, организации, мотивации и контроля
Результаты реализации	Формирование согласованных этапов адаптивного управления сферой высшего образования

Методология адаптивного управления сферой высшего образования позволит учесть специфику образовательной деятельности: проявление экономических эффектов как результата положительного воздействия образования на человека, в результате которого меняются его компетентностные и социальные характеристики. Данная особенность обуславливает методологические проблемы формирования механизма управления сферой высшего образования, поскольку в какой-то момент результат не может

быть измерен объективными экономическими показателями, такими как количественный выпуск, расходы ресурсов, прибыль, и оценивается косвенно через показатели, характеризующие результат смежных предметных областей, например, средний балл ЕГЭ, уровень квалификации и т. д.

Библиографический список

1. Кушников Е. И., Хаджинов Л. В. Некоторые аспекты оценки влияния образования на экономический рост // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 1. С. 535–550.

2. Марио Д. М., Ткач Г. Ф., Коваленко С. А. Современные тенденции государственного финансирования высшего образования // Высшее образование в России. 2020. № 3. С. 136–152.

3. Орехова С. В., Заруцкая В. С., Кислицын Е. В. Эмпирическое исследование сетевого взаимодействия на рынке // Управленец. 2021. Т. 12, № 1. С. 32–46.

4. Охлопкова Н. В., Харитонова М. И. Экзогенный и эндогенный экономический рост — две разные парадигмы? // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. № 4. С. 29–36.

5. Самошкова Л. Д. Применение модели Р. Солоу для экономики России // Проблемы региональной экономики. 2015. № 31. С. 29–52.

6. Ткаченко И. Н., Злыгостев А. А. Оценка вклада стейкхолдеров в стоимость компании: пример российского банковского сектора // Управленец. 2018. Т. 9, № 4. С. 40–52.

7. Унтура Г. А. Оценка влияния человеческого капитала на экономический рост российских регионов в условиях финансовых ограничений // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 1. С. 109–133.

8. Godin B. The Knowledge-Based Economy: Conceptual Framework or Buzzword? // The Journal of Technology Transfer. 2006. Vol. 31. P. 17–30. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10961-005-5010-x>.

9. Gould D. M., Ruffin R. J. Human capital, trade, and economic growth // Weltwirtschaftliches Archiv. 1995. Vol. 131, no. 3. P. 425–445.

10. Harima J., Freiling J., Harima A. Public Accelerators — Developing Resources in Nascent Entrepreneurial Ecosystems // Academy of Management Proceedings. 2020. Vol. 2020, no. 1. Art. no. 21463. DOI: <https://doi.org/10.5465/AMBPP.2020.21463abstract>.

11. Sørensen M. P., Bloch C., Young M. Excellence in the knowledge-based economy: from scientific to research excellence // European Journal of Higher Education. 2016. Vol. 6, no. 3. P. 217–236.

12. *Thirlwall A. P.* The nature of economic growth: an alternative framework for understanding the performance of nations. Edward Elgar Publishing, 2002. 111 p.

13. *Zellweger T. M., Zenger T. R.* Entrepreneurs as scientists: A pragmatist approach to producing value out of uncertainty // *Academy of Management Review*. 2021. October. Art. no. 14. URL: <https://journals.aom.org/doi/epdf/10.5465/amr.2020.0503>.

Е. С. Огородникова

Методология формирования гибридной модели организационно-экономического механизма сферы социальных услуг

Статья посвящена обоснованию методологии развития сферы социальных услуг. Автором предлагается использование принципа аллокативной эффективности при конструировании гибридной модели организационно-экономического механизма сферы социальных услуг, позволяющего максимизировать выпуск.

Ключевые слова: социальные услуги; организационно-экономический механизм; аллокативная эффективность; выпуск.

Первоначально использование гибридных моделей объясняется в рамках институционализма, инициация формирования гибридных моделей обусловлена желанием снизить трансакционные издержки и тем самым увеличить конкурентоспособность и прибыль. Такой подход в теории сложно целиком перенести на сферу социальных услуг, специфика которой заключается в необходимости увеличения выпуска с целью сохранения и развития человека, улучшения его количественных и качественных характеристик. Субъекты сферы социальных услуг в процессе формирования гибридной модели не могут руководствоваться целью роста прибыли.

Поэтому в основе предложенной методологии построения гибридной модели лежит не принцип максимизации прибыли, а получение максимально возможного выпуска, причем прибыль стремится к нулю. Данная особенность проистекает из природы социальных услуг, а именно, ненасыщаемости потребления, обусловленной для услуг здравоохранения и социального обслуживания естественными процессами старения человеческого орга-

низма, а для услуг образования и культуры — духовной природой удовлетворяемой потребности.

Организации отраслей социальных услуг имеют специфические отличия от организаций, функционирующих в прочих сферах. Специфика их деятельности заключается в целевой ориентации, направленной на реализацию социальной функции, что предполагает решение социально значимых проблем в приоритете по отношению к цели получения прибыли. При этом организации сферы социальных услуг должны в своем функционировании придерживаться принципа безубыточности. Совокупность указанных принципов позволяет организациям сферы социальных услуг формировать максимальный выпуск при аллокативной эффективности использования ресурсов [1; 2].

На рис. 1 приведена схема, иллюстрирующая предложения по созданию общего контура гибридной модели организационно-экономического механизма сферы социальных услуг.

Рис. 1. Общий контур гибридной модели организационно-экономического механизма сферы социальных услуг

Гибридная модель организационно-экономического механизма сферы социальных услуг создается путем комбина-

ции различных участников из представленных категорий на основании принципа аллокативной эффективности. Возможные варианты включают черты отдельных «независимых» моделей, например, общественные организации и коммерческий сектор могут взаимодействовать в форме социальных предприятий, сочетающих бизнес-логику с социальными целями и структурой собственности. В данной группе встречаются те, что ближе к частному сектору, формирующему прибыльные конструкции деятельности, а есть и некоммерческие организации. Коммерческий сектор и государство формируют квазирыночные механизмы, направленные на совместную с государством деятельность по оказанию социальных услуг. Государство и общественные организации создают такие формы взаимодействия, в которых организации гражданского общества функционируют в качестве «квази»-государства, обеспечивая оказание социальных услуг вместо государственного сектора. Такие модели характерны для беднейших стран, в которых благотворительные организации действуют как «квази»-государственные поставщики здравоохранения и социального обслуживания.

На рис. 2 представлена принципиальная схема оценки аллокативной эффективности конструируемой гибридной модели организационно-экономического механизма сферы социальных услуг.

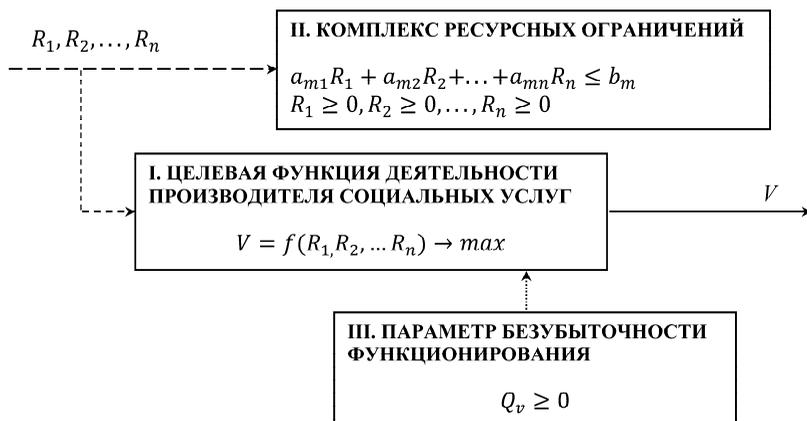

Рис. 2. Схема оценки аллокативной эффективности

В представленном порядке функционирования производителя социальных услуг присутствуют три подсистемы.

Первая подсистема раскрывает порядок преобразования материальных и трудовых ресурсов в социальные услуги, в данном блоке приведена целевая функция максимизации объема социальных услуг. Также необходимо определение параметров, обуславливающих возможность увеличения объема услуг, оказываемых организациями. Например, увеличение количества койко-мест для организаций стационарного обслуживания или количество работников и то время, которое расходуется ими на оказание услуг, для организаций полустационарного обслуживания и обслуживания на дому. Поскольку существует возможность привязки ключевых ресурсов к объемным показателям, возможно прогнозировать изменение количества социальных услуг при изменении объемов ключевого ресурса.

Вторая подсистема включает комплекс ресурсных ограничений. целесообразно группировать ресурсы по отдельным элементам на категории условно-переменных и условно-постоянных, что позволит реализовать третий блок представленной модели.

Переменные статьи затрат включают элементы, включение которых возможно непосредственно в разрезе номенклатуры социальных услуг, оказываемых организацией: оплата труда социальных работников, материалы и т. п. [3]. К категории условно-постоянных затрат относят статьи, отнесение которых на конкретные виды социальных услуг невозможно [4; 5].

Третий блок модели включает параметр безубыточного функционирования производителя социальных услуг. Заметим, что производители социальных услуг в условиях ресурсных дефицитов должны быть склонны к ведению неприбыльной деятельности. Условное равновесие издержек и доходов позволит максимизировать оказание социальных услуг.

Механизм предоставления социальных услуг должен обеспечивать возможность реализации гарантий доступа к социальным услугам вне зависимости от специфики социально-экономических систем. Решение данной задачи требует определения оптимальных организационных форм работы, позволяющих привлекать в сферу социальных услуг достаточные объемы инвести-

ционных ресурсов, обеспечивающих увеличение объемов выпуска социальных услуг.

Модели развития сферы социальных услуг, основанные как на принципах иерархии, так и на принципах рынка, имеют ограничения к масштабированию. В первом случае ограничением становится предел ресурсных возможностей, формируемых директивным перераспределением части совокупного дохода в фонды финансирования отраслей социальных услуг. Во втором случае ограничения связаны с приоритетным охватом наиболее платежеспособных потребителей социальных услуг, что противоречит принципу равенства и доступности данных услуг для всех граждан Российской Федерации. Преодоление ограничений развития сферы социальных услуг осуществляется путем внедрения гибридных моделей, позволяющих адаптивно перераспределять ресурсы социальной сферы и активно привлекать к процессу оказания социальных услуг населению негосударственных производителей.

Реализация предложенных методологических положений предполагает возможность селективного отбора субъектов-производителей организационно-экономического механизма сферы социальных услуг конкретной локации на основании показателей аллокативной эффективности. Аллокативная эффективность достигается путем сравнения выпуска социальных услуг в различных вариантах конструируемой гибридной модели при заданных ресурсах, что позволяет достичь состояния оптимального размещения ресурсов для получения максимального выпуска.

Новизна предложенной методологии заключается в решении проблемы максимизации выпуска при ограниченных ресурсах экономической системы за счет замены принципа экономической эффективности на принцип аллокативной эффективности. В отличие от существующих подходов, данная методология позволяет учесть превалирование социальной функции производителей сферы социальных услуг и реализовать задачи социального государства.

Библиографический список

1. *Ветрова Е. А.* Социальное предпринимательство как фактор социально-экономического развития общества // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 1 (141). С. 20–24.

2. *Ветрова Е. А., Бородина М. И.* Социальное предпринимательство как фактор развития общества // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11, № 12. С. 18–22.

3. *Михалкина Е. В., Писанка С. А.* Нормативно-стоимостной подход к реализации социальных услуг в контексте моделей социального обслуживания населения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 3. С. 122–128.

4. *Новикова К.* Развитие негосударственного сектора и платных услуг в системе социального обслуживания населения // Электронный экономический вестник Татарстана. 2012. № 2-3. С. 80–93.

5. *Огородникова Е. С., Плахин А. Е., Ростоцев К. В.* Гибридная модель сферы социальных услуг: организационно-экономические аспекты // Journal of New Economy. 2022. Т. 23, № 1. С. 131–148.

С. В. Орехова, И. А. Бутаков

Аллокативная эффективность ресурсов предприятий: проблемы стратегического выбора

Статья направлена на изучение факторов, определяющих аллокативную эффективность ресурсов предприятия. На основе контент-анализа установлено, что уровень аллокативной эффективности ресурсов коррелирует с целевыми приоритетами предприятия, определяющими его стратегический выбор: направленность на минимизацию затрат, максимизацию денежного потока, неденежные цели и пр.

Ключевые слова: аллокация ресурсов; аллокативная эффективность; предприятие; стратегический выбор; ресурсная стратегия.

В самом общем смысле под эффективностью понимается «отношение между ожидаемым доходом, приносимым дополнительной единицей данного вида капитального имущества, и ценой производства этой единицы» [1, с. 212]. Однако, несмотря на повсеместное использование понятия «эффективность» в деятельности предприятий, его содержательная интерпретация и дальнейшая оценка являются поликритериальными.

В неоклассической экономической теории под аллокативной эффективностью понимается оптимальная комбинация ресурсов при заданном уровне объема продукции [13], т. е. речь идет об ассортиментной аллокации ресурсов.

Также в неоклассической экономической теории традиционно изучают факторную аллокативную эффективность. Одним

из базовых подходов здесь выступает расчет совокупной факторной производительности, определяемой как отношение показателя выпуска к показателю объема использования труда и капитала [3].

Существенный вклад в изучение аллокативной эффективности ресурсов внесен К. Эрроу, которым была разработана теория (модель) общего равновесия. К. Эрроу доказал, что существует равновесная цена, при которой спрос и предложение также находятся в равновесии, все общественные ресурсы эффективно размещены [6].

Аксиомы неоклассической экономической теории активно используются также в эмпирических работах по оценке эффективности пространственно-логистической аллокации ресурсов. Однако среди исследователей не сложилось единого мнения относительно природы взаимосвязи между пространственно-логистической аллокацией ресурсов и эффективностью деятельности фирмы. Есть свидетельства положительной [17] и отрицательной [7] взаимосвязи. Одни авторы [8; 20] утверждают, что существует U-образная взаимосвязь, тогда как другие исследования доказывают, что это перевернутая U-образная форма [16]. Наконец, в нескольких статьях расчеты показывают S-образную форму [9; 10; 19].

Идеи К. Эрроу дополняются принципом «Парето-оптимальности». При достижении данного равенства нельзя улучшить положение кого-либо в экономике, не ухудшая положение других. Таким образом, теория общего равновесия приводит к фундаментальному выводу: конкуренция и максимизирующее поведение индивидов приводят к Парето-эффективному распределению ресурсов.

Однако, как отмечает сам К. Эрроу, «это условие является хоть и необходимым, но недостаточным, поскольку откровенно несправедливое распределение, при котором богатство сосредоточено в руках немногих, а уделом остальных является бедность, будет тем не менее оптимальным по Парето, если не существует способа улучшить положение бедных, не ухудшая хоть в какой-то мере положения богатых» [6, р. 107–108]. Вопросы общественного выбора и роль институтов искажают необходимое условие оптимума распределения ресурсов — максимизирующее поведение индивидов.

Эта проблема рассматривается уже в неоинституциональной экономической теории. В статье [11] проиллюстрировано, как предпринимательские цели влияют на распределение ресурсов новой фирмы. Авторы укрупненно выделяют две цели владельцев-менеджеров: максимизация полезности (неденежные цели) и максимизация прибыли. Разные целевые установки приводят к диверсифицированным стратегиям распределения ресурсов.

Авторы работы [14] также приходят к выводу, что на аллокацию ресурсов бизнеса влияет заданный целевой показатель эффективности: производительность в натуральных единицах или прибыльность. Влияние выбранной стратегии на распределение ресурсов показано и в работе [5] на примере аллокации инвестиций в информационные технологии.

Последние разработки в этой области связаны с анализом межвременных трансакций в условиях неопределенности, влияния неполных контрактов и информационной асимметрии на равновесное распределение ресурсов. Наиболее известной по этой тематике является работа, описывающая теорию «Х-неэффективности» Х. Лейбенштайна [18].

Х-неэффективность возникает потому, что цели менеджеров и работников не соответствуют задаче минимизации издержек. Чем выше конкуренция между менеджерами, тем выше величина Х-эффективности.

В статье [12], наоборот, при анализе факторов, которые влияют на решения, связанные с внутригрупповой аллокацией ресурсов, в случае ухудшения финансового состояния фирмы, доказано, что в первую очередь происходит сокращение финансирования: 1) бизнес-единиц, которые выполняют неосновные виды деятельности; 2) наименее производительных и более рискованных бизнес-единиц. Х. Жиро и Х. Мюллер также установили, что в случае финансового кризиса на промышленном предприятии, обеспечивающем добавленную стоимость всей иерархической структуре (обрабатывающее предприятие), штаб-квартира фирмы забирает капитал и рабочую силу с других заводов [15].

В целом алгоритм управления аллокационной эффективностью ресурсов группы промышленных предприятий представляет собой решение многоэтапной и многофакторной задачи (см. рисунок).

Алгоритм управления аллокативной эффективностью ресурсов группы промышленных предприятий

Таким образом, на практике в деятельности сложной индустриальной бизнес-модели вопрос аллокативной эффективности ресурсов будет зависеть от целевых приоритетов предприятия в пользу:

1) минимизации затрат (техническая эффективность) — реализации ресурсной стратегии предприятия на основе достижения оптимума «затраты-выпуск», определения последовательности операций в производственном цикле, оценки эффективности используемых ресурсов [21];

2) обеспечения максимально возможного денежного потока и достижения устойчивых конкурентных преимуществ, в том числе за счет формирования уникального ресурсного портфеля [2];

3) обеспечения неэкономических задач, связанных с интересами стейкхолдеров, долгосрочными и краткосрочными задачами предприятия [4].

Библиографический список

1. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 2002. 352 с.

2. Орехова С. В. Формирование устойчивых конкурентных преимуществ фирмы: ресурсно-институциональный подход. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2016. 148 с.

3. Орехова С. В., Кислицын Е. В. Совокупная производительность факторов в промышленности России: малые vs крупные предприятия // Journal of New Economy. 2019. Т. 20, № 2. С. 127–144.

4. Орехова С. В., Леготин Ф. Я. Механизмы инвестирования в ресурсы предприятия: обоснование выбора и российская специфика // Известия Уральского государственного экономического университета. 2016. № 1 (63). С. 80–89.

5. Aral S., Weill P. I.T. Assets, Organizational Capabilities and Firm Performance: Do Resource Allocations and Organizational Differences Explain Performance Variation? (July 1, 2007). Organization Science, Forthcoming, MIT Sloan Research Paper No. 4632-06. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=882088>.

6. Arrow K. J. The Potentials and Limits of the Market in Resource Allocation // G. R. Feiwel (ed.). Issues in Contemporary Microeconomics and Welfare. London: Macmillan, 1985. P. 107–124.

7. Brewer H. L. Investor benefits from corporate international diversification // Journal of Financial and Quantitative Analysis. 1981. Vol. 16, issue 1. P. 113–126.

8. *Capar N., Kotabe M.* The Relationship Between International Diversification and Performance in Service Firms // *Journal of International Business Studies*. 2003. Vol. 34, issue 4. P. 345–355.

9. *Contractor F. J.* Is international business good for companies? The evolutionary or multi-stage theory of internationalization vs. the transaction cost perspective // *Management International Review*. 2007. Vol. 47, issue 3. P. 453–475.

10. *Contractor F. J., Kundu S. K., Hsu C. C.* A three-stage theory of international expansion: The link between multinationality and performance in the service sector // *Journal of International Business Studies*. 2003. Vol. 34, no. 1. P. 5–18.

11. *Dunkelberg W., Moore C., Scott J., Stull W.* Do entrepreneurial goals matter? Resource allocation in new owner-managed firms // *Journal of Business Venturing*. 2013. No. 28. P. 225–240.

12. *Ersahina N., Irani R. M., Lec H.* Creditor control rights and resource allocation within firms // *Journal of Financial Economics*. 2021. No. 139. P. 186–208.

13. *Farrell M. J.* The Measurement of Productive Efficiency // *Journal of the Royal Statistical Society. Series A*. 1957. Vol. 120, no. 3. P. 253–281.

14. *Foster L., Haltiwanger J., Syverson C.* Reallocation, Firm Turnover, and Efficiency: Selection on Productivity or Profitability? // *American Economic Review*. 2008. Vol. 98, issue 1. P. 394–425.

15. *Giroud X., Mueller H. M.* Capital and labor reallocation within firms // *The Journal of Finance*. 2015. Vol. 70, no. 4. P. 1767–1804.

16. *Gomes L., Ramaswamy K.* An empirical examination of the form of the relationship between multinationality and performance // *Journal of International Business Studies*. 1999. Vol. 30, issue 1. P. 173–187.

17. *Grant R. M.* Multinationality and performance among British manufacturing companies // *Journal of International Business Studies*. 1987. Vol. 18, issue 3. P. 79–89.

18. *Leibenstein H.* General X-efficiency Theory and Economic Development. Oxford University Press, 1978. 200 p.

19. *Lu J. W., Beamish P. W.* International diversification and firm performance: The S-curve hypothesis // *Academy of Management Journal*. 2004. Vol. 47, no. 4. P. 598–609.

20. *Lu J. W., Beamish P. W.* The internationalization and performance of SMEs // *Strategic Management Journal*. 2001. Vol. 22, no. 6/7. P. 565–586.

21. *Perrow C.* A framework for the comparative analysis of organizations // *American Sociological Review*. 1967. Vol. 32. P. 194–208.

Т. С. Орлова, К. А. Воробьев

Укрепление отечественной продовольственной безопасности в сегменте обеспечения прагматичного использования земельного ресурса

Рассматриваются актуальные проблемы продовольственной безопасности, обеспечение населения экологически чистыми продуктами. На основе исследованного и обобщенного теоретического материала авторы выделяют проблему прагматичного использования земельного ресурса как одного из источников производства пищевого продукта и предлагают методику по ее решению.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; земельные ресурсы; пищевые продукты.

На современном этапе развития отечественной экономики, в условиях активной государственной поддержки роста населения актуальными становятся проблемы оптимизации действующей продовольственной программы, одним из важных аспектов которой, по мнению авторов, является укрепление продовольственной безопасности (ПБ).

Анализ действующих законодательных, доктринально-стратегических документов российской экономической политики сегмента продовольственной безопасности позволил прийти к выводу, что одним из актуальных направлений повышения ПБ является обеспечение прагматичного (рачительного) использования земельного ресурса [3].

Цель исследования — обосновать методику измерения критериев ПБ в сегменте землеуправления для установления в них мероприятий по обеспечению прагматичного использования земельного ресурса в рамках обозначенных государством направлений развития ПБ.

Отличительные признаки обеспечения ПБ в России определяются официальной Доктриной продовольственной безопасности, в которой в п. 6 и 7 представлен перечень характерных для России национальных интересов сферы ПБ, включающих мероприятия по устранению основных проблем обеспечения ПБ, в частности, прагматичного использования и охраны земельного ресурса как главного источника производства пищевого продукта.

По результатам исследования авторами выделено два направления совершенствования продовольственной безопасности.

Во-первых, необходимо выделить характерные элементы российской системы ПБ, среди которых обозначена приоритетная задача прагматичного управления земельным фондом страны, пригодным для аграрного производства.

При этом ключевым аспектом прагматичного использования, охраны земельного ресурса как главного источника производства пищевого продукта представлен международный и конституционный уровень регулирования отношений по применению земельного ресурса как исходной базы развития человечества, поскольку нормами ст. 9, 36, 72 Конституции РФ и различных международных документов закреплено, что земля относится к первому из богатств человечества и по праву считается ключевым объектом государственного управления, охраны.

Во-вторых, следует отметить приоритетное для системы ПБ значение земли и соответствующей системы агропродовольственного комплекса как источников производства пищевых продуктов. При этом акцентировано внимание на особенностях территориального проживания человека, которые характеризуются объективными факторами обеспечения ПБ и играют важную роль в обеспечении человека пищей.

Практическими средствами реализации доктринальных положений продовольственной безопасности, связанных с управлением земельным ресурсом, являются соответствующие организационно-правовые, методологические, расчетные и прочие мероприятия, содержание которых характеризуется внушительным объемом и постоянно требует модернизации.

В этой связи для расчетных мероприятий целесообразно использовать формулу А. Ю. Белугина интегрального расчета эффективности продовольственной безопасности в определенном субъекте РФ на основе критериев охраны земельного ресурса, которая выглядит следующим образом [1; 2]:

$$J_{\text{ПБЗ}} = \frac{1}{3} J_{\text{СМ2}} + \frac{1}{3} I_{33} + \frac{1}{3} J_{\text{БПС}}, \quad (1)$$

где $J_{\text{ПБЗ}}$ — интегральный индекс продовольственной безопасности субъекта РФ на основе критериев охраны земельного ресурса;

$J_{\text{СМ2}}$ — интегральный модифицированный индекс достаточности агропроизводства; I_{33} — индекс запаса зерновых в регионе; $J_{\text{БПС}}$ — интегральный скорректированный показатель гумуса (баланса в земле питательных веществ), определенный экспертным методом.

В рамках обобщения тезисов о развитии продовольственной безопасности в России на основе прагматичного управления российским земельным ресурсом стоит также обратить внимание на отсутствие приоритета охраны земельного ресурса в положениях документов, данных, политике ФАО ООН (продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, основной задачей которой является борьба с голодом), поскольку земля не обособляется в документах ФАО, а относится в целом к природным ресурсам¹. Что не соответствует целям 2.3–2.6 ЦУР ООН и отражает непоследовательный характер деятельности системы ООН, который следует учитывать при исполнении в России общепринятых международных норм ФАО ООН, связанных с обеспечением ПБ. Указанный тезис об избирательном, взвешенном подходе к документам ФАО ООН подтверждается учетом в п. 5 Доктрины продовольственной безопасности рекомендаций ФАО ООН лишь в отношении предельной доли импортного продовольствия и объема продовольственных запасов.

Таким образом, второе оптимизационное направление развития ПБ в России с целью обеспечения прагматичного использования земельного ресурса характеризуется систематизацией, алгоритмизацией, упрощением объемных методик управления земельным ресурсом (землеустройства, развития плодородия) и формулы интегрального расчета, отражающей показатели оценки такого управления, с учетом национальных особенностей оборота сельскохозяйственных земель и некоторой непоследовательности в международных нормах ФАО ООН, связанных с земельным оборотом.

Исходя из содержания указанных выводов, можно сформулировать следующие актуальные направления развития продо-

¹ ФАО ООН. Тематические направления работы. URL: <http://www.fao.org/themes/ru/> (дата обращения: 26.09.2022).

вольственной безопасности в России на основе рачительного управления земельным ресурсом:

1) научно-исследовательское и практическое направление развития продовольственной безопасности в России;

2) оптимизационное направление систематизации, алгоритмизации, упрощения объемных методик управления земельным ресурсом (землеустройства, развития плодородия).

Также стоит добавить, что на сайте Минсельхоза РФ отсутствуют данные о мероприятиях в рамках обеспечения продовольственной безопасности¹. Доступные сведения о документах Минсельхоза РФ включают данные только о тексте Доктрины-2020 без каких-либо детализирующих, разъясняющих правовых актов этого ведомства, что подчеркивает отсутствие в свободном доступе отчетных данных об участии Минсельхоза РФ в мероприятиях по обеспечению ПБ, несмотря на установление распоряжением Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1516-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации положений Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» соответствующих обязанностей Минсельхоза России.

С учетом вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы относительно научно-исследовательских и практических мероприятий по совершенствованию развития ПБ в России на основе рачительного управления земельным ресурсом (управленческого, организационно-планового, организационно-правового, землеустроительного и кадрового содержания):

1) отсутствие в российском законодательстве четкой системы реализации приоритетной роли земельного ресурса как обязательного базового источника пищевого продукта и ключевого элемента обеспечения продовольственной безопасности;

2) при реализации приоритетной роли земельного ресурса в рамках обеспечения продовольственной безопасности необходимость детализации этой функции в характеристиках, правовом режиме использования земли, земельного участка по аналогии с правовым режимом земель, предназначенных для обороны, безопасности, установленным ст. 93 ЗК РФ, с включением норма-

¹ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20.

тивов, установленных Доктриной продовольственной безопасности, в положения обозначенных законов (отражает статусные и нормативные обеспечительные мероприятия);

3) усеченный характер мероприятий по обеспечению плодородия сельхозземель;

4) неопределенность в полномочиях компетентных подразделений Минсельхоза РФ по обеспечению плодородия сельхозземель;

5) целесообразность дополнительного исследования актуальных аспектов использования эскроу-счетов в сфере сельскохозяйственного страхования с учетом позитивного зарубежного опыта;

6) отсутствие в действующем российском законодательстве и в тексте Доктрины продовольственной безопасности 2020 организационно-правовых механизмов ответственности, обеспечения бережного отношения, субсидирования;

7) отсутствие на сайте Минсельхоза РФ сведений о мероприятиях по реализации продовольственной безопасности;

8) несовершенство действующей системы профессионального образования (в данной сфере).

Рассматривая расчетные мероприятия оптимизационного направления развития продовольственной безопасности в России на основе прагматичного использования земельного ресурса, стоит отметить использование ряда показателей, установленных компетентными органами власти, которые целесообразно включить в состав выбранной формулы (1) интегрального расчета эффективности продовольственной безопасности.

В частности, для учета критериев плодородия почвы субъекта РФ формулу (1) предлагается дополнить показателем плодородия почвы субъекта РФ (K_{Pi}), порядок расчета которого определен приказом Минсельхоза РФ от 6 июля 2017 г. № 325 «Об утверждении Методики расчета показателя почвенного плодородия в субъекте Российской Федерации».

Предлагаемая методика измерения рассматриваемых критериев продовольственной безопасности с учетом показателя плодородия почвы субъекта РФ будет выглядеть следующим образом:

$$J_{\text{ПБЗ}} = \frac{1}{4} J_{\text{СМ2}} + \frac{1}{4} I_{\text{ЗЗ}} + \frac{1}{4} J_{\text{БПС}} + \frac{1}{4} K_{\text{Пг}}, \quad (2)$$

где $J_{\text{ПБЗ}}$ — интегральный индекс продовольственной безопасности субъекта РФ на основе критериев охраны земельного ресурса; $J_{\text{СМ2}}$ — интегральный модифицированный индекс достаточности агропроизводства; $I_{\text{ЗЗ}}$ — индекс запаса зерновых в регионе; $J_{\text{БПС}}$ — интегральный скорректированный показатель гумуса (баланса в земле питательных веществ), определенный экспертным методом; $K_{\text{Пг}}$ — показатель плодородия почвы субъекта РФ, рассчитываемый согласно приказу Минсельхоза РФ от 6 июля 2017 г. № 235.

Обобщенные выводы о развитии продовольственной безопасности в России в условиях рачительного использования земельного ресурса позволяют сформулировать следующие корректирующие рекомендации к установленным мероприятиям с учетом их соответствия обозначенным ранее актуальным направлениям развития и выбранной методике измерения критериев продовольственной безопасности:

1) комплекс корректирующих рекомендаций научно-исследовательского и практического направления включает разработку и реализацию мероприятий: законодательных; правотворческих; исследовательских; управленческих; информационно-коммуникационных; кадровых;

2) комплекс корректирующих рекомендаций оптимизационного направления включает разработку и реализацию:

– аналитических мероприятий по систематизации, алгоритмизации, упрощению множества законодательных актов, объемных методик управления земельным ресурсом (землеустройства, развития плодородия) с учетом национальных особенностей оборота сельскохозяйственных земель и некоторой непоследовательности в международных нормах ФАО ООН, связанных с земельным оборотом;

– расчетных мероприятий по оптимальному выбору элементов интегрального расчета индекса продовольственной безопасности, отражающего в скорректированной формуле (2) эффективность индикаторов оценки управления земельным ресур-

сом с учетом национальных и международных особенностей оборота сельскохозяйственных земель.

Таким образом, система корректирующих рекомендаций направлена на укрепление действующей отечественной системы экономической безопасности в целях обеспечения прагматичного использования земельного ресурса.

Библиографический список

1. *Белугин А. Ю.* Продовольственная безопасность Российской Федерации и ее измерение в современных условиях: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2017. 186 с.

2. *Белугин А. Ю.* Экспортный потенциал агропродовольственной продукции России с учетом приоритета обеспечения продовольственной безопасности // *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2020. № 6 (378). С. 11–14.

3. *Воробьев К. А., Орлова Т. С., Черепанова Т. Г.* Продовольственная безопасность: объем исследований, обзор мнений российских экономистов // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2022. Т. 12, № 7А. С. 12–34. DOI: 10.34670/AR.2022.34.63.002.

Н. С. Пионткевич

Теоретические воззрения на сущность эндогенной среды финансовой деятельности организации

Проводится исследование сущности понятия «эндогенная (внутренняя) среда финансовой деятельности организации» с позиции отечественных и зарубежных ученых. Финансовая деятельность организации исследуется через призму функционального подхода к составу элементов эндогенной среды, что позволяет комплексно изучить рассматриваемую систему внутренних взаимосвязей организации.

Ключевые слова: эндогенная среда; внутренняя среда; финансовая деятельность; функциональные области деятельности.

Финансовая деятельность выступает финансовым отражением реализуемых управленческих решений по всем функциональным направлениям деятельности организации, являющимся в совокупности элементами ее эндогенной среды.

Состояние эндогенной (от др.-гр. ἔνδον — внутри) среды финансовой деятельности организации формирует полноценное представление о ее внутренних процессах и их взаимосвязях.

Международная и российская научная общественность активно исследует содержание эндогенной среды организации (см. таблицу).

Обзор трактовок содержания эндогенной среды организации

Исследователи	Трактовка содержания эндогенной среды организации
М. М. Алексеева	Внутренняя среда организации включает в себя следующие основные элементы: производство, финансы, маркетинг, управление персоналом, организационная структура [1, с. 66–67]
О. Б. Веретенникова	Под внутренней средой понимает шесть подсистем (функциональных областей) деятельности предприятия: маркетинг (сбыт); исследования и новые разработки; производство (технику и технологию); логистику (материально-техническое снабжение); персонал; финансовый менеджмент [3, с. 72]
В. П. Галенко, Г. П. Самарина, О. А. Страхова	Внутренняя среда характеризует процессы, происходящие на предприятии, перед которым стоит множество проблем: изучение спроса на товар, привлечение капитала, сокращение затрат (издержек) на приобретение необходимых ресурсов и в процессе производства, производство качественной продукции, реализация продукции, получение прибыли, обслуживание обязательств [2, с. 124–125]
А. П. Градов	Внутренняя среда (микросреда) интерпретируется как уникальная вне зависимости от формы организации фирмы и объединяет все функциональные среды внутри производственной системы (кадры; финансы и бухгалтерский учет; обеспечение поставками; исследование, развитие и изобретения; распространение продукции; производство; маркетинг) [14, с. 33–36]
Д. В. Домашенко, Ю. Ю. Финогенова	К внутренним факторам относят: ликвидные средства, денежный поток, исследования и развития, интеллектуальный капитал, бухгалтерский учет, информационные технологии, персонал, имущество, продукты и услуги [4, с. 12]
В. Ж. Дубровский	В функциональной организационной структуре предприятия выделяются управленческие подразделения, специализирующиеся на производственной деятельности, НИОКР, сбыте, снабжении, планировании и т. д. [5, с. 76–77]
П. А. Кохно, В. А. Микрюков, С. Е. Комаров	Внутренняя среда рассматривается как совокупность следующих составляющих: управление производительностью, мотивация персонала, стимулирование изобретательской деятельности, финансовый менеджмент, организационная структура предприятия [6, с. 54–148]

Продолжение таблицы

Исследователи	Трактовка содержания эндогенной среды организации
А. Н. Мардас, О. А. Мардас	Внутреннее состояние организации представляет собой производство, маркетинг, финансы, управление персоналом, организационную структуру. Под внутренней средой понимают сильные стороны (компетентность менеджеров, значительные финансовые ресурсы, высокую квалификацию персонала, солидную репутация у клиентов, позицию лидера на рынке) и слабые стороны (отсутствие ясной стратегии, ухудшающуюся конкурентную позицию, устаревшее оборудование, отсутствие системы управленческого учета, производственные проблемы и высокие издержки, уязвимость по отношению к давлению со стороны конкурентов, отставание в области исследований и разработок, отсутствие перспектив диверсификации, отсутствие информации о рынке) [7, с. 103–104]
М. Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури	Исследуют внутреннюю среду как совокупность внутренних взаимосвязанных переменных: это цели, структура, задачи, технология и люди [8, с. 89–109]
В. Н. Наумов	Внутреннее пространство, или внутренняя среда, предприятия представляет собой интегрированную совокупность производственно-технологических, финансово-экономических, социокультурных, организационно-технических и административных условий, определяющих характер и формы бизнес-процессов организации. В самом общем виде внутренняя среда предприятия состоит из пяти блоков: миссии (стратегической цели), рабочих целей и задач, структуры предприятия, технологии и персонала [9, с. 47–54]
М. Портер	Сочетание видов деятельности и устойчивость конкурентного преимущества обеспечивается такими основными процессами, как материально-техническое снабжение, производственные процессы, товарораспределение (сбыт), маркетинг и продажи, обслуживание, а также вспомогательными процессами — развитие технологии, управление человеческими ресурсами, инфраструктура компании, в том числе финансирование, бухгалтерский учет, управление качеством и т. д. [12, с. 93–95]
И. Н. Ткаченко	Отдельными функциональными направлениями, отражающими специфические аспекты деятельности хозяйствующего субъекта, признаются: сфера логистики, сфера производства, финансовая сфера, маркетинговая деятельность, сфера распределения, продаж и обслуживания, сфера нововведений, управление человеческими ресурсами [13, с. 269]

Исследователи	Трактовка содержания эндогенной среды организации
Е. Г. Ойхман, Э. В. Попов	Бизнес состоит из всех относящихся к делу бизнес-процессов [10, с. 127]
Дж. Пирс II, Р. Робинсон	Под внутренней средой понимают сильные и слабые стороны компании, основные и вспомогательные виды деятельности, внутренние ресурсы компании [11, с. 206–242]

Обозначенные позиции ученых по содержанию эндогенной среды организации подтверждают многообразие представлений об организации деятельности хозяйствующих субъектов, при этом большинство исследователей рассматривают в качестве основных составляющих этого процесса функциональные области деятельности организации. Автор поддерживает общепризнанную трактовку эндогенной (внутренней) среды организации как совокупности ее функциональных направлений.

По мнению автора, эндогенная среда финансовой деятельности организации — это сложившиеся внутренние организационно-экономические и финансовые условия функционирования организации, выражающиеся в текущем нахождении организации в определенной фазе жизненного цикла, текущем состоянии денежных и неденежных ресурсов организации, иерархии сформированной структуры бизнеса, внутренних взаимосвязях функциональных областей деятельности и субъектов управления и влияющие на процесс и качество принятия финансовых решений и уровень совокупной финансовой устойчивости организации.

Таким образом, автор расширяет традиционный состав элементов оценки внутренней среды организации (маркетинг, финансы, технологические и организационные операции, человеческие ресурсы, культура), предлагая дополнить его оценкой всех функциональных направлений деятельности организации в части формирования и использования денежных и неденежных ресурсов, что позволяет комплексно исследовать эндогенную среду финансовой деятельности организации.

Библиографический список

1. *Алексеева М. М.* Планирование деятельности фирмы: учеб.-метод. пособие. М.: Финансы и статистика, 1997. 248 с.
2. *Галенко В. П., Самарина Г. П., Страхова О. А.* Бизнес-планирование. СПб.: Питер, 2004. 384 с.
3. *Денежное хозяйство предприятий*: учеб. для вузов / А. Ю. Казак, О. Б. Веретенникова, М. С. Марамыгин, К. В. Ростовцев; под ред. А. Ю. Казака, О. Б. Веретенниковой. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2006. 464 с.
4. *Домащенко Д. В., Финогенова Ю. Ю.* Управление рисками в условиях финансовой нестабильности. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2010. 238 с.
5. *Дубровский В. Ж., Чайкин Б. И.* Экономика и управление предприятием (фирмой): учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2003. 351 с.
6. *Кохно П. А., Микрюков В. А., Комаров С. Е.* Менеджмент. М.: Финансы и статистика, 1993. 224 с.
7. *Мардас А. Н., Мардас О. А.* Организационный менеджмент. СПб.: Питер, 2003. 336 с.
8. *Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента: пер. с англ. М.: Дело, 2000. 704 с.
9. *Наумов В. Н.* Организация предпринимательства: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2010. 384 с.
10. *Ойхман Е. Г., Попов Э. В.* Реинжиниринг бизнеса: реинжиниринг организаций и информационные технологии. М.: Финансы и статистика, 1997. 336 с.
11. *Пирс Дж. П., Робинсон Р.* Стратегический менеджмент. 12-е изд. СПб.: Питер, 2013. 560 с.
12. *Портер М.* Конкуренция. М.: 2005. 608 с.
13. *Ткаченко И. Н.* Эволюция внутрифирменных корпоративных отношений. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2001. 310 с.
14. *Экономическая стратегия фирмы*: учеб. пособие / под ред. А. П. Градова. 3-е изд., испр. СПб.: СпецЛит, 2000. 589 с.

Допустимость признания цифровых рублей в качестве цифровых наличных денег

Довольно распространенным видится мнение, состоящее в том, что цифровые валюты могут представлять собой некоторый аналог наличных денег. Целью данной статьи является анализ возможности выпуска цифровых рублей Банком России. Проведение такого рода рассмотрения необходимо исходит из методологического подхода, который основывается на том всеобъемлющем положении, что внешние формы и виды денег выступают в качестве различных форм проявления денежных отношений.

Ключевые слова: цифровая валюта; криптовалюта; деньги; виртуальное пространство.

Введение. Анализируя «Доклад»¹ и «Концепцию»² цифрового рубля Банка России следует обратиться к классификации различных форм проявления денег. Нужно принять во внимание то самое общее обстоятельство, которое положено в основу разделения на наличные деньги и безналичные деньги. Составители Доклада предлагают ввести представление о третьей форме денег: «Цифровой рубль будет эмитироваться Банком России, он станет третьей формой российской национальной валюты и будет использоваться наравне с наличными и безналичными рублями»³.

Деньги есть общественное отношение. Для того чтобы оценить обоснованность такого методологического нововведения, следует обратиться к общему определению денег. Наиболее общее определение исходит из того, что деньги есть некоторое общественное, в частности экономическое, отношение: «С другой стороны, в этом заблуждении сквозит смутная догадка, что денежная форма вещей есть нечто постороннее для них самих и что она только форма проявления скрытых за ними челове-

¹ *Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций.* Банк России. М., 2020. URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

² *Концепция цифрового рубля.* Банк России. М., 2021. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

³ Там же. С. 2.

ских отношений» [1, с. 97]. Полагаем правильнее будет сказать, что деньги представляют собой некоторую систему экономических отношений, которые включают в себя долговые отношения, отношения стоимости, и наконец, отношения собственности.

Деньги по своей сути являют собой долговое требование в руках их владельцев, признаваемое собственниками товаров, предлагаемых к обмену. Собственник товара, в свою очередь, в случае согласованного обмена принимают на себя долговое обязательство, погашаемое передачей своего товара владельцу денег: «Кредитные деньги возникают непосредственно из функции денег как средства платежа, причем долговые обязательства за проданные товары, в свою очередь, начинают обращаться, перенося долговые требования с одного лица на другое» [1, с. 146]. «Как „искусен“ этот „анатомио-физиологический метод“ политической экономии, который выводит „стоимость“ просто-напросто из „требования“» [1, с. 213].

Отношение стоимости, носителями которого выступают как продавец товара, так и покупатель этого товара, владелец денег, находит свое проявление в покупательной способности денежной единицы.

И последнее, деньги не могут существовать вне отношений собственности. Как только исчезает собственник денежных единиц или различных форм проявления денег, то такие деньги утрачивают способность осуществлять функции денег. Например, это возможно в случае исчезновения владельца клада.

Составители доклада признают три функции денег, объединяя функции средства обращения товаров и средства платежа. Отличие функции средства обращения товаров от функции средства платежа состоит в том, что в случае платежа имеет место временной разрыв во встречном движении товара и денег Т-Д: «Средство платежа вступает в обращение, но лишь после того, как товар уже вышел из него» [1, с. 143]. Другими словами, товар уже перешел из рук продавца в руки покупателя, а деньги переходят из рук покупателя в руки продавца спустя некоторый достаточно продолжительный, чтобы это можно было заметить, временной промежуток. В продолжение этого промежутка времени имеет место долг продавца перед потребителем. В этом последнем случае деньги, поступающие продавцу от покупателя по

окончании указанного промежутка времени, погашают возникший долг. Таким образом, деньги осуществляют уже функцию средства платежа, но не средства обращения товаров, которая не подразумевает наличие временного разрыва в движении товара и денег, а значит погашения долга.

Это различие функций средства обращения товаров и средства платежа видится важным при определении различий между наличными деньгами и безналичными деньгами. Дело в том, что одновременность перехода из рук в руки продавца и покупателя товара и денег может достигаться или обеспечиваться главным образом в случае использования наличных денег, при условии, что это не срочная сделка. Если полагать, что движение безналичных денег по банковским счетам от покупателя к продавцу происходит не мгновенно, а требует истечения определенного периода времени, то в этом уже можно обнаружить отличие в осуществлении функций денег между наличными и безналичными деньгами.

Таким образом, наличные деньги могут осуществлять функцию средства обращения товаров, а безналичные деньги при перемещении товаров осуществляют главным образом функцию средства платежа. Цифровые рубли по этому признаку сходны с безналичными, а не наличными деньгами, поскольку перемещение цифровых рублей из одной точки цифрового пространства в другую или из одного кошелька в другой требует истечения некоторого периода времени. Таким образом, цифровые рубли, так же как и безналичные деньги, осуществляют функцию средства платежа, но не средства обращения товаров, которую могут осуществлять, вероятно, только наличные деньги.

Номера на банкнотах и коды единиц цифровой валюты не есть одно и то же. Нужно обратить внимание на следующее высказывание, содержащееся в докладе: «цифровой рубль сходен с банкнотами, так как он имеет уникальный цифровой код (так же как банкнота имеет серию и номер) и эмитируется центральным банком, поэтому цифровые деньги центрального банка иногда называют „цифровыми наличными“»¹.

¹ *Цифровой рубль.* Доклад для общественных консультаций. Банк России. М., 2020. С. 5. URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

Проставление уникальных, неповторимых номеров на банкнотах никоим образом не позволяет идентифицировать сами единицы наличных денег. Эти единицы наличных денег не закреплены за определенными банкнотами или монетами, поскольку могут свободно перетекать в другие формы своего непосредственно осязаемого или физического проявления, а именно в другие банкноты или монеты, а кроме того, на банковские счета, превращаясь в безналичные деньги.

Наличие на банкнотах уникальных цифровых знаков служит средством ограничения возможностей противоправного присвоения этих бумажных видов существования наличных денег. Эта мера показала свою действенность в хорошо известном историческом примере, а именно в случае Тифлисского ограбления 1907 г. Похищенные купюры, представленные крупными банкнотами по 500 р. с известными номерами банкнот, не удалось реализовать. Причина состояла в том, что номера банкнот были известны¹. Никаким иным целям поставление уникальных номеров на купюрах служить не может.

Уникальный цифровой код единицы любой цифровой валюты, в том числе цифрового рубля, представляет собой своеобразную форму существования такой единицы, и никакой иной формы существования такая единица иметь не может. В противоположность этой особенности единиц цифровых валют единицы наличных денег, в частности наличных рублей, регулярно меняют внешне воспринимаемые формы своего существования. Единицы наличных денег, будучи абсолютно идентичными, регулярно перетекают из одних купюр в другие, а также в монеты и на банковские счета, превращаясь в безналичные денежные единицы.

Единицы наличных, впрочем, так же как и безналичных, денег обладают только двумя свойствами. Одним из таких свойств является абсолютно идентичная или равновеликая стоимость каждой денежной единицы. Вторым из указанных свойств наличных и безналичных денежных единиц является вхождение каждой такой единицы в особенный денежный фонд, принадлежащий

¹ Сидорчик А. Налет ради революции. Был ли Иосиф Сталин грабителем банков? // Аргументы и факты. 2015. 26 июня. URL: <https://goo.su/Ntqe> (дата обращения: 02.02.2023).

определенному собственнику. Таким образом, единственное, что может отличать единицы наличных или безналичных денег, это быть предметом собственности определенного уникального собственника.

Исходя из представленных доводов, следует констатировать, что наличие уникальных номеров на денежных банкнотах не позволяет проводить какие-либо аналогии между цифровыми валютами, в частности цифровым рублем, и единицами наличных денег. В силу последнего обстоятельства видится неуместным декларировать введение цифровых рублей в качестве третьей формы денег, имеющей сходство как с наличными, так и с безналичными формами денег. Цифровые рубли, судя по всему, по их свойствам следует отнести к безналичной форме денег.

Главное, что сближает цифровые валюты и наличные деньги, это возможность перехода единиц таких валют от одного субъекта экономики к другому непосредственно, т. е. не обращаясь к участию в этой операции третьей стороны, в частности банка. Последнее видится невозможным для безналичных денег. «...CBCC as an electronic form of central bank money that can be exchanged in a decentralised manner known as peer-to-peer, meaning that transactions occur directly between the payer and the payee without the need for a central intermediary» (ЦВЦБ как электронная форма денег центрального банка, единицы которой можно обменивать децентрализованным способом, известным как одноранговая сеть, последнее означает, что операции происходят непосредственно между плательщиком и получателем платежа без необходимости централизованного посредника) [2].

Выводы. Создание цифровых валют представляет собой естественный этап развития форм проявления денег. Эта новая форма не изменяет самой сущности денег, представляющих собой систему специфических экономических или финансовых отношений. Следует ожидать, что в недалеком будущем вполне могут появиться также иные весьма необычные формы денег.

Библиографический список

1. *Маркс. К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1952. 797 с.

2. *International banking and financial market developments // BIS Quarterly Review. September 2017 / Editorial Committee: C. Borio, S. Claessens, B. Cohen et al. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1709.htm (дата обращения: 02.02.2023).*

А. Ю. Попов

Маркировка интернет-рекламы: новые вызовы экономической безопасности в эпоху глобальной турбулентности

Статья раскрывает теоретические основы, практические аспекты и направления совершенствования механизма маркировки интернет-рекламы в целях укрепления экономической безопасности участников рекламного рынка и рекламной отрасли в целом. Рассмотрены правовые основы маркировки интернет-рекламы, основные функции участников рекламного рынка и состав информации, предоставляемой каждым участником и подлежащей учету в едином реестре интернет-рекламы.

Ключевые слова: интернет-реклама; маркировка; креатив; ЕРИР; экономическая безопасность.

Современные условия хозяйствования диктуют новые аспекты при осуществлении различных видов деятельности, не является исключением и рекламная отрасль. Субъекты предпринимательской деятельности нацелены на получение максимальной прибыли, для ее получения они осваивают новые рынки сбыта, стремятся продвинуть собственные товары и услуги, соответственно, затрачивают существенные средства на размещение рекламы и используя различные рекламные технологии. При этом, как отмечает И. В. Бельских, «...на смену рекламным технологиям приходит паблик рилейшнз как более эффективный инструмент, который эффективно преодолевает институциональные барьеры в условиях постиндустриального общества» [1]. Современным рекламным технологиям и PR посвящены труды ряда отечественных исследователей, в частности О. В. Поляковой [3], А. Б. Оришева [2], С. А. Шомовой [5] и др. Интересен и зарубежный опыт указанных разработок, раскрытый М. Игнатенко [6], Дж. Туроу [8], К. В. Цай [7] и др. Но при этом эффективность рекламных мероприятий зачастую бывает ниже запланированной, рекламные бюджеты могут не окупиться соответствующим

ростом оборота, что снижает уровень экономической безопасности предприятий и организаций. Соответственно, возникает вопрос целесообразности выделения рекламных бюджетов. Кроме того, при осуществлении рекламной деятельности хозяйствующие субъекты сталкиваются и с недобросовестными участниками, и с недостоверной рекламой. Одной из законодательных инициатив 2022 г. является внесение изменений в закон «О рекламе», предполагающих обязательную ее маркировку. Основная цель указанных изменений связана с повышением прозрачности рекламного рынка для рекламодателей, возможностью отслеживания расходования рекламного бюджета, а также возможностью усиления контроля со стороны государственных органов, в частности Роскомнадзора, Федеральной антимонопольной службы, Федеральной налоговой службы и др., а следовательно, и укреплением экономической безопасности. Кроме того, данные изменения законодательства призваны упредить мошеннические действия и упростить борьбу с противозаконной информацией. На сегодняшний день в научной и практической литературе еще не сложилось единой методики учета маркировки рекламы, имеют место лишь ряд публикаций в сети Интернет, соответственно, указанный вопрос нуждается во всестороннем рассмотрении с научной точки зрения. Указанное обстоятельство подтверждает актуальность выбранной темы работы и определяет ее цель — теоретическое и практическое рассмотрение вопросов маркировки интернет-рекламы в связи с изменением законодательства и разработка рекомендаций для хозяйствующих субъектов по внедрению системы маркировки в хозяйственную деятельность.

Нормативным обоснованием необходимости маркировки является закон от 2 июля 2021 г. № 347-ФЗ, который внес изменения в ст. 18.1 Закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе». Согласно данным нормативным актам, рекламодатели, рекламораспространители и операторы рекламных систем (ОРС) обязаны передавать органу государственной власти, осуществляющему функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи (Роскомнадзору), информацию о размещаемой в сети Интернет рекламе. Данные сведения подлежат хранению в еди-

ном реестре интернет-рекламы (ЕРИР), доступ к которому имеет Федеральная антимонопольная служба и Федеральная налоговая служба. Указанные изменения существенным образом осложнили работу участников рынка интернет-рекламы, поскольку однозначных разъяснений по маркировке рекламы законодательные органы не выпустили. Тем не менее практика маркировки интернет-рекламы складывается и нуждается в научном обосновании.

Отправной точкой обязательности маркировки интернет-рекламы можно считать 1 сентября 2022 г. Именно с указанной даты действуют изменения, однако законодательством был обозначен так называемый переходный период, призванный проанализировать эффективность предлагаемых мероприятий и устранить допущенные ошибки. Данный период завершается 28 февраля 2023 г. Сущность маркировки заключается в том, что любые так называемые креативы в форме интернет-баннеров, аудиозаписей, видеороликов, текстово-графических блоков и стримов должны быть помечены специальным идентификатором интернет-рекламы (токеном) с пометкой «реклама», содержащим данные о рекламодателе.

Необходимость маркировки интернет-рекламы породила обязанность создания и регистрации соответствующих операторов рекламных данных (ОРД), которыми в настоящий момент выступили ООО «Яндекс оператор рекламных данных», ООО «Озон ОРД», ООО «ВК Рекламные технологии», ООО «ОРД-А» и др. Всего на сегодняшний день Роскомнадзором утвержден перечень из семи операторов, перечень которых может быть расширен в связи с расширением контрольных функций в отношении рекламы.

Участники рекламного рынка, в частности рекламодатели и рекламораспространители, к которым относятся владельцы соцсетей, аудиовизуальных сервисов, новостных агрегаторов, организаторы распространения информации в Интернете, должны заключить договор с выбранным оператором рекламных данных, так как именно через указанного оператора осуществляется передача сведений в единый реестр интернет-рекламы. Доступ к ЕРИР для участников рекламного рынка может быть осуществлен исключительно с помощью портала «Госуслуги».

В ЕРИР должна быть сформирована полная информация о рекламодателе, рекламораспространителе, операторе рекламной системы и непосредственно о рекламе согласно перечню, приведенному в таблице.

Информация, подлежащая формированию в ЕРИР

Рекламодатель	Рекламораспространитель	Оператор рекламной системы	Непосредственно реклама
			1. Информация для обеспечения прослеживаемости.
	1. Полное и сокращенное наименование субъекта, организационно-правовая форма, ФИО индивидуального предпринимателя		2. Общее описание объекта рекламы.
	2. Идентификационный номер налогоплательщика ИНН		3. Основной тип рекламной кампании в сети Интернет.
	3. Абонентский номер мобильного телефона		4. Сведения о средствах распространения рекламы.
	4. ОГРН или ОГРНИП		5. Информация об объемах показов рекламы.
	5. Адрес местонахождения		6. Информация о форме распространения рекламы.
	6. ФИО правомочного на осуществление действий лица		7. Срок размещения рекламы.
	7. Информация о лице, заключившем договор с соответствующим участником рекламного рынка с указанием осуществляемых действий с соответствующим участником и информации о нем по перечню пп. 1–6		8. Параметры аудитории рекламы (пол, возраст, территории проживания).
	8. Сведения о выявленных несоответствиях предоставленной информации остальными участниками рекламного рынка		9. Информация о договорах и их существенных условиях, заключенных между участниками рекламного рынка
	9. Данные о фактах несоблюдения требований к распространению интернет-рекламы		
	10. Регистрационный номер		
	11. Код страны регистрации		
	12. Данные о средствах распространения рекламы (сайт, страница, домен, другая идентификация и т. д.)	12. Сведения об информационной системе и программе для ЭВМ, предназначенной для распространения рекламы в Интернете	
	13. Сведения о программах для ЭВМ для доступа к рекламе в сети Интернет		

Технология маркировки интернет-рекламы предполагает следующие шаги:

1) рекламодатель перед запуском кампании отправляет креативы оператору рекламных данных;

2) ОРД присваивает креативам маркировку (соответствующий идентификатор), возвращает их рекламодателю, а данные отправляет в реестр;

3) по завершении рекламной кампании рекламодатель отправляет ОРД отчет, который оператор передает в ЕРИР. При этом в отчете должна быть приведена статистика рекламы (сроки, охват и параметры аудитории), а также должен быть зарегистрирован акт выполненных работ (оказанных услуг).

При видимой прозрачности системы маркировки интернет-рекламы практика ее внедрения показала ряд слабых сторон:

1) часто между рекламодателем и рекламодателем имеет место сеть посредников, а именно рекламных агентств, где каждый участник цепочки должен предоставить соответствующую информацию, которая должна сопоставляться в ЕРИР, но по факту участники не в полной мере исполняют свои обязанности либо делают это с опозданием, в связи с чем в ЕРИР формируется не полностью достоверная информация;

2) не в полной мере прозрачен механизм действий в случае досрочной остановки рекламной кампании или ее изменения, указанный рынок требует максимальной оперативности и чувствительности к настроениям потребителей, а формализация действий снижает данную оперативность;

3) ряд участников рекламного рынка (блогеры, владельцы видеоканалов и т. п.) находятся в так называемой теневой зоне и не желают официально регистрироваться в качестве участников рекламного рынка, соответственно, цепочка «прерывается»;

4) информированность участников рекламного рынка произведена не на должном уровне, многие участники, занимающиеся размещением рекламы на любительском уровне, не знают о своих новых обязанностях.

Данные слабые стороны требуют проработки указанных недочетов в целях укрепления экономической безопасности участников рекламного рынка и рекламной отрасли в целом [4]. Для нивелирования угроз экономической безопасности хозяйствующим субъектам рекомендуется:

– при заключении рекламных контрактов прямо предусмотреть, какая из сторон обязана передавать сведения об интернет-рекламе ОРД, поскольку законодательство позволяет делеги-

ровать данные полномочия, например, специализированному рекламному агентству или иному участнику цепочки, который будет взаимодействовать с ОРД;

- предусмотреть согласие на то, что обязанная сторона предоставляет необходимые сведения о рекламе другим участникам рекламного процесса, если информацию передают не сразу оператору данных, а делают это через участника рекламной цепочки, например ОРС;

- разграничить зону ответственности каждого участника за состав, достоверность и полноту информации, которую он предоставляет. Для соблюдения этого условия рекомендуется использовать механизмы заверений об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ) и возмещениях потерь (ст. 406.1 ГК РФ).

Также в практике встречается ситуация, когда хозяйствующий субъект является и рекламодателем, и распространителем одновременно, например, в случае размещения на собственном сайте собственного рекламного креатива. В указанном случае данный субъект также должен промаркировать креатив и подать сведения в ЕРИР через ОРД.

Риски участников рекламного рынка, связанные с несоблюдением законодательства о маркировке, а соответственно, и угрозы экономической безопасности предусмотрены ч. 1 ст. 14.3 КоАП РФ. В случае нарушения установленных правил физическое лицо может быть привлечено к ответственности и размер штрафа может составлять 2 000–2 500 р., размер штрафа для должностного лица может составить от 4 000 до 20 000 р., а юридическое лицо или ИП может быть оштрафован на 100–500 тыс. р. При этом в течение переходного периода штрафы не применялись, но по его окончании следует учитывать правоприменительный подход из практики по административным делам.

На основании рассмотренных правил и практики маркировки интернет-рекламы сформулированы следующие выводы. Маркировка интернет-рекламы позволяет повысить прозрачность рекламного рынка для рекламодателей, поскольку дает возможность отследить правильность и целесообразность расходования рекламного бюджета по всей цепочке от заключения договора до размещения креатива в сети Интернет, прослеживая выгоды всех посредников. Данные нововведения дают возможность усиления

контрольной функции со стороны государственных органов — Роскомнадзора, ФАС, ФНС, что, в частности, позволит исключить недобросовестных участников рекламного рынка и более эффективно бороться с мошенниками и распространением противозаконной информации. Вместе с тем внедрение системы маркировки требует усовершенствования правового и практического механизма указанных процедур в целях недопущения существенных дополнительных затрат на маркировки и снижения доходности участников рекламного рынка, что является направлением дальнейших исследований в данной области.

Библиографический список

1. *Бельских И. Е.* Институциональные основы рекламы и паблик рилейшнз фирмы в современной экономике // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 36 (339). С. 16–24.
2. *Оришев А. Б.* Экономика и рекламные технологии: продакт-плейсмент // Бизнес и дизайн ревю. 2017. Т. 1, № 1 (5). С. 5.
3. *Полякова О. В.* Рекламные технологии как инструментарий маркетинга продвижения // Известия Тульского государственного университета. Сер.: Экономические и юридические науки. 2012. № 1-1. С. 108–122.
4. *Попов А. Ю.* Экономическая безопасность в системе управления финансовой устойчивостью организации // Сурский вестник. 2022. № 3. С. 90–95.
5. *Шолова С. А.* Шоковые технологии современной рекламы // Медиаскоп. 2011. № 4. С. 11.
6. *Ihnatenko M., Antoshkin V., Lokutova O., Postol A., Romaniuk I.* Ways to Develop Brands and PR Management of Tourism Enterprises with a Focus on National Markets // International Journal of Management. 2020. Vol. 11, no. 5. P. 778–787. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3631028>.
7. *Tsai C.-W., Shen P.-D., Chiang Y.-C., Hsu P.-F.* Online Advertising and Promotion: Modern Technologies for Marketing (Book Review) // International Journal of E-Adoption. 2016. Vol. 8, issue 1. P. 63–65.
8. *Turow J.* The development of the modern advertising industry (opening chapter) // The advertising handbook. Routledge, 2018. P. 3–15.

Трансформация транспортной инфраструктуры региона в условиях становления полицентричного мира

Рассматривается понятие полицентризма, обозначены типы bipolarности в условиях полицентричного мира, предлагается авторское определение понятия полицентризма в рамках экономики. В исследовании обозначены ключевые направления развития экономики РФ в условиях полицентризма. Вывод работы состоит в том, что модернизированная, а именно, цифровая транспортная инфраструктура, является драйвером в укреплении позиций РФ в рамках нового миропорядка.

Ключевые слова: полицентризм, bipolarность; конкуренция; безопасность; цифровая транспортная инфраструктура региона.

Современную мировую структуру можно охарактеризовать многовекторным полицентризмом, в соответствии с которым возрастает некоординируемая внешнеполитическая активность новых центров силы [1]. Необходимо отметить, что чаще всего понятия «многополярность», «полицентричность» употребляются как синонимы. Многополярность подразумевает разделение на сферы влияния между странами-лидерами. При этом присутствуют различия в интересах, возможны проявления силы. В полицентризме присутствует элемент сотрудничества наряду с противодействием. По мнению исследователей, различие вышеуказанных концепций заключается в том, что полюс более тяготеет к конфликтам, более изолирован, центр, в свою очередь, намного притягательнее, присутствует ориентация на нахождение компромиссных решений касательно глобальных мировых проблем [4].

Понятие полицентризма предполагает наличие множественной политической структуры современного мира, для которого характерно наличие суверенных государственно-организованных центров силы и развития¹. В полицентричном мире взаимодействуют несколько государств-лидеров или каких-либо блоков, тем самым определяя развитие всей мировой политики. Полицентризм, в отличие от многополярности, не ограничива-

¹ *Полицентризм* / Электронная библиотека Института философии РАН. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01c5f30080579f31e64aabc5> (дата обращения: 25.02.2023).

ется распределением власти на мировой арене, а представляет собой идею организации глобальной системы¹.

Рассматривая проблему полицентричности мира, А. Н. Михайленко полагает, что движущей силой нового мирового порядка должна стать конкуренция [5]. В условиях полицентричности на первый план будут выходить страны, способные выдвигать наиболее подходящие и привлекательные решения для глобальных и региональных проблем. С одной стороны, становление полицентричного мира — это объективный процесс, с другой стороны, переход к новому миропорядку является результатом усилий многих государств, стремящихся удовлетворить потребности в безопасности и стабильности на мировой арене [7]. Существование нескольких центров власти в XXI в. изначально не является толчком к конфронтации, вражде между странами-лидерами. Так, процесс развития полицентричности сопровождается появлением различных интеграционных объединений, в том числе в области экономики, политических соглашений между государствами, целью которых является стабилизация обстановки [7].

Выделяют особые типы биполярности в условиях полицентричности [2]:

– американо-китайская биполярность — присутствует конфронтация в сфере торговли;

– американо-российская биполярность — особенность в том, что распространились санкционные спирали практически на все сферы; данная биполярность плохо регулируется; конфронтация усугубляется ядерным потенциалом как Российской Федерации, так и Соединенных Штатов Америки.

Становление и дальнейшее развитие полицентричного мира возможно вокруг вышеназванных биполярностей. Нынешние отношения России и США носят асимметричный характер конфронтации, для которой характерен нерегулируемый и взаимопровоцирующий характер [1].

Стоит отметить, что концепция полицентризма мало изучена на сегодняшний день российскими учеными, что касается как экономических процессов в целом, так и вопросов региональ-

¹ *Полицентризм* в эпоху соперничества великих держав // Валдай: международный дискуссионный клуб. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/politsentrizm-v-epokhu-sopernichestva/> (дата обращения: 19.02.2023).

ного развития. Так, ключевой составляющей комплексной стратегии пространственного развития государств Европейского Союза является именно концепция полицентрического развития [3]. Россия, в свою очередь, обладая уникальным географическим положением, располагая огромной территорией и запасами сырья, играет роль «связывающего и осевого государства» по отношению к другим странам [8].

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации политика государства в рамках обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития направлена на осуществление стратегических национальных приоритетов¹. Необходимо наращивание потенциала РФ в условиях формирования полицентричного мира. В вышеуказанном документе отмечается, что формирующаяся система полицентричного миропорядка связана с повышением уровня глобальной и региональной нестабильности². Действительно, возникают противоречия, связанные с неравномерностью развития, разным уровнем качества жизни. Конкуренция между странами распространяется не только на материальные ресурсы, но и все больше касается информационных, наукоемких отраслей. Для устранения угроз экономической безопасности социально-экономическая политика государства предполагает: «формирование единого транспортного пространства на базе сбалансированного опережающего развития эффективной транспортной инфраструктуры и роста уровня транспортной связности Российской Федерации, создание транспортных коридоров и мультимодальных транспортно-логистических узлов, увеличение объема и повышение качества дорожного строительства»³. Касательно обеспечения национальной безопасности на уровне регионов в Стратегии обозначается одно из ключевых направлений развития, а именно, снижение степени межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов РФ⁴. Для реализации данной задачи целесообразным является равномерное развитие

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

территорий, комплексное развитие транспортной, социальной инфраструктур, усовершенствование управленческих подходов.

Рассмотрев понятие полицентризма, можно сделать вывод, что данный вопрос не в полной мере изучен и требует более пристального внимания. Также сложность в изучении аспектов полицентричного миропорядка заключается в смутном разграничении экономического полицентризма и политического. Зачастую граница не проводится. По мнению авторов данного исследования, полицентризм в экономической сфере представляет собой наличие нескольких «центров» — государств-лидеров, обладающих максимальным числом конкурентных преимуществ в тех или иных отраслях, а также характеризующихся высоким уровнем обеспечения экономической безопасности в структуре национальной безопасности государства.

Исходя из вышесказанного ключевыми векторами развития экономики в условиях полицентричности для Российской Федерации являются:

- повышение конкурентных преимуществ в приоритетных отраслях;
- преодоление разрыва в социально-экономическом развитии с другими государствами;
- обеспечение высокого уровня экономической безопасности;
- развитие технологий;
- развитие территорий, обеспечение их связанности;
- преодоление межрегиональной дифференциации.

Одним из неотъемлемых конкурентных преимуществ Российской Федерации является сама территория государства, ее уникальное географическое положение. Данная особенность, несомненно, выступает плюсом в условиях конкуренции на мировой арене, при этом необходимо постоянное усовершенствование механизмов развития территорий. Транспортный комплекс, в свою очередь, обеспечивает связанность территорий страны, как географическую, так и экономическую касательно отраслей экономики. Применительно к росту тех или иных конкурентных преимуществ государства нельзя не уделять внимания развитию наукоемких технологий, в том числе их внедрению в транспортном комплексе. Внедрение каких-либо инноваций должно отве-

чать общемировым тенденциям, а усовершенствование тех или иных отраслей должно быть своевременным.

Таким образом, на наш взгляд, драйвером в условиях становления полицентричного мира может стать модернизированная транспортная инфраструктура региона. Под модернизацией транспортной инфраструктуры следует понимать ее цифровизацию, что является на сегодняшний день всеобщим трендом применительно ко всем отраслям. Цифровая транспортная инфраструктура (ЦТИ) выступает своеобразным этапом в развитии социально-экономической системы и технологий в целом [6]. Посредством функционирующей ЦТИ возможно обеспечить эффективное развитие экономики РФ в условиях полицентризма по вышеназванным направлениям. В рамках развития региона цифровизация транспортной инфраструктуры способствует выведению социально-экономической системы на более высокий уровень, что, в свою очередь, способствует экономическому росту и повышению качества жизни граждан. На рисунке схематически продемонстрирована роль цифровой транспортной инфраструктуры региона в условиях становления полицентричного мирового порядка.

Цифровая транспортная инфраструктура региона
в рамках становления полицентризма

В заключение стоит отметить, что Российская Федерация обладает существенным потенциалом для позиционирования себя как лидирующего «центра» в условиях устанавливающегося полицентризма. Россия обладает рядом преимуществ среди других государств, в том числе определяемых ее уникальным географическим местоположением. Становление цифровой транспортной инфраструктуры подразумевает развитие территорий в совокупности с внедрением различных наукоемких технологий, что является глобальной тенденцией. Эффективное функционирование ЦТИ, являющейся усиленным конкурентным преимуществом РФ, способно усилить позиции государства на мировой арене.

Библиографический список

1. *Гарбузов В. Н.* Особенности современного мирового полицентризма // *Корейский полуостров в поисках мира и процветания: сб. ст. XXIII Междунар. конф. корееведов России и стран СНГ: в 2 т. (Москва, 28–29 марта 2019 г.). М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2019. Т. 1. С. 17–31.*
2. *Гарбузов В. Н.* Россия и США в современном полицентричном мире // *Международные отношения и общество. 2019. Т. 1, № 2. С. 29–33.*
3. *Красносельская Д. Х.* Полицентризм пространственного развития экономики региона: анализ ключевых подходов // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. 2017. № 3 (21). С. 59–65.*
4. *Михайленко А. Н.* Контуры нового мирового порядка // *Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 8 (134). С. 148–165.*
5. *Михайленко А. Н.* Полицентричный мир: каким ему быть? // *Вопросы политологии. 2015. № 4 (20). С. 89–101.*
6. *Пьянкова С. Г., Заколюкина Е. С.* Цифровая транспортная инфраструктура региона: понятийный аппарат и оценка эффективности // *Экономика и предпринимательство. 2022. № 6 (143). С. 644–651. DOI: 10.34925/EIP.2022.143.6.116.*
7. *Россия в полицентричном мире / под ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. М.: Весь Мир, 2011. 580 с.*
8. *Целищев Н. Н.* Россия в полицентричном мире // *Инновационное образование и экономика. 2012. № 11. С. 12–17.*

**Тенденции формирования
понятийно-категориального аппарата
при закреплении
конституционно-правового статуса личности
в цифровой телекоммуникационной среде**

Стремительное развитие научно-технического прогресса вынуждает юридическую науку интегрировать сугубо технические термины и явления в юридические акты. При этом юриспруденция, являясь традиционно крайне консервативной наукой, не просто отстает, но в известной мере сдерживает внедрение нового понятийно-категориального аппарата. Публикация посвящена анализу тенденций правового закрепления понятий, применяемых к личности в цифровой среде.

Ключевые слова: юридическая терминология; конституционно-правовой статус личности; цифровая телекоммуникационная среда; регулирование сети Интернет; права человека; конституционное право.

Одной из наиболее актуальных в настоящий момент проблем, существующих в рамках современного правотворчества и стремительной скорости развития сферы цифровизации общества, следует назвать поиск максимально приемлемых подходов к закреплению в законодательстве всей органичной совокупности терминов, которые тем или иным образом связаны с развитием общественных отношений в цифровой телекоммуникационной среде.

В частности, особый интерес среди отечественных и зарубежных правоведов вызывает процесс формирования понятийно-категориального аппарата при закреплении конституционно-правового статуса личности в цифровой телекоммуникационной среде. В первую очередь, данный вопрос непосредственно касается субъектов, чью деятельность предполагается регламентировать в процессе их повседневного использования цифровой телекоммуникационной среды.

При этом в центре внимания отечественных и зарубежных правоведов, разрабатывающих современные законодательные инициативы, оказывается конституционно-правовой статус личности таких субъектов. Причиной данного положения следует назвать то, что именно через законодательную дефиницию

должно происходить определение места и значения каждого участвующего в цифровой телекоммуникационной среде субъекта правоотношений. Обстоятельством принципиальной важности при этом является потребность корректного и своевременного определения места всей органичной совокупности субъектов цифровой телекоммуникационной среды в системе общественных и правовых отношений.

Так, И. Л. Бачило приходит к выводу, что органичная совокупность понятий и категорий, призванных определять правовой статус субъектов цифровой телекоммуникационной среды, имеет системообразующее значение [1, с. 20]. При этом, с точки зрения публикации, данная совокупность понятий и категорий должна определять также предметную область интересов и действий субъектов инициативной деятельности цифровой телекоммуникационной среды.

Наряду с этим, как полагает И. Л. Бачило, также следует своевременно задуматься об их уместном использовании в быстротекущем процессе формирования различных семантических форм понятий и категорий, призванных определять права, обязанности и полномочия субъектов цифровой телекоммуникационной среды [1, с. 22].

Это могут быть глоссарии, тезаурусы, словари и энциклопедии, и каждый такой категориально-понятийный инструмент будет активно содействовать возникновению должной определенности в данной сфере прав. При этом необходимо отметить, что, согласно достаточно продуктивной идее конституционно-правового статуса личности, любое определение данного субъекта представляет собой одно из его свойств.

В идее конституционно-правового статуса личности осуществляется неразрывная и высокопродуктивная связь и концепции универсальности с идеей субъектности, со свойственной последней интернациональной способности конструировать предмет регулирования [2, с. 45]. В то же время в современной правоведаческой литературе констатируется все в большей мере нарастающее отставание права и законодательства от темпов, характерных для текущего этапа развития технологий и общественных отношений [3, с. 82].

Стремительное и повсеместное внедрение в различных сферах деятельности человека технологических нововведений требует новых приемов юридической техники, которые еще только разрабатываются юридической доктриной.

Современное право в такой необычной ситуации преимущественно задействовано не столько в предупреждении, сколько в урегулировании неблагоприятных последствий неправомерного использования цифровой телекоммуникационной среды. Однако многие негативные обстоятельства применения Интернета по объективным причинам не могут быть спрогнозированы (даже разработчиками новых информационно-коммуникационных технологий). Тем более возникновение негативных последствий неправомерного использования цифровой телекоммуникационной среды не может быть с достаточной степенью достоверности спрогнозировано пользователями, законодателем или правоприменителем.

Все это в совокупности порождает состояние правовой неопределенности, прежде всего из-за появления в пространстве цифровой телекоммуникационной среды субъектов вновь выстраиваемых общественных отношений в области информатизации. Представляется необходимым констатировать, что состояние правовой неопределенности находит свои проявления в отсутствии четкой дефиниции, позволяющей однозначно и своевременно установить существование адресата правовых норм.

Наряду с этим ввести адекватные права и обязанности в состоянии правовой неопределенности, составляющие ядро конституционно-правового статуса личности, в достаточной степени пока не представляется возможным, хотя такие попытки и предпринимаются.

Кроме всего прочего, состояние правовой неопределенности порождает также одновременное несоответствие прав обязанностям и обязанностей правам. Данное обстоятельство нарушает диалектический закон единства противоположностей, в результате чего планомерное функционирование конституционно-правового статуса личности в Интернете остается проблематичным.

Однако можно предположить, что в ходе поступательного развития современного правоведения, поддержанного со стороны прогрессивных авторов законодательных инициатив, существую-

щее в настоящий момент положение «конституционно-правового статуса» будет определено значительно более четко. При этом тенденции формирования понятийно-категориального аппарата при закреплении конституционно-правового статуса личности в цифровой телекоммуникационной среде просматриваются достаточно четко. Это прежде всего стремительное развитие технологий, существенно опережающих возможности традиционно существующей правовой системы страны и мира, которая всеми способами демонстрирует свою неготовность к установлению адекватного правового регулирования виртуального мира. В то же время именно в цифровой телекоммуникационной среде в настоящий момент наблюдается все большее количество форм деятельности субъектов права, которое все в большей мере остается неурегулированным со стороны современной правовой системы, что несет риск нарушения субъективных прав пользователей сети Интернет без возможности использования государственного механизма для их защиты.

Однако осуществить их регулирование не так просто, поскольку требуется соблюдение баланса между личными интересами каждого гражданина Российской Федерации и прямыми интересами Российского государства таким образом, чтобы реализация первых не нарушала вторые и учитывала особенности «свободы» и трансграничности сети Интернет [4, с. 146].

Доктринальные подходы к определению конституционно-правового статуса личности в цифровой телекоммуникационной среде в настоящий момент необходимо существенно усовершенствовать с точки зрения существования современного субъекта деятельности в цифровой телекоммуникационной среде, особенно при защите прав человека в суде [5, с. 77]. Состояние правовой неопределенности, в котором в данное время продолжает функционировать цифровая телекоммуникационная среда, в значительной степени содействует утверждению естественных прав, характерных для данной среды согласно соглашениям, не изменяемым ни одним из присоединяющихся к ним пользователей. Одновременно с этим поступательное развитие цифровой телекоммуникационной среды побуждает со всей ответственностью подойти к решению вопроса установления правовой определенности в данном виртуальном пространстве. Более того, учитывая,

что в скором времени по многим параметрам цифровая телекоммуникационная среда сможет возобладать над множественными формами отношений, складывающихся в реальном мире, это становится вопросом национальной безопасности. Кроме этого, следует помнить, что если цифровая телекоммуникационная среда не будет своевременно поставлена в определенные рамки правового характера, со временем она самостоятельно начнет диктовать свои собственные условия реальному миру.

Библиографический список

1. *Бачило И. Л.* О терминах и понятиях в праве // Право и информация: вопросы теории и практики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 10–11 апреля 2014 г.). СПб.: Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина, 2014. С. 18–30.

2. *Власенко Н. А.* Теория государства и права: научно-практическое пособие для самостоятельной подготовки студентов всех форм обучения. М.: Юриспруденция, 2009. 423 с.

3. *Задорина М. А.* Некоторые проблемы цифрового обновления системы образования в условиях трансформации рынка труда // Достойный труд — основа стабильного общества: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 26–30 октября 2021 г.). Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2021. С. 81–85.

4. *Карасев А. Т., Руколеев В. А.* Пассивная форма реализации принципа информационной открытости в деятельности органов публичной власти // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Т. 8, № 4 (32). С. 145–159.

5. *Карасев А. Т., Савоськин А. В., Мещерягина В. А.* Цифровизация правосудия в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2 (30). С. 71–77.

И. Н. Ткаченко

ESG-технологии в корпоративном бизнесе: откат назад или надежда на развитие?

В статье ставится вопрос: является ли актуальным в нынешней ситуации проведения специальной военной операции, мощного санкционного давления на российскую экономику, активного отторжения международными организациями российского участия и присутствия продолжение ориентации отечественного бизнеса на заданные несколько лет назад ориентиры на социально ответственное и экологоответственное инвестирование и развитие, на совершенствование практик развития бизнеса по пути ESG-трансформации? Надо ли рассматривать ESG-технологии в качестве факторов будущей устойчивости?

Ключевые слова: устойчивое развитие; ESG; ответственное инвестирование; корпоративный бизнес.

Интегрированный взгляд на устойчивое развитие был предложен в рамках Целей устойчивого развития, сформированных ООН в 2015 г. Характерной чертой современного интегрированного этапа является ESG-повестка. Концепция устойчивого развития, предложенная ООН, включает 17 целей, которые направлены на гармоничное развитие человечества, решение социальных, экономических и политических проблем, удовлетворение потребностей настоящего времени, сохраняя при этом системы жизнеобеспечения, от состояния которого зависит благосостояние будущих поколений.

В 2015 г. были приняты Цели устойчивого развития ООН (ЦУР) (Sustainable Development Goals)¹ на период 2016–2030 гг. ЦУР представляют собой достаточно сбалансированную социо-эколого-экономическую стратегическую систему приоритетов для человечества, обеспечивающую их взаимозависимость и взаимодополняемость. В 2020 г. Россией был представлен Добровольный национальный обзор достижения Российской Федерацией Целей устойчивого развития ООН и реализации Повестки в области устойчивого развития на период до 2030 г., отражающий достижения страны в экономической, социальной и экологи-

¹ Sustainable Development Goals. URL: <https://www.undp.org/content/undp/en/home/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 15.02.2023).

ческой сферах по всем 17 ЦУР¹. Большинство целей устойчивого развития были включены в основные документы, принятые в России, для реализации этих целей необходимо было активизировать совместные усилия государства, бизнеса и общества в целях обеспечения развития за контурами потенциала финансовой выгоды.

Устойчивое развитие принято оценивать в трех отдельных категориях — Environmental, Social, Governance, которые называют критериями ESG. Для благополучия отдельных людей и общества в целом крайне важна согласованная и единовременная реализация всех трех компонентов: охраны окружающей среды, социальной интеграции, экономического роста / корпоративного управления.

Ориентация на повестку устойчивого развития стала реализовываться на практике в нашей стране буквально в последние годы. Россия не могла не реагировать на те инициативы, которые исходили от европейских стран. Это касалось сценариев глобального «зеленого перехода» и их влияния на страну. Так, в декабре 2021 г. был опубликован доклад по российской экономике Всемирного банка, который оценил возможные риски для России после «зеленого перехода»². В сценариях, представленных более года назад Всемирным банком, были проанализированы так называемый базовый инерционный (когда страны ограничиваются базовыми национальными вкладами в сокращение парниковых эмиссий, предусмотренными Парижским соглашением), кооперативный сценарий (если все страны, включая Россию, вводят всеобщую «цену на углерод») и два некооперативных инерционных сценария («цену на углерод» вводят только страны — чистые импортеры топлива, но в одном случае они ограничиваются только этим, а в другом — вводят еще и пограничные корректирующие углеродные налоги на углеродоемкую продукцию из таких стран,

¹ *Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.* URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/dcbc39abeafb0418d9d48c06c958e454/obzor.pdf> (дата обращения: 15.02.2023).

² *Всемирный банк разработал 4 сценария потерь России от «зеленого» перехода // РБК. 2021. 1 дек.* URL: https://www.rbc.ru/economics/01/12/2021/61a6502d9a79471618b9b6c3?from=from_main_1 (дата обращения: 15.02.2023).

как Россия). В одном из этих сценариев стоимость российских ресурсов может упасть на 400 млрд долл., в другом благосостояние России падает на 9 %¹. В докладе Всемирного банка подчеркивалось, что даже при «уникальных внешних условиях», при которых России было бы выгодно сохранить статус-кво и не проводить внутренние реформы по декарбонизации, страна становится уязвима к введению пограничных корректирующих углеродных налогов другими государствами. Правительство тогда обсуждало разные варианты стимуляции бизнеса к сокращению углеродного следа.

Глобальная повестка устойчивого развития в последние годы находилась на пике популярности. В России тема устойчивого развития находилась на начальном этапе, интерес бизнеса к этой теме возрастал, активно разрабатывались ESG-стратегии, реализовывались проекты различного уровня, потребители выражали интерес к устойчивым практикам, ЦБ создавал условия для развития повестки, а упоминания темы ESG в российских медиа выросли только за 2021 г. в 2,5 раза².

В начале 2022 г. эксперты Сколково³ опубликовали исследование, целью которого было оценить уровень зрелости российских компаний с точки зрения ESG-практики и готовности к ESG-трансформации, а также определить состояние управления ESG-вопросами на разных уровнях компании. Результаты исследования предназначались для специалистов и директоров в области устойчивого развития, топ-менеджеров и членов советов директоров компаний, осуществляющих свою деятельность на территории России, а также для всех интересующихся корпоративной повесткой устойчивого развития. Авторы исследования отме-

¹ *Всемирный банк разработал 4 сценария потерь России от «зеленого» перехода* // РБК. 2021. 1 дек. URL: https://www.rbc.ru/economics/01/12/2021/61a6502d9a79471618b9b6c3?from=from_main_1 (дата обращения: 15.02.2023).

² *Тема ESG стала в 2,5 раза чаще встречаться в СМИ в 2021 году* // Интерфакс. 2021. 15 нояб. URL: <https://www.interfax.ru/business/803083> (дата обращения: 15.02.2023).

³ *Корпоративное управление и ESG-трансформация российских компаний* / Е. Дубовицкая, А. Ракитин, Н. Клемина и др.; Центр устойчивого развития Школы управления СКОЛКОВО. URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/korporativnoe-upravlenie-i-esg-transformaciya-rossijskih-kompanij/> (дата обращения: 15.02.2023).

чали, что, несмотря на меняющиеся условия и стимулы для продвижения ESG-принципов, устойчивое развитие в России продолжает развиваться. Исследование содержало результаты опроса и интервью на начало 2022 г., оценку перспектив и направлений будущего развития.

Прошло чуть более года, но мир кардинально поменялся с февраля 2022 г. В стремительно меняющихся условиях повестка устойчивого развития претерпевает существенные изменения: пересматриваются приоритеты деятельности компаний и регулятора, возникают новые вызовы, меняются драйверы. В условиях внешних ограничений, массового прекращения работы в России крупных западных компаний, но наличия уже сформированного внутреннего запроса можно ожидать смещения фокуса на развитие локальных ESG-подходов, стандартов и практик. Санкции, обрушившиеся на Россию в ответ на «спецоперацию», безусловно затронули тему устойчивого развития или ESG-трансформации. В этих условиях актуален вопрос: не пошатнулась ли ESG-повестка, как относятся к составляющим ESG-критериям бизнес, финансовые институты, общество? Так ли неизменны и играют ли по-прежнему важную роль в процветании общества и благополучии бизнеса ESG-принципы и ценности устойчивого развития?

Казалось бы, в современных реалиях нет места ESG-практикам... Но в начале 2023 г. Банк России выпускает для общественного обсуждения Модельную методологию ESG-рейтингов, целью которой является гармонизация ESG-рейтингов, что предполагает обеспечение наглядности ESG-рейтингов, их прозрачности и сопоставимости между собой. 8 февраля 2023 г. в Общественной палате прошло обсуждение доклада Центрального банка «Модельная методология ESG-рейтингов»¹. В подготовленном регулятором документе даются многочисленные отсылки к тем процессам, которые происходят в мировой практике развития ответственного устойчивого финансирования, повышения экологичности финансовой системы, процессам инвестирования и поддержке финансирования, вопросам ESG-рейтингования.

¹ *Модельная методология ESG-рейтингов. Доклад для общественных консультаций / Центральный банк Российской Федерации. М., 2023. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/144085/Consultation_Paper_17012023.pdf (дата обращения: 15.02.2023).*

В документе отмечено, что Банк России собирается продолжить участвовать в работе международных организаций, отслеживать и изучать актуальные исследования в области устойчивого развития, с тем чтобы внедрять наилучшие международные практики в российское регулирование с учетом национальных особенностей финансового рынка. Экспертное сообщество проявило беспрецедентный интерес к общественному обсуждению: в обсуждении приняли участие около 1000 специалистов, которые оценили текущее состояние рынка ESG-рейтингов, его проблемы и способы их решения.

В исследовательском поле интерес российских авторов за последний год к тематике ESG не остыл. Так, по данным e-library, с 2022 по 2023 г. по данной тематике было представлено 76 публикаций, касающиеся экономических, правовых, финансовых, управленческих аспектов ESG-технологий. В начале 2022 г. мы также посвятили одну из публикаций проблематике социально ответственного инвестирования и ESG-трансформации бизнеса [2]. Однако в нынешней ситуации более актуальны проблемы практической реализации ESG в российских компаниях с учетом новых рисков и вызовов устойчивому развитию. С этих позиций интерес вызывает публикация, где авторы предлагают подход к диагностике ESG-факторов и оценке ESG-рисков, что в перспективе дает возможность разработки научно обоснованного инструментария минимизации рисков и механизмов достижения целей устойчивого развития на основе ESG-трансформации систем управления [1].

В феврале 2023 г. был опубликован обновленный ежемесячный ESG-рэнкинг российских компаний RAEX¹. По данным последнего опубликованного рейтинга по сравнению с предыдущими данными пятерка лидеров несколько трансформировалась: на 1-м месте сейчас НЛМК (черная металлургия), на 2-м — «Полюс» (драгоценные металлы), на 3-м — «Уралкалий» (агрохимикаты), на 4-м — «Энел Россия» (электроэнергетика) и на 5-м — «Полиметалл» (драгоценные металлы). Следует отметить, что ранее в пятерку лидеров в течение 2022 г. входили «Московский

¹ ESG-рэнкинг российских компаний (февраль 2023 года). URL: https://raex-rr.com/pro/ESG/ESG_companies/ESG_rating_companies/2023.2/ (дата обращения: 15.02.2023).

кредитный банк», ныне оставшийся на 7-м месте, и группа компаний «ФосАгро» (агрохимикаты), ныне оставшаяся на 6-м месте. Надо отметить также «взлет» до 8-го места в рейтинге 2022 г. горно-металлургической компании «Норильский никель», а ведь еще в 2021 г. «Норильский никель» был только на 42-м месте (сказались последствия экологической катастрофы 2019 г.). При этом в рейтинге RAEX особенно отмечены успехи «Норильского никеля» в G-составляющей ESG, т. е. Governance — корпоративного управления.

Таким образом, мы видим, что тематика ESG продолжает развиваться, пусть и не так активно, фокус смещается на развитие локальных ESG-подходов, стандартов и практик.

Библиографический список

1. *Марголин А. М., Вякина И. В.* Риски, вызовы и механизмы ESG-трансформации систем управления // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. Т. 13, № 3. С. 352–368.

2. *Ткаченко И. Н., Тингаева А. А.* Роль ESG-трансформации бизнеса в социально ответственном инвестировании // Финансовые и правовые аспекты социально ориентированного инвестирования: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 18 ноября 2021 г.). Екатеринбург: УрГЭУ, 2022. С. 103–110.

Методология оценки текущего уровня цифровизации агропромышленных предприятий¹

Статья описывает методику оценки эффективности цифровизации на предприятиях агропромышленного комплекса как инструмент мониторинга развития в условиях перехода к цифровой экономике и определения стратегических целей деятельности хозяйствующего субъекта. Доказано, что существует потребность в автоматизации основных производственных процессов, что повысит конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность хозяйствующих субъектов и отрасли в целом.

Ключевые слова: цифровизация; агропромышленный комплекс; цифровые технологии; предприятие; хозяйствующий субъект.

Обеспечение продовольственной безопасности и повышение качества жизни выступают ключевыми задачами при совершенствовании механизма управления инновационной деятельностью агропромышленного комплекса (АПК) и его превращении в высокотехнологичную отрасль. Однако существующий износ технологической базы замедляет активное развитие организаций сельского хозяйства и всей перерабатывающей промышленности, что влечет за собой низкую инвестиционную привлекательность, обусловленную недостаточным уровнем платежеспособности предприятий и объема государственной поддержки. В целях устранения обозначенных проблемных областей необходимо и возможно внедрение в производственные процессы цифровых решений, позволяющих обеспечить эффективное применение экономических ресурсов при максимизации получаемого результата. Совершенствование цифровых возможностей в современных реалиях отвечает стратегическим целям государственной политики Российской Федерации.

Цифровая трансформация предприятий АПК предполагает, во-первых, анализ целесообразности применения конкретных цифровых технологий и, во-вторых, обеспечение формирования таких организационно-экономических отношений, которые позволят качественно внедрить цифровые решения.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00911 (<https://rscf.ru/project/23-28-00911>).

Для проведения дальнейших исследований реализации инновационной деятельности агропромышленных предприятий следует раскрыть содержание сущности понятий цифровой экономики и цифровизации, которую ученые-исследователи рассматривают как концепцию современной технологической революции, процесс применения цифровых технологий [5]. Поскольку в настоящий момент в отечественной литературе отсутствует единый общепринятый подход к формулированию данных категорий, в табл. 1 авторами обобщены наиболее популярные трактовки исследуемых понятий.

Таблица 1

Трактовки понятий «цифровая экономика» и «цифровизация»

Источник, автор	Трактовка
<i>Понятие «цифровая экономика»</i>	
Н. Негропonte	Масштабные процессы перевода информации в двоичный код
Международные экономические организации	Новый экономический уклад, основанный на знаниях и цифровых технологиях, использующий нематериальные активы, информацию и данные [9]
НИУ ВШЭ	Деятельность по созданию, распространению и использованию цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг [9]
<i>Понятие «цифровизация»</i>	
Дж. С. Бреннен, Д. Крайсс	Перестраивание различных аспектов жизни общества в направлении цифровой коммуникации [11]
НИУ ВШЭ	Процесс переноса в цифровую среду функций и бизнес-процессов, ранее выполнявшихся людьми и организациями [9]

В настоящем исследовании под цифровизацией нами предлагается понимать определенный процесс внедрения цифровых технологий в бизнес-модели хозяйствующего субъекта.

На текущем этапе экономического развития России агропромышленные предприятия отстают от зарубежных стран по уровню внедрения цифровых технологий, поскольку существует дефицит квалифицированных кадров на сельских территориях, а также отмечен высокий физический и моральный износ технологической базы многих сельскохозяйственных предприятий. В качестве подтверждения авторами приведен сравнительный

анализ применения передовых технологий в России и Китае (табл. 2). Уровень их использования определен экспертным путем: высокий — более 40 % предприятий, средний — от 25 до 40 %; низкий — менее 25 %, что зависит от экономического развития страны, а также определенных технологических тенденций.

Таблица 2

**Уровень применения цифровых технологий
на предприятиях АПК в России и Китае**

Россия	Инструмент	Китай
Средний	Технологии беспроводной связи	Высокий
Средний	Беспилотные транспортные средства	Высокий
Высокий	Роботизированное оборудование	Высокий
Средний	Системы точного земледелия	Высокий
Низкий	Квантовые технологии	Низкий

Примечание. Сост. по: [8].

Из проанализированных данных очевидна необходимость цифровой трансформации для обеспечения производственных процессов агропромышленного комплекса нашей страны, основывающихся на системном внедрении технологий. В настоящее время автоматизированные системы производства интегрируются с технологиями обработки больших данных, при этом рост инновационной активности отрасли обеспечивает развитие робототехники. В то же время в отрасли существует проблемы, препятствующие цифровизации АПК [2; 6; 10]:

1) финансовые:

- потребность в собственном капитале при автоматизации производственных процессов;
- потребность в государственном финансировании и поддержке, поскольку приобретение цифровых решений является достаточно капиталоемким для сельхозпроизводителей; кроме того, внедренные технологии необходимо своевременно обновлять;

2) инфраструктурные:

- высокий износ основных фондов АПК при низкой технической обеспеченности;
- слабое развитие инфраструктуры в сельских местностях;

3) кадровые:

- потребность в квалифицированных кадрах в IT-сфере;
- недостаток обучающих программ;

4) информационно-технологические [6]:

- недостаточный уровень автоматизации бизнес-процессов в АПК;
- сложность внедрения новых технологий в действующие производства;

5) правовые — несовершенство законодательной базы в сфере применения цифровых технологий в деятельности.

Перечисленные проблемы необходимо решить для достижения целей, поставленных перед АПК, что обеспечит формирование и функционирование интегрированного многоуровневого информационного пространства в стране, а моделирование текущих бизнес-процессов и оценка реализуемых инновационных проектов позволят определить оптимальную стратегию развития предприятия.

Разрабатываемая методика оценки эффективности цифровизации отталкивается от существующей мировой практики оценки уровня цифровизации хозяйствующих субъектов. Мы исходим из того, что вначале нужно определить текущий и потенциальный объем цифровой трансформации процессов.

Поскольку цифровая трансформация — процесс длительный, а воплощение инновационных проектов также требует достаточно продолжительного времени, эффект от внедрения предлагаемых инструментов, как и уровень цифровизации, должен определяться на любом этапе реализации проекта. Методика оценки текущего уровня цифровизации предприятий АПК приведена на рисунке.

Первый этап предлагаемой методики включает подготовку исходных параметров для последующего анализа заявленных показателей оценки, определяет текущий уровень цифровизации предприятия, а также полученный экономический эффект от проведенных мероприятий по внедрению цифровых технологий [3]. На данном шаге формируются показатели готовности предприятия к внедрению цифровых технологий:

- отношение инвестиций в основной капитал к выручке (показатель отражает инвестиционный потенциал предприятия);

– удельный вес сотрудников с профильным высшим образованием (показатель отражает кадровый потенциал предприятия, его способность внедрить цифровые технологии).

Методика оценки эффективности цифровизации на предприятиях¹

Далее устанавливаются параметры определения экономического эффекта от внедрения передовых технологий. Наиболее часто эффективность определяется как отношение достигнутого эффекта к объему фактических затрат [1; 7]. Соответственно, наибольшей эффективностью характеризуется деятельность, дающая больший эффект на единицу затрат.

От масштаба внедрения цифровых технологий и интенсивности их применения зависит экономический потенциал АПК.

На втором этапе методики полученные данные обобщаются в виде интегрального индикатора уровня цифровизации и эффекта от внедрения передовых технологий, что позволяет определить эффективность цифровой трансформации предприя-

¹ Сост. по: [8].

тия [4]. Мы предлагаем рассчитывать интегральный индекс уровня цифровизации АПК $I_{ц}$ как средневзвешенное значение групп показателей:

$$I_{ц} = \sum D_j \times \left(\sum \Pi_j \times k_i \right),$$

где j — направление; i — показатель цифровизации; D — удельный вес; Π — значение показателей цифровизации по каждому направлению; k — весовой коэффициент.

На третьем этапе методики проводится анализ для сравнения уровня цифровизации с полученным экономическим эффектом от внедрения конкретных технологий.

Предложенная методика позволяет в динамике оценить цифровую трансформацию на предприятии, а также сравнить полученные результаты с другими предприятиями. Для анализа результатов и последующих стратегических программ по полученным показателям возможно сгруппировать полученные значения в диапазоны и оценивать эффективность цифровой трансформации в рамках каждого диапазона.

Таким образом, в данной статье предложена трехэтапная методика оценки эффективности цифровизации на предприятиях АПК, которая может служить инструментом мониторинга развития в условиях цифровой трансформации и использоваться для установления и корректировки стратегических целей деятельности хозяйствующего субъекта.

Библиографический список

1. *Винокуров Ю. А.* Эффективность как фундаментальная экономическая категория // *Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд.* 2010. № 2. С. 155–159.
2. *Годин В. В., Белоусова М. Н., Белоусов В. А., Терехова А. Е.* Сельское хозяйство в цифровую эпоху: вызовы и решения // *E-Management.* 2020. Т. 3, № 1. С. 4–15.
3. *Домрачев А. С.* Взаимосвязь экономической и социальной эффективности // *Экономика сельского хозяйства России.* 2013. № 11. С. 58–62.
4. *Кевеш М. А., Филатова Д. А.* Индекс цифровизации бизнеса // *Цифровая экономика: экспресс-информация.* 2019. № 12 (121). С. 1–3.

5. Ковальчук Ю. А., Степнов И. М. Цифровая экономика: трансформация промышленных предприятий // *Инновации в менеджменте*. 2017. № 1 (11). С. 32–43.

6. *Перевощикова А. А.* Проблемы цифровой трансформации агропромышленных предприятий // *Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации*: сб. ст. XXIII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 10 февраля 2022 г.). Пенза: Наука и просвещение, 2022. С. 167–170.

7. *Хайниш С. В.* Нестандартные ситуации: практикум для хозяйственных руководителей. М.: Экономика, 1992. 205 с.

8. *Хуатэн М., Чжаоли М., Дели Я., Хуалей В.* Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики: пер. с кит. М.: Интеллектуальная литература, 2019. 250 с.

9. *Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, изменение*: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 9–12 апреля 2019 г.) / науч. ред. Л. М. Гохберг. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 82 с.

10. *Широкова Е. В.* Возможности и перспективы цифровой модернизации регионального сельского хозяйства // *Агропромышленный комплекс: состояние, проблемы, перспективы*: сб. ст. XVII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 24–25 октября 2022 г.). Пенза: Пензенский ГАУ, 2022. С. 489–492.

11. *Brennen J. S., Kreiss D.* Digitalization // *The International Encyclopedia of Communication Theory and Philosophy*: in 4 vol. London: Wiley, 2016. Vol. 1. URL: <https://doi.org/10.1002/9781118766804.wbiect111> (дата обращения: 01.12.2022).

Финансовые войны в новоиндустриальном мире

Авторами рассматривается финансовая война как следующая стадия недобросовестной конкуренции, основанная на введении санкций. В условиях перехода к новоиндустриальному миру значимым становится обеспечение не только финансовой, но и промышленной безопасности, которая выражается в развитии промышленности, использовании ее потенциала и возможности экспорта своей продукции по конкурентоспособной цене. По результатам исследования авторами предлагаются мероприятия по противодействию финансовым войнам, дальнейшему обеспечению экономической безопасности страны и развитию промышленности.

Ключевые слова: новоиндустриальный мир; цифровая трансформация; финансовая война; санкции; промышленный потенциал.

Что такое финансовая война? Чем финансовая война отличается от недобросовестной конкуренции? Каковы последствия финансовых войн? На эти и другие вопросы авторами даны ответы в статье.

События последнего десятилетия показали, что в мировой экономике произошли масштабные сдвиги, цифровые технологии, включая роботизацию, привели к исключению человеческого труда из основного аргумента размещения производства. Азиатский регион перестал быть центром притяжения размещения промышленности, так как уже видны процессы возврата производства из Китая в США и Европу.

Следует отметить, что развитые страны в конце XX в. рассматривали сферу услуг как основу формирования ВВП, тогда доля сферы услуг доходила до 75–90 % ВВП, но сейчас основным драйвером развития становится новая промышленность на основе цифровой трансформации, как и в целом вся цифровая экономика.

Мир стремительно развивается, и его неотъемлемой частью стали цифровые технологии, которые проникли во все сферы жизни общества. Мировая экономика перешла от постиндустриального к новоиндустриальному типу, где драйвером становится цифровое производство.

Глобализация, проводимая западными странами с конца XX в., дала свои результаты в виде международного разделения

труда и олигополии корпораций. Для захвата новых рынков, устранения конкурентов, как в лице предприятий, так и государств, процессы недобросовестной конкуренции постоянно совершенствовались. И если изначально недобросовестная конкуренция была нацелена на захват чужой доли рынка и протекционизм, то сейчас целью является финансовое или физическое устранение множества конкурентов или целых отраслей государств-конкурентов. Можно говорить о следующем уровне недобросовестной конкуренции — финансовой войне.

Среди финансовых войн можно выделить два типа: ведущиеся в мирное или в военное время. В зависимости от типа применяются разные инструменты, методики и стратегии.

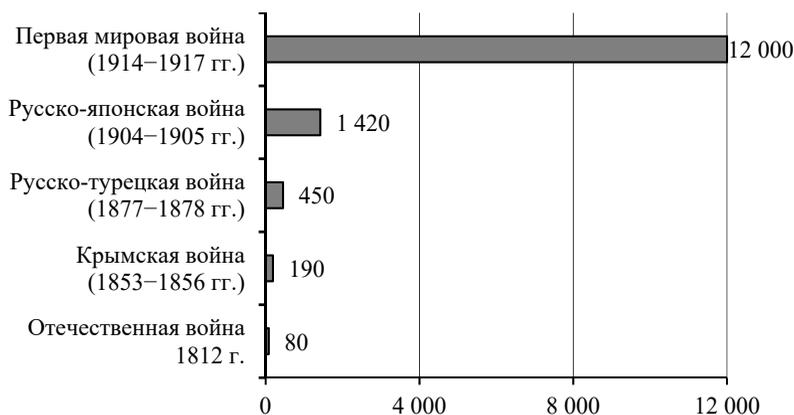
Военные действия всегда были неотъемлемой частью развития экономики, но с течением времени они трансформировались: появлялись новые виды вооружения, повышалась обороноспособность стран, изменялись методы ведения военных действий. В современном мире все большую популярность приобретают финансовые войны, что объясняется необходимостью обеспечения не только экономического роста, но и конкурентоспособности национальной экономики на глобальном рынке.

Вопросы обеспечения благополучия нашего государства всегда входили в перечень ключевых. При этом, как отмечает В. Д. Соколовский, «дореволюционная Россия ... будучи страной отсталой в экономическом отношении и целиком зависимой от иностранного капитала, все же благодаря огромным людским ресурсам считалась в военном отношении довольно сильной державой» [2, с. 37]. С развитием торговли, промышленности и путей сообщения стали увеличиваться не только размах военных действий, но и затраты на их проведение. В качестве доказательства В. Д. Соколовский приводит данные о стоимости одного года войны России в XIX и XX вв. (см. рисунок).

Как видно из рисунка, затраты на военные действия увеличиваются. В связи с этим усиливается актуальность трансформации военных действий и снижения затрат на них.

В современных условиях можно говорить о таком явлении, как гибридная война, включающая в себя также кибервойну и финансовую войну. Учитывая тот факт, что в XXI в. цифровое пространство стало занимать одно из значимых мест в жизни обще-

ства и государства в целом, разделять кибервойну и финансовую войну, по мнению авторов, не совсем целесообразно.

Стоимость года войны, млн золотых рублей¹

Как отмечает в своем исследовании А. Е. Шагов, «для подрыва мощи враждебного государства в гибридной войне часто используются инструменты, не связанные с обычными боевыми действиями. Они предназначены, чтобы отсрочить осознание военно-политическим руководством страны-жертвы того факта, что произошло нападение, парализовать процесс принятия решений и удержать от решительных действий по обеспечению национальной безопасности» [4, с. 668].

По мнению Т. А. Югай, к целям гибридных технологий относятся «снижение инвестиционной привлекательности страны-мишени, стимулирование оттока иностранных инвестиций, дискредитация политических лидеров, подготовка почвы для политического и военного вмешательства во внутренние дела страны, провокация массовых беспорядков, осуществление „цветных революций“ и, в конечном счете, смена неуютного режима» [5, с. 115].

В свою очередь, целью финансовой войны является разрушение промышленного потенциала территории, подчинение всего государства либо установление контроля над какой-то его

¹ Сост. по: [2, с. 37].

частью, что может выражаться в подавлении стремления атакуемого государства к геополитическим преимуществам как в целом, так и в конкретной сфере деятельности.

Цели финансовых войн могут различаться. Это может быть как значительный финансовый выигрыш и даже контроль над территорией страны противника, так и контроль над финансовой системой страны, где в качестве инструментов финансовой войны выступают национальная валюта, замораживание и девальвация финансовых активов.

Стратегия и тактика финансовых войн различны и зависят от текущей ситуации. Самый простой вариант: создание паники инвесторов на финансовом рынке, что далее ведет к девальвации национальной валюты и снижению стоимости и дальнейшей скупке акций ключевых предприятий, что в условиях новоиндустриализации весьма актуально.

К тактическим приемам можно отнести информационно-психологическую работу с населением, инвесторами, правительством с целью формирования мнения о неизбежности краха национальной финансовой системы. Далее принимаются меры по установлению контроля над системообразующими предприятиями. После чего наступает кульминация всего процесса — финансовый кризис и разрушение национальной экономики.

Как отмечают В. С. Васильев и Е. А. Роговский, финансовые войны могут вызвать новый тип кризиса в общественно-политической сфере, который характеризуется тем, что ни один чиновник либо командная цепочка не пострадают, но при этом «страна пострадает так же, как если бы произошло землетрясение, поразившее основные города, поскольку будут потеряны триллионы долларов национального богатства. Банки и биржи закроются, а ликвидность на рынках превратится в дым» [1, с. 52].

С Российской Федерацией уже давно ведется финансовая война через введение новых пакетов санкций, которые затронули все сферы и отрасли национальной экономики.

Характеризуя введенные санкции в отношении России, можно выделить следующие направления:

– возможность блокировать Министерством финансов США любые активы на территории страны в случае подозрения в совершении кибератак;

– запрет экспорта на территорию Российской Федерации «товаров и технологий, которые контролируются американскими регуляторами по критерию „Национальная безопасность“ (это, например, авионика, подводные аппараты, некоторые газовые турбины, калибровочное оборудование и т. д.). Под исключение попали товары и технологии, необходимые для обеспечения безопасности гражданской пассажирской авиации»¹;

– запрет в оборонном секторе импорта/экспорта вооружений и сопутствующих материалов, а также товаров и услуг двойного назначения как на территорию России, так и из страны;

– запрет для лиц и компаний, попавших под санкции США, экспорта на территорию Российской Федерации товаров (услуг, технологий), связанных со сланцевыми проектами, с глубоководной добычей, а также с разведкой и добычей нефти на Арктическом шельфе;

– введение процедуры лицензирования сделок, связанных с товарами и технологиями для добычи и разведки нефти и иных полезных ископаемых (для лиц и компаний, попавших под санкции ЕС);

– введение потолка цен для российских нефтепродуктов;

– в ряде государств введение ограничений/запретов на осуществление инвестиций в российскую энергетику;

– закрепление на законодательном уровне возможности конфискации активов лиц, находящихся под санкциями;

– ограничение доступа к ключевым промышленным ресурсам, технологиям и услугам, которые позволят поддержать промышленность России.

Кроме того, наблюдается попытка изолировать страну путем приостановления ее участия в ВТО, Европейском пространстве высшего образования, Генеральной Ассамблее ООН, Европоле, Интерполе, Организации экономического сотрудничества, Общеввропейской федерации академий наук ALLEA. В отношении банков и банковской деятельности также были введены санкции: установлены ограничения для российских банков на снятие наличных за пределами РФ в платежной системе UnionPay; при-

¹ Восемь лет санкций против России. Главное / Официальный сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/10/2021/5bffb0f09a79470ff5378627> (дата обращения: 20.02.2023).

остановлен доступ ЦБ РФ к услугам Банка международных расчетов (BIS); заблокирован доступ российских пользователей с общей стоимостью активов более 10 000 евро к криптобиржам Coinbase и Binance; приостановлено предоставление своих продуктов/услуг Bloomberg LP, Группой компаний Лондонской фондовой биржи (LSEG), Refinitiv; отключены от SWIFT попавшие под санкции банки; перестали работать на территории РФ JCB (японская платежная система), Western Union, PayPal, Samsung pay, Revolut, Visa, MasterCard, Google Pay, Apple Pay.

С июня 2022 г. Всемирная ассоциация производителей стали приостановила сотрудничество с металлургическими компаниями России.

Что касается авиационного сообщения и навигации, то были введены ограничения на заход судов в порты ряда государств, а также на возможность использования воздушных судов, находящихся в лизинге. Бразильский авиастроительный конгломерат, один из лидеров мирового рынка пассажирских региональных самолетов Embraer, отказался от поставки запчастей и технического обслуживания. Американская компания Boeing и французская Airbus приостановили продажу и техническое обслуживание воздушных судов.

Также санкции коснулись медиа и Интернета. Так, в зарубежных странах был введен запрет на вещание ряда российских каналов и ограничен доступ к российским социальным сетям.

Международный олимпийский комитет не предоставил российским каналам возможность транслировать Олимпийские игры в 2026 и 2028 гг.

Таким образом, наблюдается беспрецедентное санкционное давление как элемент финансовой войны с Россией, что требует жесткого и нестандартного ответа на введенные санкционные ограничения.

Все ответные меры можно разделить на зеркальные, меры поддержки и меры предупреждения. В целом антисанкционные меры со стороны России направлены на валютное регулирование, таможенное регулирование, вывоз товаров, поддержку бизнеса, финансового сектора (в том числе кредитование, деньги и международное сотрудничество).

Одним из наиболее приоритетных направлений в дальнейшем является обеспечение технологического суверенитета

с целью минимизации возможности отключения и блокировки российского общества, развитие национальных цифровых технологий и цифровых финансов, в том числе переход на взаиморасчет в национальных валютах с целью снижения уровня зависимости от курса доллара США.

Одним из наиболее перспективных направлений является обеспечение промышленного суверенитета и экономической безопасности страны на основе использования ее цифрового, промышленного и иных потенциалов.

В завершение статьи отметим, что авторами не случайно выбран термин «финансовая война», это говорит о серьезном уровне опасности для национальной финансовой системы и российской экономики. Как и в любой войне, для победы необходимо переносить действия на территорию противника, применять доступные средства финансового характера и воздействовать на финансовые и денежно-кредитные системы противника, использовать средства по разрушению финансовой и экономической инфраструктуры недопустимые к применению в условиях мирного времени.

Авторами только начато исследование финансовых войн [3], одним из дальнейших направлений станут исследования в области стратегии и тактики защиты, стратегии превентивного удара и нападения в финансовой войне, что позволит обезопасить финансовую систему и экономику нашей страны.

Библиографический список

1. *Васильев В. С., Роговский Е. А.* Главный парадокс рыночной экономики, или финансовая война как новая «холодная война» // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 3 (543). С. 47–62.
2. *Военная стратегия* / под ред. В. Д. Соколовского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1963. 504 с.
3. *Усова Н. В., Логинов М. П.* К вопросу о развитии экономики: от ручного труда к цифровизации // *Ars Administrandi*. Искусство управления. 2022. Т. 14, № 3. С. 377–402.
4. *Шагов А. Е.* Элементы гибридной войны // *Заметки ученого*. 2021. № 4-1. С. 667–671.
5. *Югай Т. А.* Информационно-финансовые технологии гибридной войны // *Вооружение и экономика*. 2016. № 4 (37). С. 113–127.

Основные тренды и перспективы развития дистанционной занятости

Рассмотрены тренды дистанционной занятости. Выделены три периода развития (допандемийный, в период пандемии, постпандемийный) и их характерные особенности. Определены перспективы дальнейшего совершенствования законодательной базы дистанционного труда.

Ключевые слова: дистанционная занятость; дистанционный труд; правовое регулирование; цифровая занятость; рынок труда.

Развитие дистанционной занятости в России по состоянию на начало 2023 г. можно разделить на три этапа, различающихся по экономическим, правовым и управленческим основаниям:

- допандемийный период (до 2020 г.);
- период пандемии (2020 г. — начало 2022 г.);
- постпандемийный период (с февраля 2022 г.).

В рамках первого, допандемийного периода российские работодатели создавали дистанционные рабочие места по мере необходимости. Статистические данные свидетельствуют о том, что доля дистанционных работников до 2020 г. не превышала 1 % в общем объеме занятости. Рабочие места активно создавались в сфере информационных технологий, телекоммуникаций, финансового сектора, СМИ, рекламы. С правовой точки зрения труд дистанционных работников регламентировался трудовым законодательством рамочно. Проведенный ранее сравнительно-правовой анализ показал, что дистанционным работникам в России предоставлялся значительно меньший объем гарантий [1]. Для работодателей в этот период не были установлены обязанности по компенсации расходов дистанционных работников, много спорных моментов возникало в сфере охраны труда, при расторжении трудового договора с дистанционными работниками.

Существенные изменения в сфере дистанционной занятости произошли на фоне пандемии Covid-19. Введение общенациональных локдаунов и ограничений привело к пересмотру позиции государства, работников и работодателей относительно дистанционного труда. В условиях пандемии более 80 % работодателей использовали дистанционный труд в той мере, в которой это было возможно с учетом особенностей организации произ-

водственного процесса. В 2021 г. глава Трудового кодекса РФ, посвященная труду дистанционных работников, подверглась кардинальному пересмотру. Среди основных положительных моментов можно отметить:

- более детальное регламентирование правового положения дистанционных работников, порядка заключения трудового договора и организации труда;
- предоставление возможности использования дистанционного формата, как полного, так и частичного;
- закрепление обязанности работодателя по компенсации расходов дистанционных работников;
- сокращение правовых оснований расторжения трудового договора с дистанционным работником.

Несмотря на столь существенные положительные новации, некоторые специалисты считают, что эти поправки не решили весь спектр накопленных проблем, в том числе в части «права на отключение» [2]. Кроме того, пандемия дала толчок развитию платформенной и сетевой занятости, которые еще пока практически не имеют законодательного фундамента [3].

В период пандемии у большинства работодателей стал формироваться опыт управления дистанционными работниками. Во многих компаниях были разработаны локальные нормативные акты, детально регулирующие этот вид занятости. Экспертные опросы и интервью, проводимые Свердловской региональной общественной организацией «Ассоциация руководителей и специалистов по управлению человеческими ресурсами» (СРОО «АРС УЧР»), лабораторией исследования цифровой занятости и благополучия населения Уральского государственного экономического университета, показывают, что отношение работодателей к дистанционному труду неоднородно. В сфере информационных технологий, банковском секторе дистанционный труд оценивается чаще более позитивно. Руководители предприятий реального сектора экономики, оборонного комплекса, торговли относятся к дистанционному формату занятости скорее критично. Среди наиболее сложных вопросов выделяют вопросы производительности труда, информационной безопасности, защиты персональных данных и коммерческой тайны.

Период пандемии оказал существенное влияние и на отношение работников к дистанционному труду. Как уже был отмечено, до 2020 г. дистанционный формат работы был распространен значительно меньше. Введение ограничений и запретов, стремительный переход на дистанционный формат занятости потребовали от работников быстрого обучения, освоения многих технологических сервисов, организации рабочего места на дому. В постпандемийный период значительная часть работников вошла с новыми цифровыми компетенциями. По результатам опросов, более половины российских работников высказывают готовность к полной или хотя бы частичной дистанционной занятости.

В рамках третьего этапа наибольшее влияние на рынок труда оказывают геополитические факторы. В условиях начавшейся специальной военной операции и объявленной в сентябре 2022 г. мобилизации рынок труда столкнулся с резким оттоком квалифицированных кадров. Особенно остро эта проблема встала именно в тех отраслях экономики, где доля дистанционных работников была высокой еще в предыдущие периоды. Отток специалистов в сфере информационных технологий вызван сочетанием нескольких факторов, в том числе невозможностью продолжать работу в России полноценно из-за блокировки многих видов программного обеспечения зарубежного производства. Перевод IT-подразделений в другие юрисдикции стал вынужденной мерой, позволяющей поддерживать операционные процессы. Возможность работать дистанционно дает финансовую базу релокации российских работников. Острота проблемы оттока квалифицированных кадров поставила перед российским законодателем новые вопросы. По состоянию на февраль 2023 г. в Государственную Думу вносятся законопроекты по запрету дистанционного труда для отдельных категорий работников, повышению налоговых ставок, использованию мер валютного регулирования для стимулирования возврата в российскую юрисдикцию.

Представленный обзор показывает, что на каждом этапе развитие законодательства в сфере дистанционного труда вынуждено формировать ответы на возникающие запросы и угрозы. И если период пандемии привел к значительной либерализации законодательства и улучшению прав дистанционных работников,

то на новом этапе можно прогнозировать, скорее, обратную тенденцию в сторону увеличения запретов и ограничений.

Для иллюстрации актуального состояния рынка труда и особенностей дистанционной занятости представим данные небольшого исследования, проведенного в феврале 2023 г. на основании данных портала HeadHunter. В рамках исследования определено:

- количество дистанционных вакансий и их распределение по субъектам Российской Федерации;
- основные отрасли, в которых сформированы такие вакансии;
- наиболее востребованные вакансии и средний уровень заработной платы;
- требования к образованию и опыту работы.

Всего на портале размещено более 60 тыс. вакансий. С географической точки зрения примерно 24 % вакансий приходится на Москву; 7,6 % — на Санкт-Петербург; около 4 % — на Краснодарский край и примерно 3,3 % — на Свердловскую область. Наименьшее количество вакансий зафиксировано в республиках Северного Кавказа, Тыве, Хакасии.

В отраслевом разрезе более 50 % вакансий приходится на сферу информационных технологий, на втором месте — банковский сектор (примерно 15 % вакансий). Кроме того, в период пандемии дистанционные рабочие места стали активно создаваться в сфере образования. На нее приходится примерно 5,5 % вакансий. Среди других лидеров можно выделить СМИ, рекламу, маркетинг, дизайн, сферу развлечений. В топ-5 наиболее популярных профессий входят менеджеры по продажам, специалисты колл-центров, операторы технической поддержки, программисты и разработчики.

Уровень оплаты труда по дистанционным вакансиям дифференцируется по регионам, особенностям выполняемой работы и времени занятости. Около 80 % вакансий имеет заявленный уровень оплаты труда до 65 тыс. р. Наиболее высокая заработная плата предлагается разработчикам. По таким вакансиям заявленный размер заработной платы может превышать 300 тыс. р. Количество таких вакансий не превышает 3 %, причем к кандидатам предъявляются высокие требования.

При анализе требований к опыту работы соискателей получены следующие данные. Около 45 % работодателей не предъявляют требований к стажу, еще около 40 % предпочитают нанимать работников с опытом от 1 года до 3 лет, 15 % работодателей в качестве требования указывают стаж более 3 лет. Представленные данные коррелируют с высказанным ранее мнением о том, что дистанционная занятость — сравнительно молодой формат для российского рынка труда. Пик формирования компетенций приходится на период с 2020 г. Анализ предпочтений работодателей показывает, что на данном этапе предпочтения отдаются скорее опыту, нежели образованию.

Более детальное изучение вакансий позволяет выделить проблемное поле современного этапа развития дистанционной занятости. Далеко не все работодатели готовы к предоставлению более гибких условий труда. Такое отставание в перспективе может усилить отток кадров по тем специальностям, где растет доля дистанционных вакансий. На данном этапе работодателям можно рекомендовать проведение стратегического планирования с выделением тех видов работ, где дистанционный труд возможен. Правовое регулирование дистанционной занятости также нуждается в дальнейшей проработке. К числу проблем можно отнести вытеснение дистанционных работников в сферу самозанятости, приводящее к снижению социальных гарантий. Кроме того, можно прогнозировать изменения законодательного базиса в части налогообложения работников, осуществлявших трудовую деятельность из иностранных юрисдикций.

Библиографический список

1. *Кожевников О. А.* Регулирование труда дистанционных работников в России и за рубежом // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, № 3. С. 563–583.
2. *Люттов Н. Л.* Новые нормы о дистанционном труде: решены ли старые проблемы? // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 6 (175). С. 36–45.
3. *Рожкова А. Ю.* Особенности дистанционного труда: сетевая и платформенная занятость // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 42, № 2. С. 112–120.

Развитие пространственной инфраструктурной системы региона: современные подходы и методы исследования

Рассмотрены современные принципы и методы исследования пространственных инфраструктурных систем региона, основанные на синтезе методологических подходов. Показано, что в настоящее время актуализируются пространственно-временные исследования инфраструктуры, а сложившиеся методы ее изучения сформированы в контексте региональных, отраслевых, корпоративных исследований.

Ключевые слова: регион; инфраструктура; региональное развитие; экономическое пространство.

В настоящее время в региональной экономике и пространственных исследованиях формируется новый взгляд на развитие инфраструктуры, согласно которому она рассматривается не только как обслуживающая система, а как коммуникационная связующая платформа развития территорий [14]. Пространственная инфраструктурная система (далее — ПриС) рассматривается как стабилизирующий фактор регионального развития, при этом наличие, надежное и бесперебойное функционирование становится безусловным фактором регионального развития, а видимая зависимость от нее структуры хозяйства ослабевает [17]. В то же время актуализируется задача формирования инфраструктуры и создания инфраструктурного обеспечения, ориентированного на усиление системных эффектов отраслевых, региональных, территориальных социально-экономических систем [6].

Основные положения изучения развития инфраструктуры нашли отражение в исследованиях по региональной, пространственной эволюционной, системной экономике, которые определяют комплекс методологических положений, совокупность приемов, способов, направлений исследования.

Региональный подход (Е. Г. Анимича, А. Г. Гранберг, Ю. Г. Саушкин, Т. Ф. Шарифьянов, С. В. Кузнецов, Ю. Г. Лаврикова и др.) позволяет исследовать ПриС во взаимосвязи с конкретной территорией (регионом), размещением объектов, экономической деятельности и др. [7; 14; 16; 18]. Системный подход (Л. Берталанфи, Г. Б. Клейнер, М. А. Рыбачук, М. В. Блауберг, А. В. Буравцев и др.) дает возможность исследовать ПриС как ре-

гиональную систему во взаимосвязи ее элементов как между собой, так и с другими региональными социально-экономическими системами [5]. Эволюционный подход (Л. Абалкин, Д. Львов, В. Маевский, В. Полтерович, Е. Б. Дворяджина, Р. Нельсон, С. Уинтер и др.) позволяет выявлять зависимости, взаимосвязи между эволюцией инфраструктуры и развитием региональных социально-экономических систем [2; 8; 11; 12]. Пространственный подход (П. А. Минакир, Б. Х. Краснопольский, Н. М. Сурнина, П. А. Пыхов, Т. О. Кашина и др.) предоставляет возможность исследовать развитие инфраструктуры и размещение ее объектов в экономическом пространстве региона, устанавливая влияние на пространственные характеристики [6; 10; 13; 17]. Инфраструктурный подход (Р. Йохимсен, Д. Рей, П. Самуэльсон, П. Розенштейн-Родан, К. Виксель и др.) позволяет рассматривать состав, задачи развития инфраструктуры, ее элементов и др. [15; 21]. Использование синтеза указанных подходов в исследовании ПриС позволяет получить комплексное представление о ее развитии, роли, функциях в региональном и пространственном развитии, предложить наиболее подходящие инструменты управления и планирования.

Обобщение теоретических и методологических аспектов развития ПриС в рамках указанных подходов позволяет сформулировать наиболее значимые принципы ее исследования:

- целостность ПриС (системный, инфраструктурный подходы);
- структурированность ПриС в развитии региона (системный, инфраструктурный подходы);
- связанность функционирования ПриС и экономического пространства (пространственный, системный, региональный подходы);
- резилентность ПриС в региональном развитии (пространственный, эволюционный, региональный подходы, теории постиндустриального общества и устойчивого развития);
- управляемость развития ПриС (региональный, пространственный подходы);
- измеримость (пространственный, региональный, инфраструктурный подходы);
- взаимодополняемость ПриС и региональных социально-экономических систем (региональный, эволюционный подходы).

Рассмотренные подходы и принципы определяют выбор конкретных методов и параметров исследования ПриИС.

Современные методы изучения инфраструктурных систем региона сформированы в контексте региональных, отраслевых, корпоративных исследований, а также на их синтезе. Методы региональных исследований инфраструктуры (Л. В. Дорофеева, А. Г. Волкова, А. Ю. Даванков, Д. Ю. Двинин, Р. М. Мельников, Д. А. Ашауэр и др.) изучают влияние на развитие региона, пространственные трансформации обеспеченности территорий объектами инфраструктуры и др. в аспекте решения задач регионального развития [1; 4; 10; 20]. Инструменты и методы исследования, используемые в рамках отраслевого подхода (А. В. Маслобоев, В. В. Быстров, Д. Н. Халиуллина, А. Ю. Домников, Л. В. Домникова и др.) направлены на оценку экономико-технических, технологических показателей состояния и развития инфраструктуры [3; 9]. Комплекс методов в рамках корпоративных исследований (стандарты корпоративной отчетности, рейтинги, рэнкинги и др.) предусматривает анализ показателей технико-экономического, финансово-экономического развития инфраструктуры.

В работах Б. Х. Краснопольского предлагается подход к исследованию развития инфраструктуры в пространстве, основанный на положениях системно-эволюционной парадигмы, а также обосновывается необходимость разработки методов оценки системного влияния инфраструктуры на конечные результаты функционирования пространственно-хозяйственных образований [6].

В современный период широкое распространение получили методики оценки инфраструктуры, основанные на ранжировании параметров ее развития и построении рейтингов и рэнкингов (например, Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ¹ и др.). Результаты ранжирования позволяют упорядочить инфраструктурные системы по определенным показателям в соответствии с типом, пространственной позицией и т. д.

В настоящее время аналитические исследования инфраструктуры представлены также в рамках платформ поддержки инфраструктурных проектов, групп развития национального

¹ *Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата.* URL: <https://asi.ru/investclimate/rating/#methodology> (дата обращения: 25.02.2023).

инфраструктурного рынка (например, цифровая платформа «РОСИНФРА»¹, индексы развития инфраструктуры, рассчитываемые Группой InfraOne (InfraOne Research²), и др.). Развитие зарубежной и отечественной теории и практики формирования устойчивой инфраструктуры способствовало разработке инструментов и методов ее оценки, среди которых выделяют инструменты отчетности, раскрытия проектной информации и инструменты анализа и оценки инфраструктурных проектов [19].

Таким образом, рассмотренные методики исследования направлены на изучение развития инфраструктурных систем в региональном, отраслевом, корпоративном аспектах. Методики, имеющие интегральный характер, ограничены, а проводимый анализ, как правило, имеет привязку к границам регионов и муниципальных образований согласно действующему административно-территориальному делению. Основными ограничениями использования указанных методик являются: во-первых, ограниченный набор показателей, публикуемый в официальных источниках; во-вторых, использование параметров, имеющих разные единицы измерения, время и место сбора данных, в-третьих, наличие значительного временного лага между сбором и публикацией данных. Поэтому актуализируется задача формирования методического обеспечения исследования инфраструктурных систем региона, позволяющего комплексно оценить состояние и тенденции развития элементов ПриС в контексте обеспечения регионального развития на основе синтеза отраслевого, корпоративного и регионального анализа, оценки взаимосвязей и взаимозависимостей развития инфраструктуры и региона.

Библиографический список

1. Двинин Д. Ю., Даванков А. Ю. Влияние альтернативных источников энергии на социо-эколого-экономическую сбалансированность регионов. Челябинск: ЧелГУ, 2022. 126 с.

2. Дворядкина Е. Б., Сапожникова Е. Э. Региональная рыночная инфраструктура: эволюционный подход к исследованию. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2010. 252 с.

¹ РОСИНФРА (Платформа для подготовки проектов и привлечения инвестиций в инфраструктуру). URL: <https://rosinfra.ru/> (дата обращения: 25.02.2023).

² InfraOne («Первая инфраструктурная компания»). URL: <https://infraone.ru/>; InfraOne Research. URL: <https://infraoneresearch.ru> (дата обращения: 25.02.2023).

3. Домников А. Ю., Домникова Л. В. Управление развитием региональных систем когенерации энергии. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2020. 375 с.
4. Дорофеева Л. В. Оценка инфраструктурного потенциала в составе факторов конкурентоспособности регионов // Экономика и социум. 2016. № 11-1 (30). С. 477–485.
5. Клейнер Г. Б., Рыбачук М. А. Системная сбалансированность экономики: монография. М.: Научная библиотека, 2017. 320 с.
6. Краснопольский Б. Х. Влияние магистральной инфраструктуры на эффективность пространственно-хозяйственных образований: подходы к оценке // Регионалистика. 2021. Т. 8, № 3. С. 56–71. DOI: <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.3.56>.
7. Кузнецов С. В. Инфраструктура как фактор развития региональной экономики // Экономика и управление. 2018. № 11 (157). С. 57–62.
8. Маевский В. И. Введение в эволюционную макроэкономику: монография. М.: Япония сегодня, 1997. 107 с.
9. Маслобоев А. В., Быстров В. В. Концептуальная модель жизнеспособности критических инфраструктур в контексте современной теории безопасности сложных систем // Экономика. Информатика. 2020. № 3. С. 555–572.
10. Минакир П. А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 4. С. 967–980.
11. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционный подход в экономической науке // Экономика образования. 2007. № 3. С. 94–96.
12. Полтерович В., Попов В. Эволюционная теория экономической политики. Часть 1: Опыт быстрого развития // Вопросы экономики. 2006. № 7. С. 4–23.
13. Пыхов П. А., Кашина Т. О. Инфраструктура как объект экономических исследований // Журнал экономической теории. 2016. № 1. С. 39–46.
14. Развитие парадигмальных идей в отечественной региональной экономике / Е. Г. Анимица, В. С. Антонюк, Т. А. Балина и др. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2022. 346 с.
15. Самуэльсон П. Экономика. М., 1964. 843 с.
16. Стратегирование пространственного развития и инфраструктурного обустройства территорий: монография / Ю. Г. Лаврикова, С. Н. Котлярова, А. В. Суворова и др. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2018. 178 с.
17. Сурнина Н. М., Шишкина Е. А. Теоретико-методологические и практические аспекты исследования пространственных инфраструктур

турных систем региона // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 10. С. 2701–2724. DOI: 10.18334/epw.12.10.116378.

18. Шарифьянов Т. Ф. Механизм диффузии связующей инфраструктуры на периферийные территории // Сб. материалов IV Рос. экон. конгресса (РЭК-2020) / сост.: Н. В. Зубаревич, П. А. Минакир. М., 2020. Т. IX. С. 258–261.

19. Шишкина Е. А. Формирование устойчивой инфраструктуры региона: подходы к определению и оценке // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 1. С. 46–50.

20. Aschauer D. A. Is public expenditure productive? // Journal of Monetary Economics. 1989. Vol. 23, no. 2. P. 177–200.

21. Hirshman A. The Strategy of Economic Development. New Haven, 1958. 217 p.

Л. И. ЮЗОВИЧ

Сценарная практика применения Банком России режима таргетирования инфляции в условиях новых вызовов

Статья посвящена сценарному подходу к таргетированию инфляционных процессов в новых условиях хозяйствования. Предметом исследования выступают экономические отношения, возникающие в процессе применения мегарегулятора режима таргетирования инфляции с использованием разных инструментов денежно-кредитной политики.

Ключевые слова: таргетирование; инфляция; денежно-кредитная политика; сценарный подход; монетарная политика.

Неопределенность последствий пандемии коронавируса привела к высокой волатильности практически на всех рынках. Помимо этого, кризисные явления распространялись в финансовом секторе. В таких условиях Банк России обозначил несколько задач: стабильность самих финансовых институтов, реструктуризация кредитов субъектов, пострадавших от пандемии, и продолжение кредитования [3]. Отчет об «Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики», формируемый Банком России, создается с учетом совокупности экономических факторов, способных оказать влияние на экономику страны в прогнозируемом периоде. В отчете за 2020 г. отмечалась необходимость смягчения условий проведения денежно-кредит-

ной политики. Также в отчете была отмечена направленность действий Банка России на поддержание внутренней экономической стабильности и замедление инфляции, а также ее сохранение на уровне 4 %.

В таблице представлены сценарии направлений денежно-кредитной политики Банка России на 2020–2022 гг.

Сценарии денежно-кредитной политики Банка России на 2020–2022 гг.

Сценарии	Содержательный контент
2020 г.	
Базовый сценарий	Наиболее вероятный сценарий, основанный на предположении о том, что рост мировой экономики замедлится и будет связан с ожидаемым ужесточением международных торговых ограничений
Сценарий II (альтернативный)	Сценарий, предполагающий более высокие темпы роста мировой экономики и, как следствие, более высокую траекторию цен на нефть
Сценарий III (рисковый)	Сценарий, предполагающий значительное ухудшение внешних условий на всем прогнозном горизонте с резким и глубоким падением цен на нефть
2021 г.	
Базовый сценарий	Рост волатильности потоков капитала. Слабое восстановление мировой экономики сопровождается отрицательным разрывом торгового баланса
Проинфляционный сценарий	Перманентное восстановление мировой экономики. Уменьшение рисков, связанных с коронавирусом
Дезинфляционный сценарий	Остановить распространение вируса в полной мере невозможно. Продолжительное сохранение ограничительных мер. Слабое восстановление российской экономики
Рисковый сценарий	Повторный рост заболеваемости, увеличение эпидемиологических рисков, противоречия в торговых отношениях, долговые обязательства стран. Существенное снижение кредитной активности
2022 г.	
Базовый сценарий	Рост российской и мировой экономики в условиях постепенного улучшения эпидемической ситуации. Снижение инфляционного давления
Сценарий «Усиление пандемии»	Существенное ухудшение эпидемической ситуации. Резкое снижение цен на нефть до 50 долл. США за баррель как следствие эпидемических ограничений. Снижение спроса и цен на товары российского экспорта

Окончание таблицы

Сценарии	Содержательный контент
Сценарий «Глобальная инфляция»	Превышение спроса над возможными предложениями. Мировая экономика в состоянии рецессии. Увеличение инфляционных ожиданий, цены на нефть до 80 долл. США за баррель. Перевод денежно-кредитной политики в кризисные условия с применением соответствующих инструментов регулирования
Сценарий «Финансовый кризис»	Накопленные дисбалансы на рынках активов продолжают расти. Мягкая денежно-кредитная политика

Примечание. Сост. по: Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов // Центральный банк Российской Федерации. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/87358/on_2020\(2021-2022\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/87358/on_2020(2021-2022).pdf) (дата обращения: 20.12.2022).

Согласно базовому сценарию, в 2020 г. ожидалось [1]:

- невысокий темп роста экономики — около 1,5–2,0 %;
- повышение кредитной активности;
- сохранение санкций, введенных в отношении России в 2014–2019 гг.;
- изменение налоговой политики;
- значение скользящей среднегодовой инфляции 3,1–3,5 %.

Значительным риском отклонения инфляции вверх от базового прогноза являлась высокая чувствительность инфляционных ожиданий к повышению цен на отдельные товары и услуги. В целом ожидалось, что годовая инфляция продолжит находиться вблизи целевого значения и окончательно в нем закрепится в 2021 г. [4].

В альтернативном сценарии II Банка России ожидалось:

- более высокие темпы роста мировой экономики;
- мировые цены на нефть вблизи 75 долл. США за баррель;
- инфляционное давление со стороны цен на нефтепродукты;
- более жесткие меры денежно-кредитной политики.

Отличие альтернативного сценария от базового состояло в том, что внутренний спрос будет расширяться быстрее. Предполагалось, что с более высокими ценами на нефть нефтегазовый налоговый маневр окажет положительное влияние на динамику годовой инфляции [6]. В этих условиях инфляция должна была

находиться в тех же интервалах, что и в базовом сценарии, и в целом на всем прогнозном горизонте формироваться вблизи 4 %.

Рисковый сценарий предполагал:

- значительное ухудшение внешних условий;
- снижение темпов роста мировой экономики;
- снижение мировых цен на нефть до 25 долл. США за баррель;

- краткосрочное повышение уровня инфляции до 6,5–8,0 %.

Экономические тенденции в начале 2020 г. соответствовали ожиданиям базового сценария [2]. В связи с этим в 2021 г. была разработана сценарная практика применения Банком России режима таргетирования инфляции в условиях новых вызовов, отражающая возможные риски¹.

Согласно базовому сценарию экономического развития на 2021 г., ожидалось медленное восстановление мировой экономики. Даже к концу прогнозируемого горизонта Банк России предполагал отрицательный разрыв внешнего выпуска [8]. Ускорение распространения коронавируса способствует росту волатильности на финансовых рынках. По мере нормализации экономических условий Банк России планировал переходить от более мягкой монетарной политики к нейтральной, при которой ключевая ставка находится в нейтральном диапазоне 5–6 % годовых [7].

В проинфляционном сценарии, как и в базовом, ожидалось ослабление эпидемиологических рисков и постепенное восстановление мировой экономики. Однако предполагалось неполное восстановление мировой торговли и глобальных цепочек добавленной стоимости. Российская экономика, по ожиданиям, должна была также восстанавливаться более умеренными темпами.

Дезинфляционный сценарий предполагал, что разработанные вакцины не позволят остановить распространение вируса, и правительства будут вынуждены продлить ограничительные меры. Восстановление российской экономики, согласно этому сценарию, будет слабым. Потребительская активность не вернется на докризисные позиции из-за изменившихся во время пан-

¹ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2021 год и период 2022 и 2023 годов // Центральный банк Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2021_2023/ (дата обращения: 20.12.2022).

демии предпочтений и повышенной склонности к сбережению. Расходы домохозяйств ожидаются существенно ниже базового сценария.

В рисковом сценарии предполагалось, что в дополнение к повторному росту заболеваемости последуют и другие вызовы для мировой экономики. Во втором квартале 2022 г. необходимо будет вновь вернуться к мягкой денежно-кредитной политике ввиду усиления таких факторов, как слабая потребительская активность и отмена инвестиционных планов. Несмотря на смягчение монетарной политики, инфляция останется ниже целевого значения [5]. Таким образом, удержание инфляции в целевых значениях в 2021 г. ввиду мировых изменений оказалось возможным не во всех сценариях экономического развития России.

Несмотря на периодическое ухудшение эпидемиологической ситуации в 2021 г., восстановление мировой экономики продолжалось. Экономика России не стала исключением. При формировании основных направлений денежно-кредитной политики на 2022 г. Банк России в дополнение к базовому сценарию рассматривал три альтернативных сценария. Ключевыми факторами были выбраны наиболее неопределенные: эпидемиологическая обстановка, темпы восстановления мирового спроса, реакции центральных банков разных стран на ускорение мировой инфляции. Впервые в данном документе были рассмотрены возможности влияния климатической повестки на условия реализации монетарной политики. В основных направлениях денежно-кредитной политики Центральный банк РФ рассматривал сценарий «Усиление пандемии» в случае существенного ухудшения эпидемической ситуации. В случае отсутствия существенного ухудшения и устойчивого повышения мировой инфляции были рассмотрены сценарии «Финансовый кризис» и «Глобальная инфляция». Базовый сценарий предполагал снижение мировой инфляции и улучшение эпидемической ситуации в мире.

Базовый сценарий предполагал, что темп прироста ВВП в 2022 г. составит 4,0–4,5 % и продолжит сбалансированно расти. В 2021 г. социальные и инфраструктурные меры поддержки, объявленные в бюджетной политике, помогли восстановить внутренний спрос. А инфляция к середине октября 2021 г. значительно превысила целевые значения. Несоответствие спроса и пред-

ложения было вызвано негативным влиянием конъюнктуры глобальных рынков и разрывом цепочек поставок при повышенном спросе. Учитывая характер изменения инфляции, Банк России предполагал, что в 2022 г. годовая инфляция снизится до 4,0–4,5 % под воздействием денежно-кредитной политики при ключевой ставке 5,7–5,8 % в 2021 г. и 7,3–8,3 % в 2022 г.

Сценарий «Усиление пандемии» предполагал ухудшение эпидемической ситуации и введение ограничений в ряде стран. Предполагалось, что спад в российской экономике будет близок к 2020 г. Ожидалось смягчение бюджетной политики при реализации антикризисных мер, резкое снижение потребления домохозяйств на фоне введения противоэпидемических ограничений. В сценарии «Глобальная инфляция» предполагалось, что мировая экономика будет постепенно возвращаться к допандемической траектории. Растущие цены на товарных рынках могли привести к росту цен на нефть до 80 долл. США за баррель. Предполагалось ускорение роста потребительских цен и ужесточение денежно-кредитной политики на данном фоне.

Основное отличие сценария «Финансовый кризис» от сценария «Глобальная инфляция» заключалось в том, что накопленные дисбалансы в мировой экономике продолжат расти. На фоне экономического кризиса экономическая активность будет снижаться. Ожидалась более мягкая бюджетная политика в России для поддержания внутреннего спроса. Предполагалось, что, как и в 2008 г., финансовый кризис приведет к снижению инвестиционных расходов. В данном сценарии Банк России рассматривал исторически минимальные значения ключевой ставки в рамках проведения денежно-кредитной политики.

Таким образом, в трехлетней сценарной практике с 2020 по 2022 г. Центральный банк РФ рассматривал различные изменения внешних и внутренних экономических условий. Однако в каждом из сценариев монетарная политика выступала инструментом регулирования экономического развития. Подводя итог, можно сделать вывод, что с учетом внешних и внутренних факторов Банк России просчитывал использование и реализацию инструментов денежно-кредитной политики для достижения в горизонте событий цели по инфляции и удержания ее в значениях примерно 4 %.

Библиографический список

1. *Балашев Н. Б., Фельдшер А. В.* Результаты таргетирования инфляции в России к концу 2020 года // *Международный журнал гуманитарных естественных наук.* 2020. № 11-3 (50). С. 93–96.

2. *Ведев А. Л.* Сценарии развития экономической ситуации в России в 2020–2021 гг. и вызовы экономической политики // *Мониторинг экономической ситуации в России.* 2020. № 10. С. 77–97.

3. *Велиева Л. Э.* Современная денежно-кредитная политика России: проблемы и перспективы // *Экономическая безопасность: правовые, экономические, экологические аспекты: сб. науч. тр. 4-й Междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 24 апреля 2019 г.).* Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2019. С. 39–42.

4. *Гребенкина А. М., Макеева Н. В., Синельникова-Мурылева Е. В.* Инфляционные процессы в Российской Федерации в условиях кризиса // *Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития.* Т. 10 (112). М.: Фонд «Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара», 2020. С. 47–50.

5. *Гюльмагомедова Г. А.* Проблемы и перспективы реализации денежно-кредитной политики в Российской Федерации на современном этапе // *Экономика и предпринимательство.* 2022. № 7 (144). С. 211–214.

6. *Кудюрова А. В.* Денежно-кредитная политика в условиях инновационной финансовой политики // *Вопросы современных научных исследований: материалы Междунар. (заоч.) науч.-практ. конф. (Кишинев, Молдавия, 14 апреля 2020 г.).* Кишинев: НИЦ «Мир науки», 2020. С. 48–55.

7. *Мироненко Е. Ю., Сырцев Е. И., Лазакович И. В.* Режим таргетирования инфляции в России как метод борьбы с инфляцией // *Экономика, финансы, проектное управление и социальная система России: подходы и перспективы в условиях устойчивого цифрового развития: материалы регион. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых (Краснодар, 21 мая 2021 г.).* Краснодар: Краснодарский ЦНТИ — филиал РЭА Минэнерго России, 2022. С. 220–225.

8. *Утилова Б. Б.* Денежно-кредитная политика как часть экономической политики государства // *Актуальные вопросы современной экономики.* 2021. № 11. С. 1076–1083.

Совершенствование управления предприятием сферы охранных услуг

Представлен обзор рынка охранных услуг, выявлены его проблемы и тенденции. Систематизированы подходы к оценке экономической безопасности предприятий, что способствует совершенствованию управления предприятием сферы охранных услуг.

Ключевые слова: управление; предприятие; услуга; эффективность; риск-менеджмент.

Сфера услуг является одной из динамично развивающихся отраслей в национальной экономике. Услуги оказываются некоммерческими и коммерческими экономическими агентами в условиях турбулентности современной экономики. Охранные услуги — это часть сферы услуг, в последнее время спрос на них возрастает со стороны как юридических, так и физических лиц. Доминирующим фактором, оказывающим влияние на развитие охранных услуг, является экономическая безопасность рыночного субъекта, которая повышает эффективность системы управления предприятием, а также способствует улучшению микро-правового положения хозяйствующего субъекта. Хозяйствующий субъект, функционирующий в сегменте обеспечения безопасности, должен обладать совокупным потенциалом и его эффективно использовать с учетом влияния внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на развитие предприятия. Вопрос обеспечения безопасности рыночных субъектов в настоящее время становится более актуальным, так как напрямую связан с достижением результативности деятельности, в частности, получения максимальной прибыли, финансовой стабильности, повышения уровня конкурентоспособности. Ранее данную тему детально рассматривали такие экономисты, как Д. А. Браун, Н. С. Суттон, М. Винер, Е. Н. Гладковская, Е. Н. Данилова, Е. К. Карпунина, Н. В. Капустина, О. В. Климочкина и др. [1; 2; 3; 4]. Следует отметить, что научно-исследовательское направление по теме экономической безопасности начало зарождаться в 1930-е гг., а в настоящее время требует глубокого рассмотрения из-за усиления конкуренции на рынках.

Для оценки экономической безопасности рыночного субъекта существующие зарубежные методики в основном диагностируют кадровый, финансовый, информационный потенциал, причем по отдельным направлениям, а не в комплексе. Мы считаем, что оценка экономической безопасности должна проводиться комплексным подходом с учетом влияния внешних и внутренних факторов.

К субъектам охранной деятельности относятся рыночные агенты, у которых основной вид экономической деятельности заключается в оказании охранных услуг, правового сопровождения деятельности организации как исполнения публичной функции государства, не исключая привлечения внебюджетных средств на развитие собственной деятельности. Основными задачами обеспечения безопасности деятельности рыночного субъекта являются: обеспечение здоровья контрагентов охранных услуг; сохранность материально-технического оснащения объекта заказчика и территории, закрепленной за ним; предотвращение форс-мажорных ситуаций и в случае их возникновения ликвидация последствий. В настоящее время в сфере охранных услуг функционируют ряд субъектов: вневедомственная охрана; специализированные подразделения по охране важных государственных объектов и специальных грузов; ФГУП «Охрана» Росгвардии, Министерство внутренних дел РФ, хозяйствующие субъекты с особыми уставными задачами. Нами проведена диагностика рынка охранных услуг, в частности, анализ услуг, характеризующий безопасность деятельности экономических агентов. По итогам 2021 г. объем охранного рынка составил 223,96 млрд долл. В таких регионах, как Азия, Ближний Восток, Африка, рынок охранных услуг развит слабо, соответственно, рыночные субъекты могут рассматривать данный сегмент как перспективное «поле» для развития своей деятельности. Существенно выросла выручка от оказания охранных услуг предприятий Индии, России, Китая, Мексики. Результаты исследования представлены на рис. 1.

Интерес представляют охранные услуги, которые оказывают коммерческие организации в виде установки, учета и эксплуатации охранной сигнализации, а также обслуживание в течение деятельности контрагента.

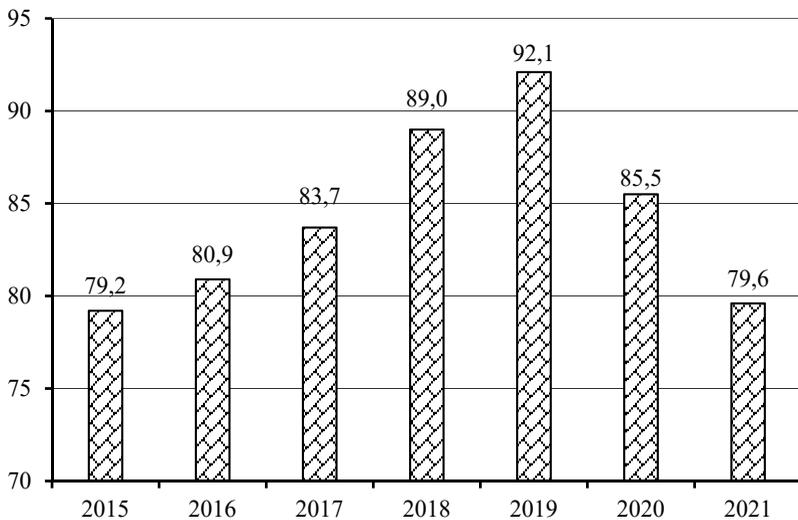

Рис. 1. Динамика объема охранных услуг в России, млн чел.-ч

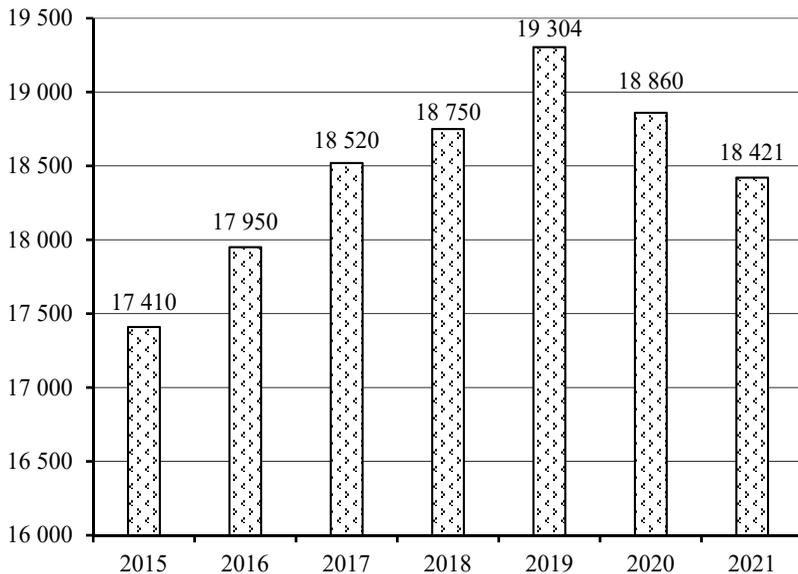

Рис. 2. Динамика количества частных охранных организаций и частных охранных предприятий в РФ за 2015–2021 гг., ед.

Национальный рынок охранных услуг напрямую связан с развитием организаций оптовой и розничной торговли. Ввод в эксплуатацию коммерческой недвижимости (склады, спортивная инфраструктура), розничных торговых предприятий оказал влияние на рост выручки от продажи услуг охранных рыночных субъектов. Сравнивая результативность 2021 г. с 2019 г., можно видеть, что в прошлом периоде показатели значительно ниже. Из-за коронавирусной инфекции часть предприятий закрыли свои двери для потребителей и перенесли процесс купли-продажи на онлайн-платформу. Частные охранные организации на рынке охранных услуг занимают 64 %, соответственно, их развитие способствует увеличению объемов выручки, результативности всего рынка услуг безопасности. На рис. 2 представлена численность частных охранных организаций Российской Федерации в динамике. Опираясь на мнение экспертов в области национальной безопасности, констатируем, что Российская Федерация занимает 6-е место по количеству преступлений, зарегистрированных на территории [1; 2; 3; 4]. Поэтому желание и стремление сохранить денежные средства, вложенные в коммерческую деятельность, обосновано сложившейся ситуацией в национальной экономике.

В 2021 г. количество предприятий снизилось, происходит укрупнение бизнеса на рынке охранных услуг с целью повышения деловой привлекательности для заказчиков. По итогам 2021 г. доля рынка частных охранных услуг составляет 64 %, а доля государственных поставщиков охранных услуг 36 %. На рис. 3 представлена структура оказанных видов охранных услуг в динамике на отечественном рынке.

По итогам проведенного исследования нами выявлены проблемы, препятствующие развитию рынка охранных услуг, который направлен на обеспечение деятельности рыночных агентов. Отсутствие единого подхода в реализации государственной политики в сфере охранной деятельности в Российской Федерации не сформировало нормативно-правовое поле, регламентирующее деятельность охранных предприятий независимо от формы собственности. Другие рынки имеют возможность привлекать инвестиции для укрепления материально-технического обеспечения охранных предприятий. В настоящее время объекты исследова-

ния не имеют практического опыта привлечения инвестиций, и это направление даже не рассматривается в ближайшей перспективе, что становится проблемным вопросом для изучения данной темы, разработки нормативно-правовых актов, позволяющих на взаимовыгодных условиях привлекать денежные средства.

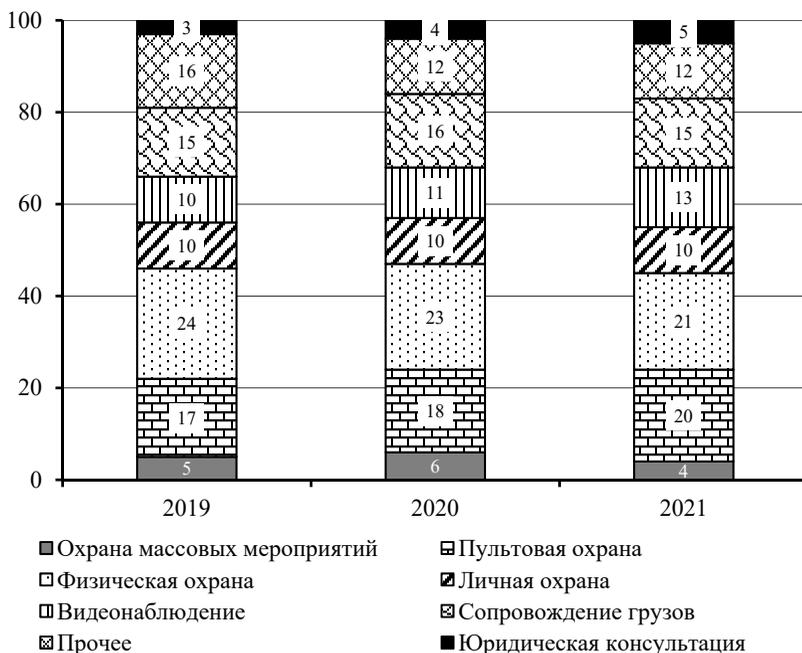

Рис. 3. Структура оказанных видов охранных услуг в динамике на отечественном рынке, %

Управление рисками это непрерывный процесс, направленный на определение степени наступления негативных событий, который оказывает влияние на результативность деятельности организации. Предприятие должно изначально рассматривать четыре сценария для упреждения наступления рискованного события: принятие риска, минимизация риска, передача риска и уклонение от риска. Под принятием риска понимаем, что компенсируем расходы за счет уменьшения прибыли хозяйствующего субъекта. Под уменьшением риска понимаем разработку мероприятий, направленных на снижение уровня риска при наступлении негатив-

212

ных событий, с экономическим обоснованием. Под передачей риска понимаем его ликвидацию с привлечением третьей стороны, в частности страховой организации. Под уклонением от риска понимаем остановку процесса, который ведет к наступлению негативного события. Нами систематизированы международные стандарты, характеризующие управление рисками рыночных субъектов (см. таблицу).

Международные стандарты по управлению рисками рыночных субъектов

Нормативные документы (стандарты)	Целевой ориентир	Экономическое содержание
ГОСТ Р ИСО 31000:2010 «Менеджмент риска. Принципы и руководство». ГОСТ Р ИСО/МЭК 31010:2011 «Менеджмент риска. Методы оценки риска». COSO Enterprise Risk Management-Integrating with Strategy and Performance (2017). FERMA, 2002	Установка цели, разработка стратегии и процессы управления предприятием	Повышение эффективного использования совокупного потенциала предприятия, предотвращение наступления рисков событий
OCEG Red Book 2.0:2009. COSO Enterprise Risk Management-Integrating with Strategy and Performance (2017)	Установка контроля над исполнением локальных актов, регламентирующих деятельность предприятия	Снижение уровня риска при ведении хозяйственной деятельности предприятия
Директива ЕС SOLVENCY II	Исполнение требований со стороны органов государственной власти	Полное соответствие установленным государственным нормативам при хозяйственной деятельности предприятия

Таким образом, изучив зарубежные и отечественные подходы при оценке экономической безопасности рыночных субъектов, отметим, что зарубежные организации применяют при оценке наступления негативного события риск-ориентированный подход. Их методы оценки наступления рисков события сконцентрированы на определении в основном финансовых рисков, что способствует улучшению экономической безопасности ры-

ночного субъекта. Современные отечественные экономисты предлагают комплексный подход, который направлен на эффективность использования имеющихся ресурсов предприятия, и мы с ними согласны. С целью минимизации рисков или предотвращения наступления рисков события необходимо оценивать все существующие бизнес-процессы с учетом внешних вызовов. Недостатком в деятельности отечественных предприятий является отсутствие структурных подразделений либо отдельных работников, которые бы осуществляли риск-менеджмент по всем направлениям деятельности предприятия.

Библиографический список

1. *Куликова Е. С.* Совершенствование сфер государственной гражданской службы // Экономические исследования и разработки. 2022. № 7. С. 16–19.
2. *Механизмы укрепления экономической безопасности государства и регионов: постковидная перспектива / Е. К. Карпунина, Н. В. Капустина, О. А. Аничкина и др. М.: ИП Сафронов Р. А., 2022. 184 с.*
3. *Brunner-Kirchmair T. M., Wiener M.* Knowledge is power — conceptualizing collaborative financial risk assessment // *The Journal of Risk Finance*. 2019. Vol. 20, issue 3. P. 226–248.
4. *Lewis R. L., Brown D. A., Sutton N. C.* Control and empowerment as an organising paradox: implications for management control systems // *Accounting, Auditing & Accountability Journal*. 2019. Vol. 32, issue 2. P. 483–507.

Сведения об авторах

Аббазова Венера Нагимовна — ассистент кафедры управления качеством и экспертизы товаров и услуг Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Анимица Евгений Георгиевич — доктор географических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный советник при ректорате, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Антинескул Екатерина Александровна — кандидат экономических наук, доцент, докторант, доцент кафедры менеджмента, маркетинга и коммерции Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь)

Белоусова Елизавета Александровна — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Бутаков Иван Александрович — главный бухгалтер ООО «УГМК-Сталь» (г. Екатеринбург)

Ваулин Андрей Сергеевич — заместитель генерального директора по экономике и финансам АО «ПО „УОМЗ“ им. Э.С. Яламова» (г. Екатеринбург)

Вербицкая Наталья Олеговна — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Виноградова Екатерина Юрьевна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры информационных технологий и статистики Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Воробьев Кирилл Алексеевич — главный государственный инспектор Управления ракетно-космической, атомной промышленности и авиастроения Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации (г. Москва)

Головина Алла Николаевна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятий Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Дворядкина Елена Борисовна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, директор института экономики и финансов Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Доме Ирина Николаевна — старший преподаватель кафедры корпоративного управления и финансов Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ» (г. Новосибирск)

Закирова Элина Рафиковна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и предпринимательства Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Заколюкина Екатерина Сергеевна — руководитель отдела по работе с клиентами ЗАО «Лаки Моторс» (г. Екатеринбург)

Калабина Елена Георгиевна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятий Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Капустина Лариса Михайловна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и международного менеджмента Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Карх Дмитрий Андреевич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры логистики и коммерции, проректор по учебно-методической работе и качеству образования Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Князева Елена Геннадьевна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита, проректор по дополнительному образованию и профориентационной работе Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Левина Вера Владимировна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры финансов и менеджмента Тульского государственного университета (г. Тула)

Логинов Михаил Павлович — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита

Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Львова Майя Ивановна — кандидат экономических наук, доцент, докторант, доцент кафедры государственного и муниципального управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Мансуров Гафур Закирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Мокеева Наталья Николаевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Молокова Елена Леонидовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Назарова Александра Дмитриевна — специалист по образовательным программам института дополнительного образования Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Новиков Сергей Владимирович — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры цифровых технологий в экономике и управлении Уфимского университета науки и технологий (г. Уфа)

Огородникова Екатерина Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, докторант, доцент кафедры менеджмента и предпринимательства Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Орехова Светлана Владимировна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры информационных технологий и статистики Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Орлова Татьяна Степановна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры экономики предприятий Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Пионткевич Надежда Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Пищулов Виктор Михайлович — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Плахин Андрей Евгеньевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и предпринимательства Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Попов Алексей Юрьевич — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Пылькина Мария Сергеевна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры менеджмента Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС (г. Санкт-Петербург)

Пьянкова Светлана Григорьевна — доктор экономических наук, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Савоськин Александр Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Силин Яков Петрович — доктор экономических наук, профессор, руководитель Свердловской региональной общественной организации Вольного экономического общества России, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, ректор Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Ткаченко Ирина Николаевна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой корпоративной экономики и управления бизнесом Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Трушина Ирина Александровна — экономист отдела аренды службы финансово-договорного обеспечения ПАО «Вымпелком» (г. Москва)

Чернышев Константин Валериевич (епископ Каллиник) — епископ Бахчисарайский, викарий Симферопольской и Крымской епархии (г. Симферополь); соискатель ученой степени кандидата наук при

кафедре региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Усова Наталья Витальевна — кандидат экономических наук, доцент, докторант, доцент кафедры маркетинга и международного менеджмента Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Хаитова Александра Иосифовна — президент благотворительного фонда «Я особенный» (г. Екатеринбург)

Чудиновских Марина Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент, докторант, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Шишкина Елена Александровна — кандидат экономических наук, докторант, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Юзвович Лариса Ивановна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов, денежного обращения и кредита Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Ялунина Екатерина Николаевна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования, директор института непрерывного и дистанционного образования Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Содержание

Анимиа Е. Г., Силин Я. П., Чернышев К. В. Необходимость смены парадигмы отечественной экономической науки в сфере региональной экономики	3
Антинескул Е. А. Обеспеченность населения продовольствием в ритейле в новых экономических условиях	10
Вербицкая Н. О. Нейроэкономика вложенных реальностей в условиях глобальных мировых трансформаций	22
Виноградова Е. Ю. Структурно-функциональная модель инновационной экспертной системы управления хозяйствующим субъектом	28
Головина А. Н., Ваулин А. С. Экономическая политика цифровых интеграций на промышленном предприятии	32
Дворядкина Е. Б., Белоусова Е. А. Экономическое благополучие в полицентричном мире: терминологические коллизии исследования	40
Доме И. Н. Учет современных вызовов на российском рынке труда в образовательном процессе	47
Закирова Э. Р., Назарова А. Д. Ключевые направления развития автоматизации повторяющихся рутинных процессов в агробизнесе.....	52
Калабина Е. Г., Пылькина М. С. Возможности и ограничения роботизации HR-процессов в бизнес-системе (на примере крупной уральской производственной компании).....	59
Капустина Л. М. Полицентрическое управление в условиях перехода к новому миропорядку	67
Карх Д. А., Аббазова В. Н. Развитие рынка складской недвижимости г. Екатеринбург в условиях санкционной политики.....	75
Князева Е. Г., Хаитова А. И. Условия финансового обеспечения жизнедеятельности семьи с ребенком с расстройством аутистического спектра.....	82
Левина В. В. Институциональные и поведенческие аспекты местной бюджетной политики в нестабильных условиях	88
Львова М. И. Взаимосвязь налогообложения и доходности криптовалют в странах ЕС.....	96
Мансуров Г. З. О структуре договорных связей в цифровых технологических платформах.....	102
Мокеева Н. Н. Влияние экономических санкций на капитал российских банков	107
Молокова Е. Л. Отклоняющееся поведение как фактор институционального здоровья общества: постановка проблемы	113
Новиков С. В., Плахин А. Е. Методология адаптивного управления сферой высшего образования	120
Огородникова Е. С. Методология формирования гибридной модели организационно-экономического механизма сферы социальных услуг	126

Орехова С. В., Бутаков И. А. Аллокативная эффективность ресурсов предприятий: проблемы стратегического выбора	131
Орлова Т. С., Воробьев К. А. Укрепление отечественной продовольственной безопасности в сегменте обеспечения прагматичного использования земельного ресурса.....	137
Пионткевич Н. С. Теоретические воззрения на сущность эндогенной среды финансовой деятельности организации.....	143
Пищулов В. М. Допустимость признания цифровых рублей в качестве цифровых наличных денег.....	148
Попов А. Ю. Маркировка интернет-рекламы: новые вызовы экономической безопасности в эпоху глобальной турбулентности.....	153
Пьянкова С. Г., Заколюкина Е. С. Трансформация транспортной инфраструктуры региона в условиях становления полицентричного мира	160
Савоськин А. В. Тенденции формирования понятийно-категориального аппарата при закреплении конституционно-правового статуса личности в цифровой телекоммуникационной среде.....	166
Ткаченко И. Н. ESG-технологии в корпоративном бизнесе: откат назад или надежда на развитие?	171
Трушина И. А., Закирова Э. Р. Методология оценки текущего уровня цифровизации агропромышленных предприятий	177
Усова Н. В., Логинов М. П. Финансовые войны в новоиндустриальном мире	184
Чудиновских М. В. Основные тренды и перспективы развития дистанционной занятости	191
Шишкина Е. А. Развитие пространственной инфраструктурной системы региона: современные подходы и методы исследования.....	196
Юзович Л. И. Сценарная практика применения Банком России режима таргетирования инфляции в условиях новых вызовов	201
Ялунина Е. Н. Совершенствование управления предприятием сферы охранных услуг.....	208
Сведения об авторах	215

Научное издание

**ПОЛИЦЕНТРИЧНЫЙ МИР:
НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА**

Сборник научных трудов

X Уральских научных чтений профессоров и докторантов гуманитарных наук

Корректор

Л. В. Матвеева

Компьютерная верстка

И. В. Засухиной

Поз. 31. Подписано в печать 09.06.2023.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать плоская.

Уч.-изд. л. 11,0. Усл. печ. л. 13,0. Печ. л. 14,0. Тираж 15 экз. Заказ 323.

Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета

